

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХХVI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.

1883.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Гербордова біографія Оттона, епископа
Вамбергскаго (Продолженіе.) . . . . . А. Петрова.

Исполнитъ Илья Муромецъ у Лунса Де-Ва-
стильо, Александра Веселова
скаго.

Князь Торонский Мстиславъ Мстиславичъ. В. Вузукула.

Критика и библиографія.

Русскія драматическія произведенія 1672 — 1725 гг. . . . . П. Морозова.

Путешествіе по Италіи въ 1875 и 1880 гг. . . . . И. Помыловскаго.

Geologische und physico-geographische Beobachtun-
gen in Olonetz Bergrevier . . . . . А. Иностранцева.

Richard junior. Het leven von M-r Nicolaus Corne-
lius Witsen (1641—1717). . . . . А. Брикнера.

Путешествіе въ Синай въ 1881 году. Изъ путевыхъ
высказаній. . . . . В. Стахова.

Еще разъ о значеніи славянствъ Гунновъ. . . . . В. Вашильскаго.

Наша учебная литература. . . . . П. Колумбуса.

Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея
учебной дѣятельности М. С. Буторги . . . . . В. В.

Работы нашихъ среднихъ и высшихъ учеб-
ныхъ заведеній по рисованію, черче-
нію и моделированію.

В. В. Мавушевъ. (Некрологъ.) . . . . . Антона Будиловича.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

(См. на 3-й стр. обертки).

КНЯЗЬ ТОРОПЕЦКІЙ МСТИСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЪ.

Бъ числу наиболѣе выдающихся и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичныхъ личностей до-татарской Руси принадлежитъ, безспорно, Мстиславъ Мстиславичъ, одно время князь Торопецкій, впоследствии Новгородскій, и наконецъ, Галицкій, извѣстный болѣе подъ именемъ Удалаго. Правда, дѣятельность его не оставила послѣ себя глубокихъ, не изгладимыхъ слѣдовъ въ нашей исторіи, не открыла собою новой эпохи; ни въ чемъ не измѣнивъ строя древне-русской жизни, она не дала ей новаго направленія¹⁾; но уже одни блестящія личныя качества Мстислава даютъ ему полное право на наше вниманіе. Этого мало: съ именемъ Мстислава тѣсно связаны всѣ болѣе или менѣе важныя событія, происходившія въ то время на Руси,—событія, въ которыхъ онъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Поприщемъ дѣятельности этого князя-витазя служить почти вся древняя Русь; Новгородъ, берега Финскаго залива и глубь Половечкихъ степей, Владиміръ Клязьменскій и далекій Галичъ—вотъ предѣлы его вліянія. Такимъ образомъ, слѣдя за дѣятельностью Мстислава, мы знакомимся съ общимъ положеніемъ дѣлъ на Руси, которая тогда переживала знаменательный періодъ упадка и разложенія первоначальнаго удѣльно-вѣчеваго порядка, и находилась наканунѣ татарскаго погрома, во многомъ измѣниваго, что бы тамъ ни говорили²⁾, строй нашей прежней жизни.

¹⁾ Ср. *Костомарова*, Русск. исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. I, стр. 97.

²⁾ *Соловьевъ*, предисловіе къ Ист. отнош. между русск. князьями Рюрик. дома, VI—IX; *Кавелинъ*, Сочин. I, стр. 313—314.

Отдѣльные историческіе дѣятели, имѣя свои индивидуальныя черты, вмѣстѣ съ тѣмъ неразрывно связаны съ тою средой и съ тѣмъ временемъ, среди которыхъ дѣйствуютъ. Не они создаютъ себѣ задачи для своей дѣятельности; задачи эти вырабатываются цѣлымъ ходомъ историческаго развитія. Это какъ нельзя болѣе примѣнимо къ Мстиславу Удалому, полному представителю Южной Руси и выразителю ея стремленій ¹⁾. Необходимо поэтому познакомиться въ общихъ чертахъ съ тѣми историческими условіями, продуктомъ которыхъ является Удалой, и среди которыхъ пришлось ему дѣйствовать.

I.

По смерти Ярослава I (1054 г.) начинается такъ-называемый удѣльный періодъ. Было время, когда въ установленіи удѣльной системы видѣли лишь политическую ошибку, вызванную „дѣйствіемъ любви родительской, которое обратилось въ несчастное обыкновеніе“ ²⁾. Но съ тѣхъ поръ прошло болѣе полувѣка; русская историческая наука подвинулась впередъ, обогатилась трудами С. М. Соловьева и другихъ изслѣдователей, и попытка Карамзина объяснить чисто-личными побужденіями и случайными причинами такой коренной фактъ, какъ раздѣленіе Руси на удѣлы, утратила всякое значеніе. Въ настоящее время большинство историковъ видитъ причину разсматриваемаго явленія въ обычаяхъ славянскихъ народовъ, по понятіямъ которыхъ извѣстная территория составляетъ собственность не отдѣльнаго лица, а цѣлаго рода, почему каждый членъ послѣдняго долженъ получить во владѣніе ту или другую долю этой территории. Такъ, всѣ Русскіе князья принадлежать къ одному княжескому роду, и каждый изъ нихъ, въ силу своего происхожденія отъ общаго предка, имѣетъ право на владѣніе частью земли, составляющей общее достояніе Рюриковичей ³⁾.

Но однимъ этимъ объясненіемъ еще нельзя удовлетвориться. Дѣло въ томъ, что сюда присоединилось другое, весьма важное обстоятельство: притязаніе князей на владѣніе частью Русской земли нашло себѣ готовую почву и живой отголосокъ среди самаго народа, въ

¹⁾ Ср. *Костомарова Русск. ист.* стр. 97.

²⁾ См. *Карамзина Ист. Гос. Росс.* II, 14; а также I, 109 и 141.

³⁾ Объ этомъ см. *Соловьева, Устрялова Русск. ист.* I, 9; *Лавгина Сочин.*, I, стр. 332; *Бестужева-Рюмина Русск. ист.* I, стр. 40, 51 158 и 193; *Иловайскаго Ист. Росс.* I, стр. 76.

стремленіи городовъ къ обособленности и независимости, въ областномъ духѣ русскаго населенія, который и выразился въ желаніи городовъ имѣть у себя отдѣльнаго, своего собственнаго князя ¹⁾. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Единство Руси при Владимирѣ Святомъ и Ярославѣ I было лишь кажущееся, чисто-внѣшнее; оно не пропикало въ самую глубь народной жизни. Многочисленный и распространенный на большомъ пространствѣ народъ не скоро отказывается отъ той розни, которая присуща первоначальному обществу. Для единства необходимо, чтобы въ пользу цѣлаго части его пожертвовали (хотя бы и недобровольно) извѣстною долей своей независимости, что возможно только при болѣе или менѣе значительномъ общественномъ развитіи. Народъ долженъ пройти много фазисовъ развитія, прежде чѣмъ достигнетъ полнаго внутренняго единства, станетъ однимъ, тѣсно сплоченнымъ организмомъ. Правда, сама уже природныя условія способствовали тому, чтобы Россія представляла изъ себя одно государственное цѣлое; однако не забудемъ, что она была населена племенами, хотя и родственными, составлявшими одинъ народъ, но все же имѣющими свои кой-какія бытовыя особенности и раскинутыми на необъятномъ пространствѣ, что, безъ сомнѣнія, въ свою очередь содѣйствовало уменьшенію между ними связи и сношеній, налагая на каждую область свой отпечатокъ ²⁾. Сгладить областную рознь, связать всю эту обширную территорію одною общою жизнью, притомъ такъ, чтобы всѣ ея части приняли участіе въ историческомъ движеніи ³⁾,—вотъ задача, для выполненія которой нужна была многолѣтняя внутренняя работа.

Итакъ, въ первый моментъ своего выступленія на историческое поприще Русь не могла явиться вполне объединенною; а если мы присоединимъ къ этому стремленію cadaго князя Рюриковича владѣть извѣстною долей Русской земли, то поймемъ, почему наша древняя жизнь облеклась въ форму удѣльнаго періода, прежде чѣмъ выработать внутреннее единство, и какъ выраженіе его, единую власть. Такимъ образомъ, время это—одна изъ переходныхъ ступе-

¹⁾ Ср: *Пассека Княжеская и до княжеская Русь (Чт. въ Общ. Ист. 1870 г., III)*. Также много замѣчаній и у *Костомарова* въ I-мъ т. *Ист. монографій и наследіевъ*.

²⁾ Ср. *Костомарова Ист. моногр. и изсл., т. I, стр. 3—4; Пассека Княж и докняж. Русь, стр. 78.*

³⁾ *Бестужева-Рюмина Русск. ист., стр. 193.*

ней къ полному единству, періодъ, въ теченіе котораго долженъ былъ совершаться тяжелый внутренній процессъ объединенія ¹⁾.

Такова почва, на которой возникъ удѣльный порядокъ.

Итакъ, во второй половинѣ XI в. Русь дѣлится на нѣсколько княжествъ, находя себѣ единеніе, между прочимъ, въ единствѣ происхожденія и родственныхъ отношеніяхъ своихъ князей и взаимной связи ихъ интересовъ. Переходъ стола отъ одного князя къ другому, безпрестанная смѣна князей составляетъ одно изъ характеристическихъ явленій нашего удѣльнаго порядка. Наблюдалось ли при этомъ какое-нибудь общее правило, и если такъ, то какое именно? Можно сказать а priori, что здѣсь не было господства одного опредѣленнаго принципа; отъ такого молодого общества, при неопредѣленности отношеній, открывающей широкій просторъ личному произволу, нечего и требовать строгой послѣдовательности. По одной изъ наиболѣе распространенныхъ теорій, представителемъ которой является С. М. Соловьевъ, князья занимали столы по старшинству, наподобіе лѣтвичнаго восхожденія. „Князья считаютъ всю Русскую землю въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего, при чемъ старшій въ родѣ, великій князь, сидитъ на старшемъ столѣ, другіе родичи, смотря по степени своего старшинства, занимаютъ другіе столы, другія волости, болѣе или менѣе значительныя; связь между старшими и младшими членами рода чисто—родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тѣмъ, что когда умретъ старшій или великій князь, то достоинство его вмѣстѣ съ главнымъ столомъ переходитъ не къ старшему сыну его, но къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ; этотъ старшій перемѣщается на главный столъ, при чемъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства“ ²⁾.

По совершенно справедливому замѣчанію г. Бестужева-Рюмина, эта теорія представляетъ лишь идеалъ, а не дѣйствительность ³⁾; на самомъ дѣлѣ практика шла нерѣдко въ разрѣзъ съ теоріей. Вообще, обращать вниманіе на одинъ княжескій родъ и счеты его представителей между собою значить имѣть въ виду только одну сторону явленія, оставляя безъ вниманія другую, не менѣе важную. Дѣло въ

¹⁾ Гильфердинга Соч., II, 425—427.

²⁾ См. Соловьева Ист. Росс. т. I, предисловіе, стр. VII. О переходѣ столовъ по старшинству см. также Кавелина Соч., I, 339; II, 448.

³⁾ См. Русск. ист. стр. 159, а также 107, 195.

томъ, что народная воля въ нашей древней исторіи является чрезвычайно важнымъ факторомъ, котораго нельзя игнорировать¹⁾; ибо эта была сила, полная жизни и энергіи, самымъ могущественнымъ образомъ влиявшая на общій ходъ дѣлъ. Мы видимъ, что едва только умеръ Ярославъ, едва началась удѣльная система, какъ воля народа своимъ вмѣшательствомъ нарушаетъ только-что установленный порядокъ: великій князь Изяславъ Ярославичъ изгоняется Кіевлянами, которые вмѣсто него сажаютъ на столъ Всеслава Полоцкаго, помимо всякихъ правъ старшинства, всякихъ родовыхъ счетовъ. Но видимому, впоследствии идеальный порядокъ торжествуетъ: въ Кіевѣ сидитъ сначала Всеволодъ, а послѣ него—не старшій сынъ его, а старшій въ родѣ—Святополкъ. Но вслѣдъ за этимъ народная воля снова выказываетъ всю свою силу: Владиміръ Мономахъ обязанъ Кіевскимъ столомъ не своему старшинству, а народному избранію. Такимъ образомъ, рядомъ съ счетами князей между собою дѣйствуетъ и воля народа²⁾.

Да и о самихъ князьяхъ слѣдуетъ замѣтить, что ими руководила не одна идея старшинства. Вотчинное начало появилось весьма рано³⁾; уже на Любецкомъ съѣздѣ (1097) постановлено было: „каждо да держитъ отчину свою...“⁴⁾. Не говоря уже о Полоцкѣ и Галичѣ, и въ другихъ областяхъ князь нерѣдко старается владѣть удѣломъ, который принадлежалъ его отцу. Въ этомъ отношеніи характеристичны, напримѣръ, слова Андрея Владиміровича, котораго Всеволодъ Ольговичъ хотѣлъ перевести изъ Переяслава въ Курскъ (1139 г.): „любилѣ ми того смерть на своей отчинѣ и на дѣднѣ, нежели Курское княженіе; отецъ мой Курскѣ не сѣдѣлъ, но в Переяславлѣ, и хочу на своей отчинѣ смерть прияти...“⁵⁾. Такое стремленіе кня-

¹⁾ Самъ Соловьевъ не отрицаетъ участія народной воли въ избраніи князей, но не придаетъ ей должнаго значенія; см. Объ отнош. Новгорода къ вел. кн., 14; Ист. отнош. м. рус. кн. Рюрик. дома, 135.

²⁾ Объ участіи и значеніи народной воли въ тогдашнихъ событіяхъ см. Соловьева Объ отн. Новг. къ вел. кн., стр. 13—14; Ист. отн. м. р. кн. Рюрикова, стр. 135; Кавелина Соч., I, стр. 337—8, II, стр. 517—28; Костомарова Ист. мон. и пвсл., I, стр. 15, 67—8, 185, 198—9; VII, 43—44; Сергиевича Вѣче и кн., 67—68.

³⁾ О вотчинномъ началѣ см. Кавелина Соч., I, стр. 333, II, стр. 470, 517—528; Сергиевича Вѣче и кн., 319, 325.

⁴⁾ См. Лѣтоп. по Лавр. списку, стр. 217; Иловайскаго Ист. Росс. I, 128.

⁵⁾ Лѣт. по Лавр. сл., стр. 291—2. Вспомнимъ также о Юріѣ Долгорукомъ:

зей совпало съ интересами самого населенія, нашло въ немъ сочувствіе и поддержку: переходъ князя изъ одного княжества въ другое обыкновенно сопровождался тѣмъ, что первенствующее значеніе получала пришедшая съ новымъ княземъ дружина, а туземный элементъ не только принужденъ былъ отступить на второй планъ, но часто даже подвергался угнетеніямъ ¹⁾, что, естественно, вызвало ненависть къ пришельцамъ и ихъ князю ²⁾. Это обстоятельство еще болѣе усиливало стремленіе городовъ имѣть своего собственного, отдѣльнаго князя ³⁾; оно же служитъ однимъ изъ объясненій, почему известная область чувствуетъ привязанность къ одному известному поколѣнію князей и постоянно помогаетъ ему въ борьбѣ съ другими ⁴⁾; такъ, Кіевляне поддерживаютъ Мономаховичей, Черниговцы—Ольговичей.

Кромѣ всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, на переходъ княжескаго стола вліяютъ и другія: воля умирающаго князя ⁵⁾, ряды князей между собой ⁶⁾ и проч.

Итакъ, приходится согласиться съ г. Бестужевымъ-Рюминимъ, по словамъ котораго—въ государственномъ бытѣ древней Руси „одного движущаго начала не было, и пестрота событій объясняется очень хорошо перенлетающимся взаимодействіемъ многихъ началъ, какъ, по

«мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ», говоритъ онъ Ныславу Давидовичу, занявшему Кіевъ (Лѣт. по Лавр. сп., стр. 327).

¹⁾ Изъ многихъ относящихся сюда свидѣтельствъ лѣтописей выдается слѣдующее (подъ 1176 г.): «Сядиша Ростиславичема в князенья земля Ростовская, роздала бѣста по городомъ посадиичество Русьскими дѣтьцими» (такъ какъ сами Ростиславичи пришли изъ южной Руси); «они же многу тяготу людемъ симъ створиша продажами и вирами. А сама князя холода бѣста, слушая бояръ, а бояре учахутъ я на многое нѣзнье: и святое Вогородици Володимерское золото и серебро вьзаетъ, первый день, ключъ палатни церковныи отъзаетъ; и города ея и дань, что же бишеть далъ церкви той блаженный князь Андрей...» (Лѣт. по Лавр. сп., стр. 355).

²⁾ Такъ, напримѣръ, Кіевляне по смерти Всеволода Ольговича избиваютъ его тиуновъ; то же повторилось по кончинѣ Юрія Долгорукаго.

³⁾ См. *Пассека* Княж. и докняж. Русь.

⁴⁾ См. *Буллага*: Разк. изъ Рус. ист., I, 201—2, 205, 212 и 213, и проч.

⁵⁾ Примѣромъ служатъ Мономахъ, Мстиславъ Владиміровичъ, Всеволодъ Ольговичъ и т. д.

⁶⁾ Такъ, напримѣръ, Ярославъ Луцкій сосладалъ съ Ростиславичами и «урядя с ними о Кьевѣ» (Лѣт. по Ип. сп., 390—1).

вѣрному замѣчанію одного изъ величайшихъ историковъ XIX в., Гизо, и бываетъ всегда въ создающихся обществахъ" ¹⁾).

По господствовавшему прежде мнѣнію, не вполне исчезнувшему, кажется, еще и въ настоящее время, установившіяся по смерти Ярослава порядокъ былъ виною всѣхъ бѣдствій, постигавшихъ Россію, которая, „повеличенная единовластіемъ, теперь утратила" ²⁾ силу, блескъ и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малыя области"; въ это время „государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе 300 лѣтъ". Разоренія и бѣдствія населенія, непрерывный рядъ кровавыхъ междоусобій, раздоры внутри и слабость предъ внѣшними врагами, словомъ, „ничего, кромѣ злодѣйствъ междоусобія" ³⁾—вотъ какую мрачную картину представляетъ эта эпоха нашей исторіи съ точки зрѣнія, очевидно, слишкомъ односторонней, а потому и невѣрной. Мы уже видѣли, какими важными причинами вызванъ былъ удѣльный порядокъ. Вопреки только-что приведенному мнѣнію, слѣдуетъ сказать, что эта система, внеся раздробленность русской территоріи, принесла однако и великую пользу въ дѣлѣ объединенія Россіи: разнь населенія существовала бы и безъ нея и только проявилась бы инымъ образомъ, быть можетъ, даже болѣе пагубнымъ для будущаго единства страны ⁴⁾),—между тѣмъ какъ теперь весь русскій міръ связанъ былъ единствомъ происхожденія своихъ князей, которые, не смотря на всѣ раздоры, сознаютъ себя членами одной семьи, и взаимные интересы которыхъ переплетены самымъ тѣснымъ образомъ. Самыя эти безпрестанныя междоусобія и постоянный переходъ князей съ одного стола на другой какъ нельзя болѣе способствовали внутреннему объединенію обширной русской территоріи: жители даже наиболѣе отдаленныхъ областей приходили въ соприкосновеніе другъ съ другомъ ⁵⁾); среди этого непрерывнаго движенія и броженія, скорѣе всего могли распространиться одинаковыя поня-

¹⁾ См. Русск. ист., 162. У него же можно найти и краткій разборъ различныхъ мнѣній о разсматриваемомъ періодѣ (стр. 152—162). Замѣтимъ, что уже *Поголов* высказалъ мысль о необходимости удѣльной системы (Ист. русск. народа, III, стр. 7).

²⁾ Какъ говоритъ, наприкладъ, *Карамзинъ*, II, 39 и I, 109.

³⁾ См. *Карамзина*, II, стр. 125.

⁴⁾ См. *Костомарова* Ист. мон. и язв., I, 34, 37—9, XII, 19—20 (*Вѣсти. Евр.*, 1870 г., № 11); *Устрялова* Русск. ист., I, стр. 9.

⁵⁾ Ср. *Вестужева-Рюмина* Русск. ист., 192.

тія, одна вѣра, одинъ языкъ; а присутствіе южныхъ кочевниковъ, общихъ враговъ всего русскаго міра, еще сильнѣе укрѣпляло въ населеніи различныхъ областей сознаніе своей близости ¹⁾). Притомъ бѣдствія мирныхъ жителей, разоренія селъ и городовъ въ сущности не были такъ ужасны, какъ кажется это съ перваго взгляда, что доказано уже Погодинымъ ²⁾ и Соловьевымъ. Поэтому, рядомъ съ недостатками этого періода не забудемъ и о свѣтлыхъ его сторонахъ. Живая связь князя съ народомъ, отсутствіе постоянного антагонизма между княжескою властью и вѣчемъ ³⁾, свободное проявленіе народной воли, наконецъ та печать добродушія, которою, не смотря на не умолаившіе раздоры, отмѣчены лучшие люди того времени, отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ — вотъ также не менѣе выдающіяся черты этой эпохи нашей исторіи. Какъ-то легко и свободно жилось въ этой привольной атмосферѣ! Вообще нашу древнюю Русь можно упрекнуть не въ недостатокъ, а скорѣе въ излишествъ свободы, подъ часъ беспорядочной, даже разнузданной; но какой же сдержанности и какого порядка можно требовать отъ столь молодаго общества? Притомъ же, не смотря на все господство произвола, масса не томилась подъ чьимъ-либо гнетомъ, цѣлый классъ людей не обращался въ подавленныхъ рабовъ. Стоитъ только сравнить нашъ удѣльно-вѣчевой порядокъ съ современнымъ ему западно-европейскимъ феодализмомъ, который основанъ былъ на порабощеніи низшаго класса въ пользу привилегированнаго сословія, чтобы не быть слишкомъ строгимъ къ темнымъ сторонамъ древней русской жизни.

Но, не смотря на нѣкоторыя свѣтлыя стороны, такой несовершенный порядокъ, какимъ былъ удѣльный, съ его неопредѣленностью отношеній, полнымъ просторомъ для проявленія страстей и произвола, и какъ неминуемымъ слѣдствіемъ всего этого, съ его междоусобіями, годился лишь для молодаго и первоначальнаго общества, не умѣвшаго выработать еще ничего болѣе прочнаго и опредѣленнаго. „Государственная система Ярослава“, говоритъ Кавелинъ ⁴⁾, — „очевидно была неполна и слишкомъ неопредѣленна. Множество вопросовъ, возникшихъ потомъ, она оставила не разрѣшенными... Кромѣ того, основное

¹⁾ См. *Костомарова* Ист. мон. и изсл., I, 39.

²⁾ См. *Исследов.*, зам. и лекціи, т. V.

³⁾ См. *Сергеевича* Вѣче и князь, 113. Населеніе возстаетъ противъ того или другаго князя, но не противъ княжеской власти вообще.

⁴⁾ См. *Соч.*, I, стр. 331—2.

ея начало было непрочное; рано или поздно, она должна была разрушиться сама собою¹. Въ самомъ дѣлѣ, съ развѣтвленіемъ княжескаго рода запутанность отношеній все болѣе и болѣе увеличивалась, а самый порядокъ изнашивался, ветшалъ; родственное чувство, бывшее прежде сдерживающимъ началомъ, и отношенія, основанныя на немъ, мало по малу теряли всякое значеніе; словомъ, удѣльная система уже рѣшительно не удовлетворяла потребностямъ времени. Исходъ изъ этого хаоса былъ необходимъ. И дѣйствительно, уже во второй половинѣ XII в. мы замѣчаемъ нѣкоторыя измѣненія въ этомъ порядкѣ вещей, зачатки новой государственной формы. Въ 1169 г. ¹⁾ происходитъ знаменательное и до тѣхъ поръ безпримѣрное событіе: мать городовъ русскихъ, Кіевъ, беретъ на щитъ войсками Андрея Боголюбскаго и союзныхъ съ нимъ 11 князей; мало этого: самъ Андрей не переходитъ во взятый Кіевъ, а остается на сѣверо-востокѣ, въ своемъ Владимірѣ, Кіевскій же столъ отдаетъ брату своему Глѣбу. И чтó поразительнѣе всего, произошло это вскорѣ послѣ упорной борьбы между Изяславомъ и отцемъ Боголюбскаго Юріемъ,—борьбы, которая, казалось, была послѣднимъ, но вѣстѣ и самымъ сильнымъ напряженіемъ силъ за обладаніе Кіевомъ. Какой же порядокъ вещей начинается съ этого времени?

Еще Карамзинъ приписалъ Андрею Боголюбскому ясное стремленіе „къ спасительному единовластію“ ²⁾. Впослѣдствіи мысль эту особенно развилъ Соловьевъ, по мнѣнію котораго, съ этого момента начинается новая эпоха въ нашей исторіи: „отношенія родовыя смѣняются государственными; Андрей—это первый самовластецъ, положившій начало единой державѣ“ ³⁾. Теорія Соловьева обстоятельно разобрана гг. Кавелинымъ ⁴⁾ и Костомаровымъ ⁵⁾; поэтому, ограничимся самыми общими замѣчаніями. Соловьевъ, какъ справедливо выразился г. Кавелинъ, полагаетъ цѣлую пропасть между двумя эпохами нашей исторіи—временемъ до и послѣ Андрея Боголюбскаго; чтобы наполнить эту пропасть, онъ прибѣгаетъ къ остроумной, но

¹⁾ О времени взятія Кіева войсками Боголюбскаго см. *Карамзина*, II, пр. 424.

²⁾ См. *Ист. Рос. Росс.*, III, 20.

³⁾ См. *Ист. Рос.*, II, 244—254.

⁴⁾ *Соч.*, II, 463—4, 467—8.

⁵⁾ *Ист. мон. и иссл.* I, 76—9, въ особенности же Нач. единой держ. въ др. Русь, преимущественно стр. 61—67 (*Ист. мон. и иссл.*, т. XII, также *В. Бор.*, 1870 г. № 11 и 12). Опроверженіе мнѣнія *Соловьева* можно найти также и у *Сергиевича* (*В. и Кн.*).

натянутой и невѣрной гипотезѣ о старыхъ и новыхъ городахъ. Въ дѣйствительности такого рѣзкаго перехода въ нашей исторіи вовсе не существовало. Вотчинное начало, какъ мы видѣли, явилось еще прежде; если же сѣверо-восточные князья смотрятъ на свое княжество, какъ на собственность, при чемъ отецъ даже передаетъ по завѣщанію столъ младшему сыну (Всеволодъ III—Юрію); если, ловко пользуясь обстоятельствами, они стараются приобрести, и дѣйствительно приобретаютъ, силу и значеніе, то во всемъ этомъ Галичъ давно опередилъ сѣверо-восточную Русь. Вспомнимъ о „многоглаголивомъ“ Владимірѣ, о Ярославѣ Осмомыслѣ, завѣщавшемъ Галицкій столъ не своему законному сыну Владимиру, а Олегу „Настасьичу“, и особенно о Романѣ Мстиславичѣ, который, будучи Волинскимъ княземъ, овладѣваетъ Галичемъ, но и прежняго своего княжества не оставляетъ, а соединяетъ два владѣнія въ одно; не даромъ же Ипатьевская лѣтопись называетъ его „самодержцемъ всея Руси“¹⁾, а Татищевъ говоритъ даже, будто Романъ увѣщевалъ Русскихъ князей оставить удѣльную систему. Вообще, Галицкіе князья едва ли не съ бѣльшимъ правомъ могутъ быть названы первыми собственниками земли Русской. Затѣмъ, въ такъ-называемыхъ новыхъ городахъ господствуетъ то же вѣче, то же проявленіе народной воли, какъ и въ старыхъ²⁾, что такъ ясно выразилось во время междоусобій, поднявшихся въ Суздальской землѣ по убіеніи Андрея, въ расправѣ Владимірцевъ надъ Ростиславичами и при осадѣ Торжка Всеволодомъ III. Сами даже сѣверо-восточные князья не выказываютъ сознательнаго и неуклоннаго стремленія къ установленію единовластія; такъ, Всеволодъ III самъ же дѣлитъ Суздальскую землю между своими сыновьями, которые послѣ его смерти поднимаютъ междоусобія.

Но г. Костомаровъ въ своей статьѣ: „Начало единой державы въ древней Руси“, опровергая мнѣніе Соловьева, впадаетъ въ другую крайность: по его словамъ, до Татаръ „никакого новаго шага не было сдѣлано къ уничтоженію удѣльно-вѣчеваго строя“³⁾. Это не совсѣмъ вѣрно: уже тогда можно замѣтить зародыши новаго порядка вещей. Вообще г. Костомаровъ не отдѣляетъ въ достаточной мѣрѣ

¹⁾ Лѣт. по Ип. списку, 479.

²⁾ Напр., Владимірцы говорятъ по поводу насилій, производимыхъ боярами Ростиславичей: мы есмь волная князя прияли къ собѣ...» (Лѣт. по Лавр. сп., 355—356).

³⁾ Ист. мон. и изсл., XII, 65—66 (В. Евр. 1870 г., № 11 и 12).

различія, безъ сомнѣнія, существовавшего между положеніемъ дѣлъ до и послѣ Андрея Боголюбскаго. Отметимъ въ краткихъ словахъ нѣкоторыя отличительныя черты періода нашей древней жизни, наступившаго послѣ взятія Кіева Андреемъ.

Южная Русь изнемогла отъ междоусобій, въ нихъ утратила она свои силы, и историческая жизнь, сосредоточивавшаяся прежде на югѣ и имѣвшая своимъ центромъ Кіевъ, начинаетъ отливать на сѣверо-востокъ, откуда теперь нерѣдко исходитъ и рѣшеніе судьбы другихъ княжествъ: явленіе чрезвычайной важности, имѣвшее значеніе для всей будущей исторіи Россіи. Въѣствъ съ этимъ замѣчается и упадокъ духа кіевского населенія ¹⁾: нѣтъ уже того вѣча, того воодушевленія, могучаго проявленія своей воли и живаго участія во всемъ ходѣ событій, какія мы видимъ прежде, напримѣръ, во время борьбы Изяслава съ Юріемъ Долгорукимъ.

Вотъорыхъ, съ перваго же взгляда ясно, что въ этотъ періодъ между русскими областями не существуетъ уже той живой связи, какая замѣчается прежде; области, равно какъ и княжескія линіи, начинаютъ, по видимому, обособляться ²⁾; въ различныхъ княжествахъ устанавливается большею частью то или другое поколѣніе князей; нѣтъ уже такого движенія и перехода стола отъ одной княжеской линіи къ другой ³⁾. Другими словами, вотчинное начало, которое существовало и прежде, еще при первыхъ преемникахъ, Ярослава Мудраго, теперь все болѣе и болѣе усиливается, беретъ верхъ надъ общностью и нераздѣльностью владѣній, чему способствовало какъ развѣтвленіе княжескаго рода, и вслѣдствіе того, уменьшеніе связи и чувства родства между отдаленными княжескими линіями, такъ и стремленіе самого населенія, желавшаго имѣть у себя, какъ мы видѣли, отдѣльныхъ князей, то или другое извѣстное поколѣніе ихъ. Въ сущности это обособленіе было, въ своемъ родѣ, новымъ и необходимымъ шагомъ къ образованію одного цѣльнаго государственнаго организма: понятно, что отдѣльныя области не могли добровольно примкнуть одна къ другой и составить одно тѣсно сплоченное цѣлое, не могли и князья оставить свои прѣязанія на отдѣльныя княжества; ко всему этому, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, нужно было принудить силою, что возможно было, конечно, не

¹⁾ Ср. *Соловьева* Ист. Росс. II, 288; *Бяляева* Рязк. изъ Русск. ист., I, 334.

²⁾ Ср. *Иловайскаго* Ист. Росс., 282; *Кавелина* Соч., I, 343—4.

³⁾ Ср. *Кавелина* Соч. I, 343—4.

среди всеобщаго движенія, а среди лишь обособленія, такъ какъ только отдѣлившись на время отъ другихъ, могла какая-нибудь область собрать свои силы и стать могущественнѣе прочихъ. Въ будущемъ, разумѣется, это обѣщало долгую и упорную борьбу.

Итакъ, князья начинаютъ осѣдаться въ извѣстныхъ областяхъ. Вѣсть съ этимъ измѣняется и личный характеръ князей. Такъ, напримѣръ, Всеволодъ III уже многими своими чертами напоминаетъ позднѣйшихъ московскихъ „собрателей земли Русской“; подобно имъ, онъ умѣетъ хитро пользоваться обстоятельствами для распространенія своего вліянія, остороженъ не менѣе ихъ, не любитъ вступать въ битвы и готовъ скорѣе на время уступить, чѣмъ подвергнуть риску разъ прибрѣтенное. Самый характеръ вліянія сѣверо-восточныхъ князей нѣсколько отличается отъ того характера, который носитъ на себѣ власть великихъ князей Кіевскихъ: власть послѣднихъ не имѣла никакого другаго авторитета, кромѣ нравственнаго ¹⁾; если же князья сѣверо-восточные пользуются вліяніемъ, если къ нимъ прибѣгаютъ за рѣшеніемъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ, то этимъ они обязаны своему матеріальному могуществу и той ловкой политикѣ, которую они преслѣдуютъ ²⁾, стараясь ссорить князей между собою и не давая значительнаго перевѣса ни одному изъ враждующихъ, чтобы самими, оставаясь въ сторонѣ, играть роль посредника и судьи ³⁾.

Таковы главнѣйшія особенности того періода, къ которому относится дѣятельность Мстислава Удалого. При этомъ надо замѣтить, что и прежнія черты нашего древняго строя не исчезли еще окончательно; онѣ существуютъ рядомъ съ новыми. Такъ, напримѣръ, въ Кіевскомъ княжествѣ, въ которомъ не могла утвердиться ни одна изъ княжескихъ линий, по прежнему совершаются безпрестанныя смѣны князей. Вообще можно сказать, что въ это время старыя представленія теряли свое значеніе, прежній строй разрушался, а прочнаго новаго ничего еще не выработалось. Повятно, какая должна была производиться вслѣдствіе этого путаница во всѣхъ тогдашнихъ отношеніяхъ; исчезла даже тѣнь какого бы то ни было порядка, всякія правила потеряли силу; мѣсто ихъ заняла простая случайность, грубый произволъ и

¹⁾ Ср. *Соловьева* Объ отнош. Новг. къ вел. кн., 20.

²⁾ См. *Костомарова* замѣчанія въ 1-мъ томѣ Ист. мон. и вѣсл. и въ Нач. единоподерж. въ др. Русн, также *Сержневича* Вяче и князь.

³⁾ Ср. *Вестужева-Рюмина* Русск. ист., 190.

сила. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, настало тяжкое время для слабыхъ, для всѣхъ тѣхъ, которые не могли сами постоять за свои права; единству Руси, по видимому, грозила опасность. Оживить заглохшее чувство родства между князьями и сознание единства всей Русской земли, поддержать вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельность каждой области, внести хотя какой нибудь порядокъ въ этотъ хаосъ, поднять знамя правды противъ силы, защитить слабыхъ и гонимыхъ, стать примирителемъ и посредникомъ между враждующими—вотъ дѣли, которыя преслѣдовалъ въ своей дѣятельности Мстиславъ, можетъ быть, даже не всегда сознательно.

Какъ исполнилъ Мстиславъ свои задачи, иной разъ, по видимому, трудно совмѣстимыя одна съ другою? На сколько былъ онъ послѣдователемъ въ своихъ дѣйствіяхъ? Точно ли онъ былъ представителемъ и даже возстановителемъ исключительно стараго порядка; какъ думалъ Соловьевъ? Не отразились ли и на немъ зачатки новыхъ понятій? Таковы вопросы, отвѣтъ на которые долженъ дать нашъ обзоръ дѣятельности Мстислава, на основаніи главнѣйшаго, почти единственнаго источника для изученія дотатарской Руси—лѣтописей.

Мстиславъ Мстиславичъ происходилъ отъ одного изъ внуковъ Мономаха—Ростислава. Этотъ Ростиславъ, извѣстный своей любовью и неизмѣнною вѣрностью, которую онъ всегда оказывалъ брату своему, храброму Изяславу Мстиславичу, особенно во время борьбы его съ Юриемъ, славился болѣе своимъ благочестіемъ ¹⁾ и семейными добродѣтелями, чѣмъ мужествомъ и воинскими подвигами. Не таковы были сыновья его. Правда, старшій изъ Ростиславичей, Романъ, своимъ кроткимъ нравомъ походилъ на отца ²⁾; но за то остальные были образцомъ мужества. Между, тѣмъ какъ на сѣверѣ господствовалъ Андрей Боголюбскій, на югѣ получаетъ особенное значеніе эта семья

¹⁾ Отъ него осталась любопытная грамота, данная учрежденной имъ въ Смоленскѣ (1150 г.) епископіи.

²⁾ Лѣтопись прославляетъ преимущественно его добросердечіе, и по случаю его смерти влагаетъ въ уста Романовой вдовы такія слова: «Царю мой благій, кроткій, смиренный, правдивый! истину тебѣ нарчено имя Романъ, всею добродѣтелию смѣ подобенъ ему» (Романъ—христіанское имя св. Бориса), «многіа досады прии отъ Смолнянъ, и не видѣ ты, господине, николи же противу ихъ алу никотораго зла въздающе, но на Божѣ вся покладывая провошаше» (Лѣт. по Ив. сл., 417—418).

Ростиславичей, сильная не только храбростью своихъ представителей, но и замѣчательнымъ единодушіемъ, вытекавшимъ, между прочимъ, изъ глубокаго чувства родства и уваженія къ родственнымъ связямъ; только въ нихъ средѣ встрѣчается Боголюбскій отпоръ своимъ планамъ, о нихъ сопротивленіе разбивается сильная его рать. Въ Ростиславичахъ было еще живо сознаніе единства всей Русской земли; вотчиной для нихъ служить вся Русь ¹⁾. Болѣе всѣхъ выдавался между ними отецъ Удалаго, Мстиславъ, по прозванію Храбрый, прославившійся мужественною обороною Вышгорода противъ безчисленныхъ полковъ Андрея и его союзниковъ. Последнее время своей жизни этотъ храбрый князь провелъ въ Новгородѣ. Онъ приобрѣлъ общую любовь Новгородцевъ, въ то время уже рѣдко ладившихъ съ своими князьями. Лучше всего любовь эта выразилась въ той скорби, которую причинила народу его смерть; по выраженію лѣтописи ²⁾, плакала по немъ вся земля Новгородская, особенно же „лѣпшіе мужи Новгородскіе“. Да и какъ было не оплакивать такого князя? „Не бѣ бо тоѣ землѣ в Руси, которая же его не хотишетъ не любяшетъ, но всегда бо тоснишетъ на великая дѣла“. Не только братья были опечалены его смертью, „плакашеса по немъ вся земля Руская, не може забыти доблести его, и Чернии Клобуци вси не могутъ забыти приголубленія его“ ³⁾. Продолжателемъ подвиговъ и преемникомъ славы этого-то уважаемаго всѣми князя и является знаменитый сынъ его, Мстиславъ Удалой.

Тщетно стали бы мы искать въ нашихъ источникахъ указанія на годъ рожденія Мстислава Мстиславича: его нѣтъ ни въ одной лѣтописи. Извѣстно только, что умирающій отецъ Удалаго обратился къ своей женѣ и дружинѣ съ прощальными словами ⁴⁾: „Приказываю дитя свое, Владиміра, Борису Захарьичу, и даю его съ волостью на руки братьямъ моимъ, Рюрику и Давиду ⁵⁾; а обо мнѣ Богъ про-

¹⁾ Такъ, Мстиславъ Храбрый сначала отказался принять приглашеніе Новгородцевъ, звавшихъ его къ себѣ на столъ, сказавъ имъ: «яко не могу ити мѣ отчиму своею и со братьемъ своею разойтиса»; но братья склонили его переменить свое рѣшеніе: «брате!» говорили они, «аже зовуть ти съ честию, иди; а тамо чѣ не наша отчина?» (Лѣт. по Ип. сп., стр. 411 и слѣд.)

²⁾ Характеристику Мстислава и извѣстіе о его смерти см. въ Лѣт. по Ип. сп., 411—414.

³⁾ Лѣт. по Ип. сп., 414.

⁴⁾ Лѣт. по Ип. сп., 411—414.

⁵⁾ Замѣчательно, что Мстиславъ поручаетъ сына не старшему своему брату Роману, а младшимъ, Рюрику и Давиду. Дало въ томъ, что съ Романомъ у него

мыслить! Здѣсь ни слова не говорится о старшемъ сынѣ, Мстиславѣ. Чѣмъ же объяснить такое умолчаніе? Остается предположить, что этотъ сынъ въ то время (то-есть, въ 1180 г.) ¹⁾ былъ уже если не взрослымъ, то по крайней мѣрѣ, въ такихъ лѣтахъ и обстоятельствахъ, что не нуждался въ опекѣ дядей. Соловьевъ полагаетъ, что уже тогда Мстиславъ княжилъ въ отцовскомъ удѣлѣ, Торопцѣ ²⁾. Но дѣло въ томъ, что послѣ смерти отца, мы видимъ Удалаго на югѣ, напримѣръ, въ 1207 г. въ Торческѣ; Карамзинъ и Полевой думаютъ даже, что именно за мужественную защиту этого города и данъ былъ ему Рюрикомъ Торопецъ ³⁾. Бестужевъ-Рюминъ относитъ начало Мстиславова княженія въ Торопцѣ также къ 1207 г. ⁴⁾. Вообще, на сколько можно судить изъ отрывочныхъ извѣстій лѣтописей ⁵⁾, до самаго 1207 г. вѣлчительно Удалой является дѣйствующимъ лицомъ лишь на югѣ; но источники не даютъ указанія на счетъ того, былъ ли онъ княземъ одного изъ южно-русскихъ городовъ, или находился тамъ только временно; можетъ быть, даже, что онъ пока нигдѣ еще не имѣлъ удѣла. Такимъ образомъ, при отсутствіи точныхъ данныхъ нѣтъ возможности съ полною достовѣрностью опредѣлить время, когда именно получилъ Мстиславъ Торопецъ; во всякомъ случаѣ предположеніе Соловьева, что это случилось еще при жизни его отца, не лишено вѣроятія: въ пользу этого предположенія говорить и то обстоятельство, что Торопецъ былъ Мстиславою вотчиной, волостью его отца, который, будучи призванъ на княженіе въ Новгородъ, въ Торопцѣ, можетъ быть, оставилъ своего старшаго сына.

Конечно, нечего искать въ лѣтописяхъ извѣстій о дѣтствѣ Удалаго, о томъ времени, когда такъ живо воспринимаются умомъ впечатлѣнія; мы не найдемъ прямого указанія на то, какъ сложился нравственный обликъ Мстислава, какъ шло его воспитаніе. Самый характеръ нашихъ источниковъ обуславливаетъ отсутствіе подоб-

---

неизвѣстно до этого произошла размова по поводу Мстиславова похода противъ Полоцкаго князя, бывшаго зятемъ Роману. См. *Соловьева* Ист. Росс., II, прим. 387.

¹⁾ Такъ по Новгородской, а по Ипатьевской—въ 1178 г. (Лѣт. по Ип. сп., 411—414).

²⁾ Ист. Росс., II, прим. 387.

³⁾ Ист. Гос. Росс., III, стр. 77; Ист. Русск. нар., III, стр. 203.

⁴⁾ Русск. ист., стр. 179.

⁵⁾ Ипатьевской, Лаврентьевской и Воскресенской.

ныхъ извѣстій. За то въ лѣтописяхъ живо отражается вся тогдашняя жизнь, а она-то именно и создала Мстислава. По замѣчанію Соловьева ¹⁾, всю эту эпоху нашей исторіи можно назвать героическою. И дѣйствительно, свѣжій, молодой народъ, полный энергіи и физической силы, не находилъ лучшаго попріица для своей дѣятельности, какъ ратное поле. Это, по словамъ Погодина ²⁾, еще болѣе способствовало увеличенію междоусобій: на нихъ тратился избытокъ силъ. Вся жизнь тогдашнихъ князей, особенно южно-русскихъ, проходитъ въ постоянныхъ битвахъ то между собою, то съ погаными кочевниками. Вилась не для одной выгоды, но и для славы. Вспомнимъ, напримѣръ, о злополучномъ Игорѣ, воспѣтомъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“: „Хощю бо“, говоритъ онъ, — „копіе приломити конецъ поля Половецкаго; съ вами, Русичи, хощю главу свою приложити а любо испити шелономъ Дону“. Подобно князьямъ, и дружина стремилась также не къ одной корысти: она искала „себѣ чты, а князю славы“. Такимъ образомъ, воинственность и удалое мужество составляютъ, можно сказать, общую черту того времени. Князья уже съ малыхъ лѣтъ привыкали къ ратному дѣлу ³⁾. Замѣчательно при этомъ, что рядомъ съ блестящею храбростью, жаждой подвиговъ и славы, въ лучшихъ князьяхъ той эпохи проглядываетъ желаніе не проливать напрасно крови христіанской, воздерживаться по возможности отъ кровопролитія и кончать дѣло мирнымъ путемъ ⁴⁾. Такъ создавался у насъ типъ князей-витязей, рыцарей въ лучшемъ значеніи этого слова, рядъ которыхъ тянется почти непрерывно чрезъ всю нашу древнюю исторію и замыкается блестящимъ образомъ двумя Мстиславами, Храбрымъ отцемъ и Удалымъ сыномъ. Итакъ, бравный духъ эпохи, вліяніе и примѣръ собственнаго отца—вотъ что воспитало Мстислава Мстиславича и подѣйствовало самымъ могущественнымъ образомъ на образованіе его характера.

Подвиги и слава Мстислава Храбраго, пользовавшагося все-

¹⁾ Ист. отнош. между русск. кн. Рюрик. дома, 389—390.

²⁾ Иссл., зам. и лекціи о русск. ист., V, 39—40.

³⁾ См. Карамзина III, 135, III, прим. 278: «Не говоря о Святославѣ I, который, будучи слабымъ отрокомъ, уже металъ коня въ Дривлянъ, замѣтимъ, что Всеволодъ III, осаждая Пронскъ, нѣлъ съ собою двухъ сыновей, Георгія 10-лѣтняго и Владиміра—5-лѣтняго».

⁴⁾ Это составляетъ вообще одну изъ симпатичныхъ сторонъ русскаго народнаго характера; таковъ, напримѣръ, и главнѣйшій герой нашего богатирскаго эпоса, Илья Муромецъ, который, какъ извѣстно, вѣрдало щадить своихъ враговъ.

общей любовью и популярностью, заранее расположили уже всѣхъ въ пользу его сына и очистили послѣднему путь къ вліанію, тѣмъ болѣе, что въ тѣ времена много значило происходить отъ любимаго всѣми отца или вообще предка; припомнимъ, напримѣръ, какою любовью и какимъ значеніемъ пользовалось все Мономахово потомство; изъ уваженія къ памяти отца, Кіевляне готовы терпѣть у себя нелюбимаго ими сына, Юрія, и долго не рѣшались оказывать ему вооруженное сопротивленіе.

Посмотримъ же на дѣятельность Мстислава Мстиславича.

Нужно замѣтить, что вообще лѣтописныя извѣстія о первоначальной дѣятельности Удалаго до той поры, когда онъ выступаетъ защитникомъ Новгорода противъ Всеволода III, довольно скудны; источники даютъ лишь отрывочныя свѣдѣнія, такъ что нѣтъ возможности слѣдить шагъ за шагомъ за Мстиславомъ и вполнѣ воспроизвести его дѣятельность за этотъ періодъ. Все это время, до самаго 1210 г. ¹⁾, онъ ничѣмъ не выдѣляется изъ ряда другихъ князей, являясь пока второстепеннымъ лицомъ въ тогдашнихъ событіяхъ. Въ первый разъ упоминаетъ о немъ Ипатьевская лѣтопись, именно подъ 1193 г., по поводу похода Ростислава Рюриковича на Половецъ во время княженія въ Кіевѣ Святослава Всеволодовича.

Въ послѣднюю четверть XII столѣтія борьба съ Половцами принимаетъ довольно оживленный и даже упорный характеръ: то Половцы дѣлаютъ набѣги на русскія области, то наши князья принимаютъ походы противъ нихъ. Въ это время рѣдкій годъ проходитъ безъ взаимныхъ столкновеній, а иногда на одинъ и тотъ же годъ приходится по два предпріятія князей противъ этихъ южныхъ кочевниковъ. Начиная съ 1177 г. и по 1193 г. (до похода, въ которомъ участвовалъ Мстиславъ Мстиславичъ), въ Ипатьевской лѣтописи упоминается десять разъ о столкновеніяхъ Русскихъ съ погаными „Измаильтянами, безбожными Половцами“ ²⁾. Къ этой же эпохѣ относится и несчастный походъ Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго (1185 г.), воспѣтый неизвѣстнымъ авторомъ „Слова о полку Игоревѣ“. Обстоятельства видимо благоприятствовали этой борьбѣ съ вѣшнимъ врагомъ: на сѣверѣ сидѣлъ могущественный

¹⁾ Такъ по Новгородск. и Никоновск. лѣт., а по Лавр.—1209 г., по Воскресенск.—1208 г.

²⁾ См. лѣт. по Ип. сп., годы: 1177, 1178, 1183 (2 раза), 1184—1185, 1186, 1187 (2 похода), 1190, 1193 (2 раза, послѣдній—при участіи Мстислава).

Всеволодъ III, умѣвшій (если считалъ это нужнымъ для себя) сдерживать междоусобія на югѣ, гдѣ, въ свою очередь, и Ростиславичи жили большею частью въ согласіи съ Кіевскимъ княземъ, Святославомъ Всеволодовичемъ, такъ что южная Русь наслаждалась въ некоторое время сравнительнымъ спокойствіемъ, отдыхала отъ безпрестанныхъ раздоровъ. Такимъ образомъ, силы Русскихъ князей могли, наконецъ, обратиться на борьбу съ нашими внѣшними врагами, Половцами.

Въ походѣ 1193 г. участвовали только молодые князья—Ростиславъ Рюриковичъ и Мстиславъ Мстиславичъ, находившіеся въ то время въ Треполѣ¹⁾; тѣмъ не менѣе предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Лѣтопись такимъ образомъ описываетъ это событіе²⁾: Зимомъ 1193 г. пріѣхали къ Ростиславу Рюриковичу „лѣньшніи мужи в Черныхъ Клобуцехъ“³⁾, побуждая его къ походу противъ Половцевъ. „Поѣзжай, князь, съ нами на вѣжи Половецкія,“ говорили они;—„теперь удобное время. Мы бы просили тебя у отца твоего, но слышали, что онъ хочетъ идти на Литву; поэтому, пожалуй, онъ тебѣ не пуститъ; а такого удобнаго времени въ другой разъ не будетъ“. Ростиславъ Рюриковичъ, „улюбивъ рѣчь ихъ“, отправился прямо съ лововъ въ походъ, безъ вѣдома отца, пославъ только за своею дружиной и въ Треполь къ своему двоюродному брату, Мстиславу Мстиславичу, приглашая и его съ собою. Мстиславъ немедленно же отправился въ путь съ Здѣславомъ Жирославичемъ, мужемъ своимъ⁴⁾, и за рѣкою Россью догналъ Ростислава. Соединившись съ Черными Клобуками и быстро двигаясь впередъ, молодые князья захватили

¹⁾ Триполь или Треполь на Днѣпрѣ, ниже Кіева. (*Карлзина*, II, 165) „Триполье—мѣстечко при устьѣ р. Стугны, Кіевского уѣзда“ (*Соловьевъ*, Ист. Росс., II, прим. 100).

²⁾ Привожу лѣтописный разнасъ въ некоторомъ сокращеніи, такъ какъ вообще этотъ походъ противъ Половцевъ ничѣмъ не выдѣляется изъ ряда дружекъ.

³⁾ По *Карамзину* (II, 90; II, прим. 218), Черные Клобуки—общее названіе для Торковъ, Берендѣевъ и Печенѣговъ. Это иныи можно считать общепризнанными: см. *Людина* Изсл., зам. и лекціи, V, и *Самарская* (*Архивъ ист.-юр. свед.*, II, пол. I).

⁴⁾ Замѣчательно, что Мстиславъ ѣдетъ съ однимъ только мужемъ своимъ, а не съ дружиной. Не можетъ ли это служить доказательствомъ того, что онъ только временно находился на югѣ, въ Треполѣ? Не находится ли этотъ Здѣславъ Жирославичъ при Мстиславѣ въ качествѣ дядьки? Если такъ, то выходитъ что въ 1193 г. Мстиславъ былъ еще очень молодъ.

въ плѣнъ на рѣкѣ „Ивлѣ“ ¹⁾ (?). Половецкихъ сторожей, отъ которыхъ узнали, что Половцы съ своими вѣжами и стадами находятся на правой сторонѣ Днѣпра, далѣе, чѣмъ на разстояніи дня пути. Дѣйствительно, на разсвѣтѣ слѣдующаго дня князья встрѣтились съ врагомъ, ударили на него, захватили много коней, скота, челяди и плѣнниковъ, въ числѣ которыхъ были даже „княжичи“ ²⁾ половецкіе и „добрые мужи“, и возвратились домой „со славой и честью великою“ ³⁾.

По смерти Святослава Всеволодовича (1104 г.) Кіевъ переходитъ въ руки Рюрика Ростиславича. Съ этого времени непродолжительный миръ въ южной Руси рушится снова; опять дѣлается она поприщемъ княжескихъ раздоровъ. Прежде всего хитрый Всеволодъ III успѣлъ разстроить опасное для него согласіе между Рюрикомъ и Романомъ Мстиславичемъ Волынскимъ ⁴⁾; затѣмъ вспыхнула снова исконная вражда Мономаховичей и Ольговичей, при чемъ Ипатьевская лѣтопись во второй разъ упоминаетъ о Мстиславѣ. Такъ какъ и здѣсь онъ играетъ далеко незначительную роль, то намъ нѣтъ надобности входить въ подробное описаніе этой борьбы. Въ данномъ случаѣ любопытно только обстоятельство, вызвавшее эту распрю двухъ Ярославовыхъ поколѣній,—исконныя притязанія Мономаховичей на исключительное обладаніе Кіевомъ, какъ своей отчиной, между тѣмъ какъ Ольговичи отстаиваютъ равноправіе всего Ярославова потомства ⁵⁾. Эта противоположность возрѣній выразилась здѣсь самымъ рельефнымъ образомъ. Осенью 1195 г., говоритъ лѣтопись ⁶⁾,—Рюрикъ и Всеволодъ, сославшись между собою и съ Давидомъ Ростиславичемъ, посылаютъ къ главѣ Ольговичей, Ярославу Всеволодовичу, своихъ мужей съ такимъ требованіемъ: „Цѣлуй намъ всѣмъ крестъ со всею братьею, что не будете искать отчины нашей,

¹⁾ По *Карамзину*, Игуль (прим. 74).

²⁾ См. лѣт. по Ип. сп., 455—456.

³⁾ Когда Рюрикъ сѣлъ въ Кіевъ, то Всеволодъ потребовалъ у него тѣхъ именно городовъ, которые даны были же Роману. Послѣдній, впрочемъ согласился возвратити взятые города съ тѣмъ, чтобы въ замѣнъ ихъ получить или другую область или деньги. Тогда Всеволодъ отдалъ одинъ изъ полученныхъ городовъ Рюрикову сыну, Ростиславу. Романъ, заподозривъ въ этомъ митригу самого Рюрика, дѣлается съ этихъ поръ его врагомъ.

⁴⁾ Ср. *Соловьева* Ист. отнош. и. рус. кн. Рюр. дома, 230; *Исторія Россіи*, 264—265.

⁵⁾ Лѣт. по Ип. сп., 462.

Кіева, ни подъ нами, ни подъ нашими дѣтьми, ни подъ всѣмъ нашимъ Владиміровымъ племенемъ, какъ насъ раздѣлилъ дѣдъ нашъ Ярославъ по Дѣбрь, а Кіева вамъ не надо" ¹⁾). На это Ольговичи дали Всеволоду слѣдующій замѣчательный отвѣтъ: „Ажъ ны еси вмѣнилъ Кнезь тоже ны его блюсти подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ, то в томъ стоимъ; ажъ ны лишитися его велишь отъинудъ, то мы есмы не Угре, ни Ляхове, но единого дѣда есмы внуци; при вашемъ животѣ не ищемъ его, ажъ по васъ, кому и Богъ дастъ" ²⁾). Послѣднія слова ³⁾ довольно характеристичны: они, такъ нельзя лучше, показываютъ всю путаницу и неопредѣленность тогдашнихъ отношеній: никакого правила не наблюдается при переходѣ княжескаго стола; все рѣшаетъ случай („кому Богъ дастъ"), или лучше сказать, сила и ловкость претендента, лишь бы только этотъ послѣдній не былъ иноплеменникомъ, а происходилъ отъ общаго предка Русскихъ князей (за исключеніемъ Полоцкихъ)—Ярослава.

Понятно, что начавшіяся на югѣ междоусобія доставляли удобный случай Роману, нѣкогда союзнику, а теперь, благодаря Всеволоду, врагу Рюрика (то-есть, доставили Роману, нѣкогда Рюрика — удобный случай) открыто выступить противъ Кіевскаго князя, ставъ на сторону Ольговичей. Изъ Полонаго города, даннаго ⁴⁾ ему тестемъ ⁵⁾, онъ началъ опустошать волости Давида Ростиславича и Рюрикова сына, Ростислава. Узнавъ объ этомъ, Рюрикъ посылаетъ своего племянника, Мстислава Мстиславича, къ Галицкому князю Владиміру съ такою рѣчью: „зять мой" (то-есть, Романъ) „пересту-

¹⁾ Привому слова лѣтописи какъ здѣсь, такъ и въ послѣдующемъ изложеніи въ возможно буквальный переводъ.

²⁾ Лѣт. по Ип. сп., 462—463.

³⁾ Въ Никон. лѣт. отвѣтъ Ярослава нѣсколько въ другомъ родѣ: „Князь великій же Черниговскій Ярославъ Всеволодовичъ з братиею своею того не хотише, но глаголаше сице: но буди мѣ отлучитися великого стола и главы и славы воеа Русіи Кіева, но якоже и отъ прадедъ нашихъ лестницею каждо восхожаше на великое княженіе Кіевское, сице же и намъ и вамъ, возлюбленная и друтая братія, лестничнымъ восхоженіемъ, кому аще Господь Богъ дастъ, взыми на великое княженіе великаго Кіева"... (II, 265—266),—слова, на которыхъ основывается, между прочимъ, теорія лѣтвичнаго восхожденія (*Соловьевъ*).

⁴⁾ Лѣтоп. по Ип. сп., 468.

⁵⁾ Рюрикъ былъ тесть Романа. Останавливаясь съ нѣсколькими подробностями на событіяхъ въ южной Русіи потому, что здѣсь ясно выражается состояніе тогдашней Россіи и характеръ эпохи, современной Мстиславу.

пилъ рядъ и воевалъ волость мою, а ты, брате, оттолѣ со сино-
вцемъ моимъ воиѣта волость его...“¹⁾ Тогда Владиміръ, бывшій
вообще не въ ладахъ съ своимъ опаснымъ сосѣдомъ, Волынскимъ
княземъ²⁾, вмѣстѣ съ Мстиславомъ Мстиславичемъ повоевалъ и по-
жегъ Романову волость около Перемиля, между тѣмъ какъ Ро-
стиславъ Рюриковичъ съ своей стороны опустошилъ окрестности Ка-
менца. „И тако“, говоритъ лѣтопись,—„ополонившеса челядью и скот-
омъ и отместившеса возвратишаса во свояси“³⁾.

Въ самомъ началѣ XIII в. между Романомъ, въ то время владѣв-
шимъ уже Галичемъ, и Рюрикомъ снова, но уже съ большимъ оже-
сточеніемъ, возгорается борьба, въ которой, по видимому, въ послѣд-
ній разъ послѣ долгаго перерыва Кіевское населеніе проявляетъ нѣ-
который проблескъ участія⁴⁾,—борьба, окончательно уничтожившая
послѣднюю тѣнь обаянія и значенія Кіева, а вмѣстѣ и силу южной
Руси. Въ 1202 г. Романъ быстро двинулся къ Кіеву⁵⁾, жители ко-
торого отворили ему ворота. Рюрикъ принужденъ удалиться въ
Овручъ, а въ Кіевѣ посаженъ Ингваръ Ярославичъ⁶⁾, внукъ Иза-
слава Мстиславича,—новое доказательство того, какъ уже мало при-
нимались тогда въ соображеніе права князя на тотъ или другой
столъ⁷⁾. Но въ томъ же году, зимою, Рюрикъ въ союзѣ съ Ольгови-

¹⁾ Лѣтопись по Ип. сп., 468.

²⁾ По прохсанъ котораго онъ былъ даже изгнанъ изъ Галича въ 1188 г.
(см. Лѣт. по Ип. сп., 445).

³⁾ Затѣмъ Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ о Мстиславѣ подъ 1198 г.: «Того
же (то-есть 1198 г.) слѣта, на зиму, родися дщи у Ростислана у Рюриковича,
и нарекоша имя ей Евросѣнья, и прозваніемъ Изморадъ, еже наречетъя до-
рогый камень...; приеха Мстиславъ Мстиславичъ и тетка ея Передѣслава, и
взяста ю и дѣду и к бабѣ, и тако воспитана бысть въ Къевѣ на горахъ» (Лѣт.
по Ип. сп., 474).

⁴⁾ Ср. *Костомарова* Ист. мон. и изсл., I, 222.

⁵⁾ Лаврентьевская и Воскресенская лѣтоп. передаютъ, что «Черни Кло-
буци скопншеса ѣхаша въ Романоу, и что городовъ Рускихъ и съ тѣхъ люди
ѣхаша къ Романюи (Полное собраніе Рус. лѣтоп., VII, стр. 107; Лѣт. по Лавр.
сп., 396—397). По поводу этого см. замѣчанія *Соловьева* (Ист. Росс., II, 306) и
Костомарова (Ист. мон. и изсл., I, 222).

⁶⁾ «И посади великій князь *Всеволодъ* и Романъ Ингвара Ярославича» (Лѣт.
по Лавр. сп., 297). Всеволодъ, понятно, не могъ допустить, чтобы въ Кіевѣ
сѣлъ Романъ, уже и безъ того могущественный, владѣвшій въ то время Волынью
и Галичемъ.

⁷⁾ См. *Соловьева* Ист. Росс., II, 309.

чами и „всю Половецкую землю“ беретъ обратно Кіевъ ¹⁾). „Много напастей было надъ Кіевомъ“, говоритъ лѣтописецъ, — „много разъ бывалъ онъ взятъ“; но такого еще зла съ нимъ не случилось: не только пострадало Подоліе, но не пощажены были и церкви. Особенно свирѣпствовали Половцы ²⁾; они не давали пощады даже увѣчнымъ и монахамъ, однихъ убивая, другихъ уводя въ полонъ въ свои вѣжи ³⁾). Кіевъ палъ окончательно: не только погибло его значеніе, какъ старѣйшаго города русскаго, но и его торговлѣ и матеріальному богатству нанесенъ былъ страшный ударъ; никогда уже не могъ онъ подняться и оправиться отъ этого гибельнаго погрома. Въ этомъ отношеніи Татары только докончили дѣло Андрея Боголюбскаго и Рюрика Ростиславича.

Въ 1204 г. ⁴⁾ Романъ постригаетъ своего тестя въ монахи, но вскорѣ послѣ этого умираетъ. Лишь только разнеслась вѣсть о смерти Галицкаго князя, какъ Рюрикъ, сбросивъ съ себя монашескую одежду и снова занявъ Кіевъ, въ союзѣ съ Ольговичами предпринимаетъ противъ Галича два похода, изъ которыхъ второй оканчивается самымъ неожиданнымъ для него образомъ: на возвратномъ пути старшій изъ Ольговичей, Всеволодъ, по прозванію Чермный, овладѣваетъ внезапно Кіевомъ, „надѣясь на множество вой своихъ“ ⁵⁾, какъ говоритъ лѣтописецъ, — то-есть, пользуясь не правомъ, а силой и удобнымъ случаемъ. Кіевъ послѣ этого переходитъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. По случаю этой борьбы въ лѣтописи встрѣчается извѣстіе и о Мстиславѣ Мстиславичѣ, находившемся тогда въ Торческѣ ⁶⁾. Именно, въ 1207 г. Всеволодъ Чермный съ своими братьями,

¹⁾ И въ этомъ случаѣ выразилась вся сила, все значеніе сѣвернаго князя Всеволода III; безъ его согласія Рюрикъ не могъ владѣть Кіевомъ, и вотъ Романъ заключивъ миръ съ своимъ тестемъ, говоритъ ему: «сли же ся ко свату своему къ великому князю Всеволоду, а изъ сля же къ нему, своему отцю и тослодиму» (? не выразилось ли въ этихъ словахъ пристрастіе сѣвернаго лѣтописца?) «и молился ему, дабы ти Кіевъ опять далъ» (Лѣт. по Лавр. сп., 398; Воскрес. (Поли. собр. Р. лѣт., VII), 108). По поводу этого см. замѣчанія *Сергиевича*. Вѣче и князь, 205, прим. 93.

²⁾ См. *Соловьева* Ист. Росс., II, 309.

³⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 397—398; *Воскрес. лѣт.* (Поли. собр. Рус. лѣт. VII), 108.

⁴⁾ Тамъ по *Воскрес.* (108—109), а въ *Радзивил.* и *Академич. спискахъ*—въ 1205 (См. лѣт. по Лавр. сп., 399).

⁵⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 406; *Воскрес.* (Поли. собр. Р. лѣт., VII), 113.

⁶⁾ «Торческъ есть нинѣ селеніе Торчица, на берегу Торчи, впадающей въ Росъ. Несторъ называетъ жителей сего города Торчани» (*Карамзинъ*, II, прим.

племянниками и другими князьями идетъ снова на Рюрика и, овладѣвъ послѣ трехнедѣльной осады Треполеми, подступаетъ къ развалинѣ покинутому Рюрикомъ Киеву. Занявъ затѣмъ Бѣлгородъ, Ольговичи направляются къ Торческу, въ которомъ затворился Мстиславъ Мстиславичъ. Городъ былъ окруженъ. Хищные Половцы, союзники Всеволода, принялись по своему обыкновению за опустошеніе окрестностей, и по словамъ лѣтописи, надѣлали много зла по той землѣ, забирая въ плѣнъ и избивая людей, а села предавая пламени. Не смотря на свое мужество, Мстиславъ принужденъ былъ оставить Торческъ и цѣловать Всеволоду крестъ „на его волѣ“¹⁾. Къ этому-то времени, какъ мы видѣли, и относятся нѣкоторые историки начало Мстиславова княженія въ Торопцѣ. Какъ бы то ни было, но съ этихъ поръ Удалой надолго уходитъ на сѣверъ, и мы не встрѣчаемъ его въ южной Руси до самаго 1214 г.²⁾, когда онъ предпринимаетъ походъ для защиты гонимыхъ Ростиславовыхъ внуковъ отъ Всеволода Чернаго. Въ періодъ времени 1207—1210 г. Мстиславъ находится, безъ сомнѣнія, въ своей отчинѣ, Торопцѣ³⁾, составлявшемъ одну изъ смоленскихъ волостей.

165; также II, 63). См. также *Поюдина Иссл. замѣт. и лекціи*, V, 200; *Соловьева Ист. Росс.*, II, прим. 99; стр. XIV; *Костомарова Ист. мон. и вѣсл.*, I, 187; *Илюайская Ист. Рос.*, 124.

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп. 408; Воскрес. (Полн. Собр. Р. лѣт., VII), 114. У *Татищева* находятся подробности относительно защиты Торческа Удалой. Онъ говоритъ, что Мстиславъ, ободривъ свое войско, вышелъ изъ города, напалъ на Всеволода, пригналъ враговъ въ смятеніе и многихъ изъ нихъ избилъ, но потомъ, не будучи въ состояніи сдѣлать всѣхъ противниковъ вслѣдствіе численнаго ихъ перевѣса и боясь быть отрѣзаннымъ отъ города, онъ отступилъ, безъ всякаго, впрочемъ, вреда для себя. Всеволодъ, видя, что силою нельзя овладѣть Торческомъ, отошелъ недалеко отъ него и принялся за опустошеніе области. Тогда «Мстиславъ», говоритъ Татищевъ, — «хотя ничего не опасаясь, понеже градъ довольно укрѣпилъ и припасовъ не скучно имѣлъ, но сожалѣя области, послалъ къ Всеволоду говорить о свободномъ ему пропускѣ, чему Всеволодъ обрадовался, что не принужденъ былъ со стыдомъ отступить, отпустилъ Мстислава съ честью, а самъ возвратился въ Киевъ» (*Исторія Россійская*, кн. 3-я, стр. 352—3).

²⁾ Такъ по Новгород. лѣт., а по Воскрес.—1212 г.

³⁾ На этомъ основаніи Удалой и называется княземъ Торопецкимъ. Подъ 1209 г. Лавр. лѣт. говоритъ: «...Мстиславъ... иде в *Торопецъ* в свою волость...» (Лѣт. по Лавр. сп., 413); также и въ Никои. подъ 1210 г. (II, 307; въ Воскр. подъ 1208: «Новгородци приведоша къ себѣ князя *Мстислава Торопецкаго*...» (стр. 116), «Въ лѣто 6736. Преставися Мстиславъ Мстиславичъ князь Торопецкій...» (стр. 134).

Если подвиги Мстислава Храбраго и добрая память, оставленная имъ по себѣ, проложили путь его сыну къ вліянію и народному расположенію, то этому способствовало, въ свою очередь, и географическое положеніе Мстиславовой вотчины: оно само уже, такъ-сказать, дѣлало Удалаго всеобщимъ посредникомъ и примирителемъ, открывая ему вліяніе на югъ, сѣверъ и востокъ Руси. Находясь у верховьевъ Волги, Днѣпра и Западной Двины, обнимая собою волокн между ними, Торопецкая волость являлась ключемъ къ этимъ тремъ главнѣйшимъ нашимъ рѣкамъ; занимая же срединное положеніе между Новгородомъ, Суздальскою землею, южною Русью и Полоцкомъ, она связывала собою всѣ эти области. Отсюда „уясняется намъ“, говоритъ Соловьевъ, — „положеніе князей Торопецкихъ, знаменитыхъ Мстиславовъ, ихъ значеніе, какъ посредниковъ между Новгородомъ, Южною Русью и князьями Суздальскими; посредствомъ Торопца Новгородъ поддерживалъ связь свою съ южною Русью, изъ Торопца получалъ защиту отъ притѣсненій князей Суздальскихъ“¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, отъ 1207 г. до 1210 г. мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о дѣятельности Мстислава, какъ князя Торопецкаго; по видимому, дѣятельность его въ это время не выходила за предѣлы его собственнаго княжества и не заявляла себя ничѣмъ особеннымъ. Но въ 1210 г. онъ выступаетъ защитникомъ Новгорода противъ Всеволода III и сразу выдвигается изъ среды тогдашнихъ князей.

Влестящая пора дѣятельности и высшая слава Мстислава тѣсно связаны съ Новгородомъ; знаменитѣйшіе его подвиги совершены имъ въ качествѣ Новгородскаго князя, а потому не будетъ излишнимъ указать, хотя въ бѣгломъ очеркѣ, на нѣкоторыя особенности Новгорода и на его отношенія какъ къ великимъ, такъ и къ собственнымъ своимъ князьямъ²⁾. Тогда для насъ лучше уяснятся и обстоятельства, вызвавшія Мстислава на защиту Новгородской свободы, и значеніе его для Новгорода.

Новгородъ съ своими концами, представлявшими з) какъ бы особня, до извѣстной степени самостоятельныя общины⁴⁾, съ своимъ бурнымъ вѣчемъ, борьбою боярскихъ семей и цѣлыхъ партій, безпрестанною смѣною князей, то изгоняемыхъ, то верѣдко снова при-

¹⁾ Ист. Росс., I, 15; см. также *Бестужева-Рюмина Русск. ист.*, 146—147.

²⁾ См. *Соловьева* Исторія отнош. Новгорода къ вел. кн.

³⁾ См. *Буллова* Разказы изъ Русск. ист., II, 5.

⁴⁾ См. *Бестужева-Рюмина Русск. ист.*, 309, 338.

званныхъ тѣмъ же Новгородцами, съ своею обширною торговлею, мало по малу поглотившею собою всѣ другіе интересы, — этотъ городъ, что-то въ родѣ республики, называющей себя „государемъ великимъ Новгородомъ“, съ перваго взгляда можетъ показаться какимъ-то страннымъ явленіемъ, чуждымъ русской почвѣ. Такъ, дѣйствительно, и смотря на него нѣкоторые изслѣдователи, напримѣръ Гильфердингъ, объясняя особенности его, главнымъ образомъ, влияніемъ иноземныхъ стихій ¹⁾. Въ сущности же, по справедливому мнѣнію большинства ²⁾, и въ основѣ новгородскаго быта лежатъ тѣ же обще-славянскія начала, на которыхъ утвердился строй и другіхъ русскихъ областей; только начала эти здѣсь частью развились съ болѣею силою, частью видоизмѣнились подъ влияніемъ благопріятствовавшихъ тому обстоятельствъ, а именно, во первыхъ, природныхъ условій страны, и вторыхъ, историческихъ, которыя, въ свою очередь въ значительной степени обуславливались первыми.

Почва Новгородской области была неплодородна, но за то здѣсь шель знаменитый въ древности путь изъ Варягъ въ Греки; посредствомъ Днѣпра Новгородцы могли входить въ сношенія съ южною Русью, чрезъ Волгу и ея притоки—съ мусульманскимъ востокомъ, а впоследствии и съ Суздальскою землею; западная же Двина, Волховъ и Финскій заливъ связывали Новгородскую область съ западнымъ міромъ; наконецъ, весь обширный сѣверъ тогдашней Руси былъ открытъ для Новгородцевъ ³⁾. Такимъ образомъ, съ одной стороны, неплодородіе почвы, а съ другой—обиліе и удобное расположеніе водныхъ путей, въ высшей степени выгодное географическое положеніе—рано заставили жителей обратиться къ торговой дѣятельности ⁴⁾. Въ Новгородцахъ сталъ развиваться такимъ образомъ предпринимчивыи, торговый духъ, а затѣмъ стремленіе къ вольности и независимости, что, конечно, не могло не отразиться и на общественномъ строѣ ихъ ⁵⁾. А тутъ присоединились и историческія обстоятельства.

¹⁾ Гильфердингъ Соч., II, 439—441.

²⁾ См. Костомарова Слав.-рус. народопр., I, 55—59; Нач. единод. въ др. Руси, 26—30; Сергеевича Вяче и князь, 2; Кавелина Соч., I, 338—339; Бестужева-Рюмина Русск. ист., 331—332.

³⁾ См. Бестужева-Рюмина Русск. ист., 332; Костомарова Ист. мон. и явск., I, 337; Слав.-рус. народопр., I, 56.

⁴⁾ Ср. Бестужева-Рюмина Русск. ист., 151.

⁵⁾ Ср. Гильфердинга Сочин., II, 417.

Въ первое вѣка нашей исторіи, то-есть, въ ту пору, къ которой относится начало новгородскаго народовластія, главною историческою сценою была южная Русь; сюда, преимущественно къ Киеву, стремились всѣ взоры и помышленія князей ¹⁾, а Новгородъ по своему географическому положенію былъ удаленъ отъ этого юга, съ его нескончаемыми междоусобіями, и отъ непосредственной близости великихъ князей. Понятно, что предоставленные, такъ-сказать, самимъ себѣ, Новгородцы могли свободнѣе развить въ своемъ общественномъ быту начала народной вольности и областной самостоятельности. Новгородское народовластіе, по замѣчанію Соловьева ²⁾, стало развиваться особенно со времени Всеволода Мстиславича, въ эпоху междоусобій, раздиравшихъ югъ по смерти Мстислава Владиміровича; но и ранѣе этого свободный духъ Новгородцевъ заявляетъ себи иногда самымъ рѣшительнымъ образомъ. Извѣстна, напримѣръ, ихъ угроза, обращенная къ Святославу Игоревичу и его сыновьямъ: „аще не поидете к намъ, то нагѣземъ князя собѣ“ ³⁾. Уже Ярославъ I, въ благодарность за помощь, оказанную ему Новгородцами въ борьбѣ съ Святополкомъ, далъ имъ льготную грамоту, содержаніе которой намъ, впрочемъ, не извѣстно. При отсутствіи данныхъ ⁴⁾, трудно рѣшить, заключались ли въ этой грамотѣ лишь финансовыя льготы, какъ думаетъ, напримѣръ, Соловьевъ ⁵⁾, или же ею были дарованы Новгороду и болѣе широкія, политическія права, обезпечивавшія его самоуправленіе и свободный выборъ князя, какъ полагаетъ большинство изслѣдователей ⁶⁾. Слѣдующій эпизодъ лучше всего показываетъ, въ какой степени Новгородцы уже въ тѣ времена, еще до Всеволода Мстиславича, были самовольны въ выборѣ князя. Въ 1102 г.

¹⁾ Ср. *Кавелина* Сочин., I, 338; *Бестужев-Рюмина* Русск. ист., 332.

²⁾ Объ отнош. Новг. къ вел. кн., стр. 38, 39, 48; также *Ист. Росс.*, II, 224—225.

³⁾ Лѣтоп. по Лавр. св., 67—68.

⁴⁾ Въ источникахъ (*Сое. Врем.*, I, 134) сказано только: «Ярославъ.... отпусти ихъ» (то-есть, Новгородцевъ) «всѣхъ домовъ, и далъ имъ правду и уставъ списавъ, глаголавъ тако: по сей грамоте ходите: якоже писавъ вамъ такоже держите».

⁵⁾ См. Объ отн. Новг. къ вел. кн., 34; *Ист. Росс.*, I, 231; III, 33—35. Къ этому же мнѣнію склоняется и *Бестужев-Рюминъ* (*Русск. ист.*, 315). Главнымъ доказательствомъ въ пользу Соловьева служатъ то, что Новгородцы ссылаются на Ярославову грамоту исключительно въ финансовыхъ вопросахъ.

⁶⁾ См. *Карамзина*, II, 22; *Устрялова* Русск. ист., I, 66; *Костомарова* Св.-русск. народопр., I, 46, 151; *Гиллфердинга* Сочин. II, 438.

Святополкъ Изяславичъ условился съ Владиміромъ Мономахомъ, чтобы въ Новгородѣ посадить Святополкова сына вмѣсто находившагося тамъ Мстислава Владиміровича. Новгородцы, прибывшіе въ Кіевъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ, обращаются къ Святополку съ такою характеристическою рѣчью: „Мы, князь, присланы къ тебѣ, и поручено намъ сказать такъ: если двѣ головы имѣетъ твой сынъ, то пошли его; а этого“ (то-есть, Мстислава) „намъ далъ Всеволодъ, и мы вскормили себѣ князя, а ты ушелъ отъ насъ“. „И Святополкъ“, передаетъ лѣтопись ¹⁾),— „многу про имѣвъ с ними, онѣмъ же не хотѣвшимъ, поимше Мстислава, придоша Новугороду“.

Князья, сидя въ Кіевѣ, занятые своими междоусобіями, мало обращали вниманія на далекій Новгородъ. Только Владиміръ Мономахъ, умѣвшій сдерживать распри и охранять миръ на Руси, сдѣлавшись Кіевскимъ княземъ, далъ почувствовать свое вліяніе и Новгородцамъ: мятежныхъ бояръ онъ наказывалъ ²⁾ и самъ назначалъ посадниковъ Новгороду ³⁾. Но по смерти Владимірова сына, Мстислава, миръ въ южной Руси нарушается и снова начинаются распри то Ольговичей съ Мономаховичами, то дядей съ племянниками. Среди этихъ междоусобій князьямъ, конечно, было не до Новгорода. По словамъ Соловьева, это раздѣленіе князей на враждебныя партіи содѣйствовало какъ нельзя болѣе развитію народовластиа и свободн Новгородцевъ ⁴⁾: послѣдніе могли выбирать любого изъ князей, чѣмъ они и воспользовались. Особенное значеніе для послѣдующей судьбы Новгорода имѣетъ княженіе Всеволода Мстиславича, который въ 1132 г. покидаетъ Новгородъ ради Переяславля; но изгнанный оттуда Юріемъ и Андреемъ, онъ возвращается опять къ Новгородцамъ; тѣ сначала прогоняютъ его отъ себя, но потомъ, послѣ нѣкотораго раздумья, соглашаются снова принять. Тогда-то именно, по мнѣнію Соловьева, и положено было начало тѣмъ условіямъ, развитіе которыхъ мы видимъ въ послѣдующихъ рядахъ Новгородцевъ съ князьями ⁵⁾; съ этого-то

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 266.

²⁾ «Приведе Володимиръ съ Мстиславомъ вся бояры Новгородскыи Кіеву, и заводи я къ честному хресту, и пусти я домовъ, а княи у себѣ остави; и разишася на тѣи, оже то грабили Даньслава и Ноздрѣчу, и на соцьскаго на Ставра, и заточи я еси». Новгор. Лѣт. (Поли. Собр. Русск. Лѣт., III), стр. 4.

³⁾ «Приде Борисъ посадничать въ Новъгородъ»; «вниде изъ Лмеса Данилъ посадничать Новугороду». Новгор. Лѣт., стр. 5.

⁴⁾ Объ отн. Новг. къ вел. кн., 38, 41.

⁵⁾ Объ отн. Новг. къ вел. кн., 39, 48; Ист. Росс., II, 105—106, 224—225.

времени усиливается въ Новгородѣ народовластіе на счетъ княжеской власти; князья то изгоняются, то сами спѣшатъ покинуть мятежный городъ; посадникъ, бывшій прежде, вѣроятно, простымъ княжескимъ намѣстникомъ, становится теперь народнымъ избранникомъ¹⁾, а по смерти Нифонта, то-есть, съ 1156 г., и владыка избирается вѣчемъ²⁾. Уже въ 1136 г. Новгородцы, призвавъ Псковичей и ладожанъ, заключаютъ подъ стражу того же Всеволода Мстиславича на епископскомъ дворѣ вмѣстѣ съ женою его и дѣтьми и держатъ его въ такомъ положеніи цѣлые два мѣсяца, до прихода новаго князя³⁾.

Если Новгородцы поступаютъ такъ съ князьями, то спрашивается: на что же нуженъ былъ имъ князь, не могли ли они обойтись безъ него? Князь былъ необходимъ Новгороду для того же, для чего и всѣмъ другимъ русскимъ областямъ—для внесенія порядка въ это общество, гдѣ царилъ произволъ, для примиренія сталкивающихся интересовъ, словомъ, для того, чтобы быть посредникомъ и третейскимъ судьей⁴⁾. Въ отсутствіе князя равнуданность была еще полнѣе, безъ него жилось еще хуже, и оттого-то лѣтопись не забываетъ отмѣтить того времени, когда Новгородцы сидѣли безъ князя⁵⁾. Что и сами Новгородцы придавали княжеской власти именно такое значеніе, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго случая: въ 1154 г. Ростиславъ Мстиславичъ, бывшій до того Новгородскимъ княземъ, идя въ Кіевъ на столъ, оставилъ въ Новгородѣ своего сына Давида; „и въвнегодоваша Новгородцы, зане створи“ (Ростиславъ) „имъ ряду, изъ болѣ раздѣра; и показаша путь по немъ сыновіи его“⁶⁾.

Положеніе дѣлъ значительно измѣнилось съ отливомъ историче-

¹⁾ «Мироslаву дама посадничати въ Пльсковѣ, а Рагуйлви въ городѣ». *Кронъ Соловьева*, см. также *Карамзина*, II, 107.

²⁾ Новг. Лѣт., стр. 12; *Баласа* Разк. изъ Русск. Ист., II, 108.

³⁾ «Не пустима его, доведѣ же нѣтъ князь приде» (Новгор. Лѣт.). Любопытно, въ чемъ обвиняютъ Новгородцы Всеволода: «1) не блюдетъ смердъ, 2) чему хотѣлъ еси съети Переслави, 3) ѣхалъ еси съ плъку переди вѣкъ» (въ битвѣ при Ждановой горѣ); «а на то много на початии, велѣвъ имъ, рече, къ Всеволоду» (то-есть, Всеволоду Ольговичу Черниговскому) «преступити, а наки отступити велѣтъ» (Новг. Лѣт., стр. 7).

⁴⁾ *Соловьева* Объ оти. Новг. къ вел. кн., 9—10; *Ист. Росс.*, I, 92—93; *Сергиевича* Ваче и князь, 98—99; *Вестужева-Рюмина* Русск. ист., 106.

⁵⁾ Напримѣръ, въ Новг. Лѣт. подъ 1167 г.: «И сѣдѣша Новгородцы безъ князя отъ Смена дни до Велика дни»... (стр. 14). Ср. *Вестужева-Рюмина* Русск. ист., 332—333.

⁶⁾ Новгор. Лѣт., стр. 11.

своей жизни на сѣверъ и съ усиленіемъ суздальскихъ князей. Тѣ же природныя условія, которыя до той поры такъ содѣйствовали развитію новгородской вольности, ставятъ теперь Новгородцевъ въ весьма затруднительное положеніе. Одна уже близость могущественнаго князя была опасна: теперь Новгородъ находился, такъ-сказать, подъ рукой у сильнаго сосѣда. Къ этому присоединились и другія обстоятельства: даже одерживая побѣды въ открытомъ бою, Новгородцы въ концѣ концовъ должны были подчиняться требованіямъ Владимірскаго князя; сила оружія ихъ не спасала. Скучная почва Новгородской области не могла прокормить всего населенія; хлѣбъ получался обыкновенно изъ другихъ областей, преимущественно съ востока (особенно съ конца XII в.). Такимъ образомъ во власти Андрея Боголюбскаго и его преемниковъ было запретить подвозъ сѣстныхъ припасовъ къ Новгороду, а стоило только сдѣлать это, и страшный голодъ въ Новгородѣ былъ неминуемъ. Сверхъ того, и торговые интересы заставляли Новгородцевъ, преимущественно богатыхъ, жить въ мирѣ съ своимъ сосѣдомъ: они находились въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ сѣверо-восточными областями: тамъ сбывали они свои товары, и новгородскіе „гости“ (купцы) безпрестанно отправлялись туда по своимъ дѣламъ. Поэтому голодъ, захватъ не только товаровъ, но и самихъ купцовъ, нарушеніе, слѣдовательно, правильнаго теченія торговли—вотъ слѣдствія, которыми грозилъ Новгороду разрывъ съ сѣверо-восточными князьями.

При такихъ-то условіяхъ приходилось Новгородцамъ бороться съ притязаніями Андрея Боголюбскаго и Всеволода III ¹⁾.

¹⁾ Какъ затруднительно было положеніе Новгородцевъ въ этой борьбѣ, какъ должны были они сообразоваться съ волею Суздальскаго князя, видно, напримеръ, изъ слѣдующаго: Въ 1169 г. (такъ по Новгор. и Лавр. лѣт., а по Ипатьевск.—въ 1173 г.; объ этомъ см. Карамзина, III, примѣч. 7) сынъ Боголюбскаго, Мстиславъ, извѣстный взятіемъ Кіева, въ союзѣ со многими князьими и съ сильнымъ войскомъ, подступаетъ къ Новгороду; но эта многочисленная рать терпитъ пораженіе. Вѣдственное положеніе разбитыхъ враговъ Новгорода достаточно характеризуется уже замѣчаніемъ лѣтописи, что они на возвратномъ пути «*конному подоша и съ великое юсение*» (Лѣт. по Ип. сп., 383). И что же? Не смотря на побѣду, Новгородцы показываютъ путь своему князю Ромѣну Мстиславичу, и хотя заключаютъ миръ съ Андреемъ «*на всей волѣ своей*», но княземъ къ себѣ принимаютъ Рюрика, присланнаго Боголюбскими. На такой съ перваго раза непонятный фактъ проливаетъ свѣтъ лѣтописное извѣстіе о страшной дороговизнѣ и голодѣ, постигшемъ Новгородъ непосредственно за пораженіемъ Суздальской рати. Какъ видно, Андрей, для подчиненія себя Новгородцевъ

Отношенія Новгорода къ Владимірскимъ князьямъ не могли, конечно, не отозваться на внутреннемъ теченіи его жизни.

Съ именемъ Новгорода въ нашемъ умѣ соединяется обыкновенно представленіе и о бурномъ Новгородскомъ вѣчѣ. Последнее, на самомъ дѣлѣ, составляетъ общую принадлежность нашихъ городовъ въ до-татарскую эпоху: вездѣ рядомъ съ княжескою властью мы видимъ и народное вѣче. Эти два фактора стоятъ другъ подле друга ¹⁾ безъ взаимнаго ограниченія, не подчиняясь одинъ другому. „Ограниченіе—произведеніе позднѣйшихъ временъ, результатъ борьбы и договоровъ“, говоритъ г. Вестужевъ-Рюминъ;—„ничего подобнаго не знаютъ народы первоначальные: вѣрятъ они князю, такъ вѣрятъ внолнѣ, перестали вѣрять,—они его свергаютъ“ ²⁾. Такъ было въ большей части южно-русскихъ городовъ; но въ Новгородѣ, вслѣдствіе условій, благопріятствовавшихъ развитію народовласти, взаимныя отношенія князя и вѣча носятъ на себѣ нѣсколько иной характеръ. Здѣсь, на первомъ планѣ, бесспорно,—народная воля, вѣче; оно призываетъ князя, изгоняетъ его, судитъ; оно же, помимо князя, избираетъ и посадника, и тысяцкого. Въ Новгородѣ вѣче составляетъ постоянное явленіе; въ своемъ существованіи оно подвержено меньшимъ случайностямъ и получаетъ вообще болѣе правильный характеръ. По всему видно, что здѣсь взаимныя отношенія князя и народа выходятъ уже изъ той неопредѣленности, которая, по словамъ г. Вестужева-Рюмина, характеризуетъ первоначальное общество; впоследствии являются и договоры для опредѣленія и ограниченія взаимныхъ правъ. Но рядомъ съ этимъ, такъ сказать, болѣе постояннымъ и правильнымъ характеромъ новгородскаго вѣча, остаются прежнія неопредѣленныя формы вѣче-

---

прибѣгъ къ болѣе вѣрному средству, чѣмъ открытая сила,—остановилъ подвозъ хлеба. Любопытенъ отзывъ летописца по поводу всего этого событія: «не глаголемъ же: прави суть Новгородци, но издавна суть свободени градѣи князь нашихъ» (на этихъ словахъ основываетъ *Костомаровъ* (Сѣв.-русс. народопр. I, 49) свое мнѣніе, что Ярославомъ грамоты заключали въ себѣ не одні только эммансовыя льготы; по поводу этого см. замѣчаніе *Вестужева-Рюмина* (Русск. ист., 315); «но злое невѣрствіе въ нихъ вкоренилося, крестъ къ княземъ преступати, и князь внукомъ и правнукомъ обеществовати и соромити, а крестъ честнымъ и князь дѣловашши преступати. То доколѣ Гослодеви терпѣти надъ ними? За грѣхи навелъ и наказа по достоинству, рукою благовѣрнаго князя Анѣдрія» (Лѣт. по Ип. сп., 383).

¹⁾ См. *Сергѣевича* Вѣче и князь, 106.

²⁾ См. Русск. ист., 52; также *Сергѣевича* Вѣче и князь (напримѣръ, стр. 20).

ваго порядка: для собранія вѣча не существуетъ извѣстнаго срока; оно собирается то на Ярославовомъ дворѣ, то у Св. Софіи, то гдѣ-нибудь на пути, въ походѣ; созывается оно и княземъ, и посадникомъ, и всякимъ Новгородцемъ.

Внутренняя исторія Новгорода переполнена смутами и борьбой партій, доходившей иной разъ до кровопролитныхъ схватокъ ¹⁾. Этому не мало способствовали неопредѣленность всего общественнаго строя и обычай рѣшать дѣла на вѣчѣ единогласно. Съ теченіемъ времени рознь и несогласія среди Новгородцевъ все болѣе и болѣе усиливаются: выдѣляется классъ богачей, бояръ Новгородскихъ, имѣвшихъ большое значеніе, можетъ быть, вслѣдствіе личнаго землевладѣнія ²⁾; противъ нихъ нерѣдко направляется злоба бѣднаго класса; приверженцы одного князя враждуютъ съ сторонниками другаго. Въ средѣ самихъ бояръ нѣтъ единодушія: здѣсь господствуетъ личная вражда, соперничество дѣльныхъ фамилій и борьба честолюбія.

Понятно, что при такихъ условіяхъ усиленіе сѣверо-восточныхъ князей не осталось безъ вліянія на внутреннее состояніе Новгорода. Положеніе Новгородскаго князя съ этихъ поръ стало еще затруднительнѣе: онъ долженъ былъ и новгородцамъ угодить и вмѣстѣ къ тѣмъ не навлечь гнѣва и бѣды со стороны Владимірскаго князя. Любовь къ свободѣ возбуждала Новгородцевъ противъ опаснаго и властолюбиваго сосѣда, а торговые интересы заставляли волей неволей смиряться предъ нимъ и даже держать его сторону ³⁾. Понятно, какую внутреннюю борьбу долженъ былъ испытывать Новгородъ, какъ должна была усилиться въ немъ рознь и вражда партій. По поводу послѣднихъ г. Пассекъ говоритъ: „Раздвоеніе выгодъ Нов-

¹⁾ Вотъ образчикъ Новгородскихъ смутъ (годъ 1157 г.): «Висть котора зла въ людяхъ, и всташа на князя Мстислава на Гюргевица, и почыша изгонити изъ Новгорода, торговли же полъ сташа въ оружїи по немъ; и съядишася братья, и мостъ перенмаша на Волковъ, и сташа сторожи у городныхъ воротъ, а друзїи на ономъ полу» (то-есть, на той половинѣ, на той сторонѣ рѣки; *Соловьевъ* говоритъ объ *Омнимолюскомъ* концѣ: Объ отн. Новг. въ Вал. кн., 58—59, котораго вовсе не существовало; см. объ этомъ замѣчанїа *Пассека* (Новгородъ самъ въ себя), «мало же и крѣви не прольяха межи собой. И тогда вѣнидоста Ростиславица Святославъ, и Давыдъ, и на ту ночь бѣжа Мстиславъ изъ города; по трѣхъ днѣхъ вѣниде Ростиславъ самъ, и сънидошася братья, и не бысть зла ничтоже». Новг. лѣт., 12.

²⁾ См.: *Бяльева* Разк. изъ русск. ист., II, 50.

³⁾ Ср. *Пассека* Новг. самъ въ себя, 42—43; *Костомарова* Русск. ист. въ живнеоп. ея главн. дѣл., 99.

города на двѣ главнѣйшія вѣтви, на вѣтвь торговли съ югомъ и на вѣтвь торговли восточной, и соперничество между князьями Южной Руси и Владиміро-Ростовскими за верховство въ распоряженіи судьбы Руси и самаго Новгорода выразилось въ Новгородѣ тѣмъ же раздвоеніемъ между Новгородцами: одни въ этомъ соперничествѣ ясно держались юга, другіе сѣверо-востока, сохраняя главную цѣль Новгородской политики—пользоваться вѣнчанствомъ власти, правившей жизнью Руси, и удержать за собою разрушительную старину. Раздвоеніе это выразилось сѣбною посадничествомъ, бѣгствомъ и изгнаніемъ, наконецъ князьями и убійствами. Обращая вниманіе на равнодушіе, съ которыми Новгородцы смотрѣли, править ли ими тотъ или другой князь, мы, кажется, съ достовѣрностью можемъ сказать, что стѣроны юга держались юга потому, что имѣли свои главнѣйшія торговныя выгоды на Югѣ, а стѣроны Владиміро-Ростовскія—въ земляхъ Владиміро-Ростовскихъ" ¹⁾.

Принявъ во вниманіе все сказанное, мы поймемъ, почему жизнь въ Новгородѣ текла иногда такимъ бурнымъ потокомъ и почему рѣдкій князь удерживался въ этомъ вольномъ городѣ, а скорѣе самъ добровольно оставлялъ его.

Начавшіяся по смерти Андрея междоусобія въ Суздальской землѣ дали Новгороду возможность на время освободиться отъ давленія своего сосѣда. Даже когда междоусобія эти прекратились и на Владимірскомъ престолѣ возсѣлъ могущественный Всеволодъ III, то и тогда Новгородцы не сразу подчинились. Но уже къ концу XII вѣка мы видимъ, что, послѣ нѣкотораго колебанія и борьбы, вліаніе Всеволода въ Новгородѣ дѣлается чрезвычайно сильнымъ, можно сказать даже безграничнымъ: не только отъ него зависѣло назначеніе князя, но ему же подчинены были выборъ и другихъ правительственныхъ лицъ. Въ 1199 г. Всеволодъ даетъ Новгородцамъ въ князя своего малолѣтняго сына Святослава, именемъ котораго, вѣроятно, должны были управлять Всеволодовы бояре ²⁾. Нѣкоторые лѣтописцы (Лаврентьевская, Воскресенская) передаютъ при этомъ, что новгородскіе носли,

¹⁾ См. Новгородъ самъ въ себя, 43—44 (*Чинъ съ Общ. Ист.*, 1869 г., IV). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ этой статьѣ авторъ относится чрезвычайно враждебно и строго къ Новгороду; онъ видитъ лишь мрачныя стороны новгородской жизни.

²⁾ См. *Карамзина*, III, 64; *Соловьева Ист. Рос.*, II, 339—340; *Баллаева Разв. изъ Русск. ист.*, II, 281; *Бестужева-Рюмина Русск. ист.*, 319.

„лучшіе мужи, Мирошкина чада“¹⁾, обратились къ Владимірскому князю съ такою рѣчью: „Князь великій, Всеволодъ Юрьевичъ, просимъ у тебя сына княжить въ Новгородѣ, ибо Новгородъ тебѣ отчина и дѣдна“²⁾. „И князь великій“, говорятъ эти лѣтописи,—„услышалъ моленія Новгородцевъ, вывелъ свояка (Ярославъ, княжившій до тѣхъ поръ въ Новгородѣ, былъ своякъ Всеволода) и далъ имъ сына своего Святослава, утвердивъ ихъ крестомъ честнымъ на всей своей волѣ“³⁾. Мало этого: Новгородскіе епископы⁴⁾ съ 1156 г., какъ было замѣчено, избирались самимъ вѣчемъ; Всеволодъ же, явно нарушая установившійся обычай, стговорившись лишь съ посадникомъ, посылаетъ Новгородцамъ отъ себя въ епископы Митрофана⁵⁾.

Въ 1205 г. Всеволодъ, подъ предлогомъ войны, будто бы угрожавшей Новгороду, замѣнилъ малолѣтняго Святослава своимъ старшимъ сыномъ, Константиномъ⁶⁾. Настоящею причиною такой перемены, вѣроятно, была не „рать“, не вѣшняя опасность, а внутрен-

¹⁾ См. Новгор. лѣт., стр. 24 Мирошка—тогдашній посадникъ Новгородскій.

²⁾ «Зане тобѣ отчина и дѣдна Новгородъ» (Лавр., стр. 394—395; Воскрес., стр. 107). По всей вѣроятности, слова эти, такъ унижающія новгородскую вольность, служатъ выраженіемъ образа мыслей лишь рьяныхъ сторонниковъ Всеволодовыхъ, во главѣ которыхъ стоялъ посадникъ Мирошка. *Костомаровъ* думаетъ даже, что это лѣтописное извѣстіе, можетъ быть, не совсемъ справедливо: «Вероятно, Суздальская лѣтопись изъ мѣстнаго патриотизма освящаетъ фактъ свѣтомъ, исключительно благоприятнымъ для своей земли». (См. Свв.-русс. народопр., I, 79).

³⁾ Такъ въ Воскрес. лѣт. (стр. 107). Нужно замѣтить, что этотъ эпизодъ въ Новг. лѣт. вообще представляется иначе, чѣмъ въ Лавр. и Воскрес.; въ послѣднихъ Владимірскій князь свисходитъ на мольбу Новгородцевъ, а первая говоритъ, что онъ самъ «выведе Ярославъ изъ Новгорода, и веде и къ собѣ, и изъ Новгорода возеа владыку и посадника Мирошку и влчшія мужа поsmithъ» (стр. 24—25).

⁴⁾ Которые съ 1168 г. называются уже архіепископами. См. *Костомарова* Свв.-русс. народопр., II, 263.

⁵⁾ См. Новг. лѣт., стр. 25. По поводу этого см. замѣчанія *Соловьева* Объ отн. Новг. къ Вел. Кн., 55; Ист. Рос., II, 339; *Биллева* Разк. изъ русск. ист., II, 262.

⁶⁾ См. Новг. лѣт., стр. 29. Лаврентьевск. лѣт., отнесъ это событіе къ 1206 году, говоритъ: «и да ему» (то-есть, Константину) «отецъ крестъ честнъ и мечъ, река: се ти буди скрѣпникъ и помощникъ, а мечъ прѣщенье и опасенье, иже нынѣ даю ти пасти люди своя отъ противныхъ, и рече: смну мой Константинѣ! на тобѣ Богъ положилъ переже старшійшинство въ братья твоя, но и въ всей Русской землѣ; и изъ ти даю старшійшинство, поиди в свой городъ». См. Лѣт. по Лавр. сп., стр. 401.

ніа новгородскія событія ¹⁾: по смерти Всеволодова сторонника, Мирошки, въ посадники избранъ былъ противникъ Владимірскаго князя Михаіко; малолѣтнему Святославу или, лучше сказать, боярѣмъ, управлявшимъ его именемъ, какъ видно, было не подъ силу подчинить Новгородцевъ волиѣ своему вліянію. И дѣйствительно, лишь только прибылъ Константинъ, какъ у Михаіки было отнято посадничество и передано Мирошкину сыну, Дмитрію. Кромѣ того, сюда могло присоединиться и желаніе перемирія со стороны самихъ Новгородцевъ, можетъ быть, недовольныхъ управленіемъ Всеволодовыхъ боярѣ; по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ указаніемъ на это могутъ служить, по мнѣнію Соловьева ²⁾, слова лѣтописи по поводу вступленія Константина въ Новгородъ: „И радъ бысть весь градъ своему хотѣнію“ ³⁾.

Спустя нѣсколько времени ⁴⁾, будучи позваны Всеволодомъ, Новгородцы, поневолѣ покорные, принимаютъ участіе въ походѣ противъ Рязанскихъ князей. По окончаніи предпріятія, отпуская Новгородцевъ изъ Коломны домой, Всеволодъ одарилъ ихъ „безъ числа“ и далъ имъ уставы старыхъ князей, „его же хотѣху Новгородьци“, сказавъ при этомъ: „Кто къ вамъ добръ, того любите, а злыхъ казните“ ⁵⁾. Такимъ образомъ, Владимірскій князь добровольно возвратилъ Новгороду, по видимому, полную свободу въ самоуправленіи. Чѣмъ же былъ вызванъ такой образъ дѣйствій осторожнаго Всеволода, столь противорѣчащій его прежней политикѣ? Ни въ одномъ почти источникѣ мы не находимъ указаній на мотивы, руководившіе при этомъ Всеволодомъ; одна только Никоновская лѣтопись говоритъ, будто Владимірскій князь поступилъ такъ изъ благодарности ⁶⁾ за помощь,

¹⁾ См. Карамзина, III, 70; Соловьева Ист. Росс., II, 339—340; Уляева Разв. изъ русск. ист., II, 363.

²⁾ См. Соловьева Ист. Р., II, 339—340.

³⁾ См. Новг. лѣт., стр. 29.

⁴⁾ По Новг. л. (стр. 30) и Троицк. (Поли. Собр. Р. лѣт., I, 210—211) лѣт. въ 1209 г., по Лавр. (стр. 408) и Воскр. (стр. 144) въ 1207 г. См. Карамзина III, прил. 122.

⁵⁾ См. Новг. лѣт. (стр. 30), Троицк. (стр. 211), Воскр. (стр. 115).

⁶⁾ Вотъ слова Никонов. лѣт.: «его же они (то-есть, Новгородцы) хотѣху, все ниѣ даде, глаголи к нимъ сице: что аще есть любезно вамъ, просите у мене, должетъ бо есмь вамъ даровати ея блага; яко вы мною труда покажете, и ерлатоу моиму Рязанцевъ одолесте; вами бо честь многу налезохъ, и держате себя князя по своей воли, и аще кто к вамъ добрый, того любите и чтите. И

оказанную ему Новгородцами. Трудно допустить, чтобы такой хитрый и расчетливый политикъ, какъ Всеволодъ, руководился въ данномъ случаѣ однимъ безкорыстнымъ чувствомъ благодарности. Если только онъ не былъ вынужденъ обстоятельствами, то, во всякомъ случаѣ, вѣроятно, видѣлъ для себя какую нибудь выгоду въ такомъ образѣ дѣйствій ¹⁾; опредѣленно же отвѣтить на упомянутый вопросъ довольно трудно вслѣдствіе отсутствія данныхъ. Есть основаніе думать, что Новгородцы были не совсѣмъ довольны тогдашнимъ своимъ княземъ и посадникомъ ²⁾; по крайней мѣрѣ, Всеволодъ оставилъ у себя какъ Константина, такъ и раненаго Дмитрія Мирошкинича съ семью другими „вятскими“ Новгородцами.

Наконецъ-то Новгородцы могли излить накопившую въ нихъ злобу если не прямо на своего сосѣдѣ ³⁾, державшемъ ихъ въ своихъ рукахъ, то по крайней мѣрѣ, на его клеветкахъ, то-есть, на Суздальской партіи, во главѣ которой находился ихъ посадникъ. И вотъ, придя домой, они устраиваютъ бурное вѣче противъ отсутствовавшего Дмитрія Мирошкинича и противъ его родственниковъ и единомышленниковъ, обвиняя ихъ (говорить глгопись), „яко ти повелѣша на Новгородѣцкихъ сребро имати, а по волости куны брати, по купцемъ виру дикую ⁴⁾ и повозы ⁵⁾ возити и все зло“ ⁶⁾. Дворъ посадника былъ сожженъ, а имущество разграблено ⁷⁾, при чемъ по захваченнымъ счетамъ и письменнымъ обязательствамъ ⁸⁾ предоставлено

еще кого хотите жаловать, жалуйте. а кого хотите казнити, казните, яже имате старый уставъ прежнихъ князей в васъ учивенъ, тако творите» (II, 303).

¹⁾ Предположенія по поводу поступка Всеволода см. у Карамзина III, 75, Бестужева-Рюмина Р. Ист., 320.

²⁾ См. Соловьева Ист. Р., II, 340—341.

³⁾ См. Нассека Новг. самъ въ себя, 60.

⁴⁾ По Русской Правдѣ, если кто убьетъ человека въ ссорѣ или пьянствѣ и скроется, то вервь, или округа, гдѣ совершилось убійство, платитъ за него пеню которая называется въ такомъ случаѣ дикою вирою.

⁵⁾ Повозомъ называлась обязанность доставлять сборы натурою. См. Соловьева Ист. Р. I, 239; Бестужева-Рюмина Р. ист., 111.

⁶⁾ См. Новг. лѣт., стр. 30.

⁷⁾ Слѣдующее мѣсто источниковъ можетъ дать понятіе о богатствѣ Новгородцевъ: «а избытокъ раздѣлиша по зубу (объ этомъ см. Карамзина, III, прим. 128), епо 3 гривни по всему городу и на щитъ; аще кто потан похватитъ, а того единъ Богъ вѣдаетъ, и отъ того мнози разбогатѣша». См. Новг. лѣт., стр. 30.

⁸⁾ Въ Новг. лѣт. «а что на дѣцкахъ, а то князю оставиша» (стр. 30), въ

было князю взискать въ свою пользу. Ослобленіе народа было такъ велико, что когда привезли изъ Владимира тѣло умершаго Дмитрія, то Новгородцы хотѣли сбросить его съ моста,—едва владика Митрофанъ могъ остановить ихъ. Всеволодъ прислалъ въ Новгородъ своего сына, Святослава; въ посадники же избранъ былъ Твердиславъ Михалковичъ, изъ фамиліи, не благопріятствовавшей Всеволоду. Обстоятельство это ясно показываетъ тогдашнее настроеніе большинства Новгородцевъ. Между тѣмъ негодованіе народа не успѣло остынуть: Новгородцы пѣловали крестъ, что не будутъ держать у себя ни Дмитриевыхъ дѣтей, ни главнѣйшихъ его сторонниковъ; къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Овстратъ Домажировичъ, о которомъ впоследствии намъ придется еще упомянуть ¹⁾. Эти лица заточены были княземъ Святославомъ и отправлены затѣмъ къ его отцу; съ другихъ же взято было „серебро безъ числа“ ²⁾.

Такимъ образомъ Новгородъ, не смѣя пока открыто возстать противъ могущества Всеволода, поднимается на его сторонниковъ, людей, служившихъ орудіемъ Владимірскому князю. Какъ сильна была въ Новгородѣ власть Всеволода, до чего доходило его самоуправство, какимъ тяжелымъ бременемъ для свободолюбиваго и своевольнаго города было его господство, видно изъ слѣдующаго лѣтописнаго извѣстія, краткаго, но тѣмъ не менѣе характеристичнаго: „Приде Лазарь, Всеволодъ мужъ, изъ Володимира, и Борисе Мирошкиниці: повелѣ убити Ольксу на Ярославли дворѣ, и убиша ѿ безъ вины ....а завтра плава святая Богородица у Святого Якова, въ Неревскѣмъ концѣ“ ³⁾. Такъ понирались не только права и вольность Великаго

Троицы: «а что ся на дѣснахъ стало съ писми, и то все князю» (стр. 200). По *Армибишеву*, «доски суть записки о товарахъ, заходившихся индѣ. (Нов. о Росс., I, 276, пр. 1714); по *Тамисшеву*, доски то же, что лавки (Ист. Росс., III, 508, пр. 580); см. замѣчанія объ этомъ *Карамзина*, по мнѣнію котораго доски судъ ечеты и письменныи обязательства (III, пр. 128).

¹⁾ Кроме его, навлекли на себя злобу Новгородцевъ Владиславъ, Борисъ и Твердиславъ Ставиловичъ. Новг. лѣт., стр. 31.

²⁾ *Пассекъ* говоритъ: «При уничтоженіи семьи Дмитрія Мирошкинича достались огромныи богатства сыну Великаго князя, Святославу, и при томъ не въ наличности, а въ долгахъ, которые нужно было еще взискать, такъ что скорое возвращеніе изъ ссылки приверженцевъ и дѣтей Дмитрія необходимо повлекло бы за собою и для Святослава а, слѣдовательно, и для Великаго князя, потерю всѣхъ этихъ богатствъ, Новгородъ пробуждалъ и подкупалъ еребролюбіе въ самомъ Великомъ князѣ» (Новг. въ самомъ себя, 129).

³⁾ См. Новг. лѣт. (стр. 30) и Троицы. (стр. 210). Въ лѣтописяхъ событіе

Новгорода, но и самая справедливость ¹⁾, и въ этомъ помощниками и орудіемъ служить Всеволоду сами же Новгородцы ²⁾. Новгородъ въ безсиліи склонялся предъ могущественнымъ Владимірскимъ княземъ. Правда, недовольство въ Новгородѣ все болѣе и болѣе распространялось, но при недостаткѣ единодушія онъ не могъ найти въ самомъ себѣ силъ, необходимыхъ для борьбы съ такимъ врагомъ, какъ Владимірскій князь. Только внѣшняя сила могла направить разрозненныя стремленія Новгородцевъ къ одной общей цѣли и спасти Новгородъ отъ Всеволода. Этою-то силою и является Мстиславъ, князь незначительной Торопецкой волости, расположенной, какъ мы видѣли, въ сосѣдствѣ съ Новгородскою волостью.

По видимому, все соединялось къ тому, чтобы на защиту Новгорода выступилъ именно Удалой: слава и любовь, приобретенныя Мстиславомъ Храбрымъ, заранѣе располагали Новгородцевъ въ пользу его сына и внушали довѣріе къ послѣднему, а географическое положеніе Торопца само по себѣ уже дѣлало Удалого, какъ было замѣчено, посредникомъ между Новгородомъ и Суздальскою землею; притомъ же Мстиславъ, живя въ своемъ Торопцѣ, легче другихъ могъ слѣдить съ чувствомъ живаго участія за всѣмъ ходомъ событій, совершавшихся въ Новгородской области. Существуетъ мнѣніе (Соловьевъ), что Торопецкій князь выступилъ на защиту Новгорода не по своей собственной инициативѣ, а что партія, раздраженная Всеволодомъ, желая наконецъ избавиться отъ подчиненія послѣднему, вошла въ сношенія съ Мстиславомъ и призвала его на столъ въ Новгородъ. Въ пользу такого предположенія можно сослаться на слова Воскресенской лѣтописи ³⁾ и на извѣстіе Татищева ⁴⁾. Но въ дѣйствитель-

---

это отнесено къ 1208 г. Карамзинъ (Ист. Гос. Росс., III, прим. 127) и Кунинъ (Зап. Ак. Наукъ по I и III отдѣл., т II, стр. 749) относятъ его къ 1207 г. Замѣчанія по поводу самаго эпизода см. въ Ист. Росс. Соловьева, II, 340.

¹⁾ «Убиша безъ силы».

²⁾ Пришелъ въ Новгородъ и принялъ участіе въ убіеніи Алекса не только Всеволодъ мужъ, Лазарь, но и Борисъ Мирошеничъ, то-есть братъ тогдашняго посадника Дмитра, Новгородецъ.

³⁾ «Новгородци приведоша къ себѣ князя Мстислава Торопецкаго» (стр. 116).

⁴⁾ «Нѣкоторые вельможи Новгородскіе, озлобивъ на Святослава Всеволодича за то, что онъ ихъ за грабительство народное и неправые суды судилъ и называлъ, умыслили Святослава изгнать, и тайно, нѣсколько согласясь, послали въ Торопецъ къ Мстиславу Мстиславичу, внуку Ростиславлю, просить, чтобы онъ шелъ въ Новгородъ, объяви ему, что большая часть его желаютъ. Мсти-

ности Воскресенская лѣтопись говоритъ только, что Новгородцы привели Мстислава; а это могло быть сказано въ томъ смыслѣ, что Удалой былъ призванъ ими изъ Торжка (а не изъ Торонца); такое извѣстіе совершенно согласно и съ Новгородскою лѣтописью¹⁾; но дѣло въ томъ, что, по словамъ послѣдней, это произошло уже послѣ тогда, какъ Мстиславъ безъ всякаго зова прибылъ въ Торжекъ, и послѣ воззванія его къ Новгородцамъ. Съ другой стороны, нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ разказѣ Новгородской лѣтописи, изъ котораго можно заключить, что Мстиславъ самъ, по своему собственному почину и побужденію, рѣшился подать помощь Новгороду: явиться за щитникомъ слабымъ даже безъ зова съ ихъ стороны, лишь услышавъ о претерпѣваемыхъ ими притѣсненіяхъ, было вполне въ характерѣ Удалого. Прибавимъ къ этому жажду дѣятельности, стремленіе къ славѣ, которая, безъ сомнѣнія, должна была ожидать того, кто осмѣлится выступить противъ могущественнаго Владимірскаго князя, простиравшаго свое вліяніе во всѣ концы тогдашней Руси,—и для насъ станетъ понятнымъ поведеніе Мстислава, какъ передаетъ о немъ Новгородская лѣтопись. Тѣмъ болѣе мы можемъ склониться на сторону этого послѣдняго мнѣнія, что оно не только легко примирно съ первымъ предположеніемъ, котораго держится, напримѣръ, Соловьевъ, но даже въ сущности и мало противорѣчитъ ему. Въ самомъ дѣлѣ, если мы припомнимъ положеніе Торонецкой волости, то мы должны прійти къ тому заключенію, что Мстиславъ, даже не вступая въ прямые переговоры съ недовольною Новгородскою партіей, уже вслѣдствіе одного географическаго положенія своего княжества, по необходимости долженъ былъ находиться въ непрерывныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Новгородомъ. Его могли и не звать формально на столъ, но до него, конечно, безпрестанно доходили извѣстія о притѣсненіяхъ Всеволода, о недовольствѣ большей части Новгородцевъ; не даромъ же

славъ, получа призывныхъ, радъ ему былъ, и немедленно созвавъ людей, пришелъ въ Торжекъ, а въ Новградъ послалъ съ объявленіемъ таковымъ: «Кланюся св. Союзи», и т. д. «Новгородцы, продолжаетъ Татищевъ, получа оное, учинили общенародный совѣтъ, гдѣ тѣ озлобленные наиболее народъ противу Святослава возмущили и по многумъ прещи сіи усилъся, принудили согласиться звать Мстислава, и немедленно послали всенародно Мстислава изъ Торжка звать въ Новгородъ, а принявъ его съ честью, ввели въ домъ князей, а Святослава удержали....» (Ист. Росс., III, 366—367).

¹⁾ «То слышающе Новгородцы послаша по нь съ великою честью: поиди, княже, на столъ». Новг. лѣт., стр. 31.

онъ, явившись на помощь къ послѣднимъ, говоритъ, что онъ слышалъ о насліяхъ, претерпѣваемыхъ ими отъ князей. Словомъ, Торопецкій князь, какъ ближайшій сосѣдъ, могъ видѣть настоящее положеніе дѣлъ въ Новгородѣ и ту едва сдерживаемую ненависть, то негодованіе, которыя возбуждало въ массѣ народа господство Владимірскаго князя. А если Мстиславъ все это видѣлъ, если онъ зналъ, что Новгородцы только ждутъ себѣ освободителя, откуда бы онъ ни пришелъ, лишь бы спасъ ихъ отъ Всеволода,—то не удивительно, что у такого удалаго витязя могла явиться мысль выступить защитникомъ попираемой вольности Новгородской; не удивительно, что онъ рассчитывалъ при этомъ на сочувствіе большинства Новгородскаго населенія. Если прежде Мстиславъ могъ сомнѣваться въ этомъ и колебаться, то уже одна народная расправа съ главнѣйшими представителями Суздальской партіи, ясно показавъ настроеніе Новгородцевъ, должна была вселить въ немъ увѣренность въ успѣхъ.

Какъ бы то ни было, но зимою 1210 г. ¹⁾ пришелъ, говоритъ Новгородская лѣтопись,—Мстиславъ Мстиславичъ въ Торжекъ, схватилъ дворянъ ²⁾ Святославовыхъ, самихъ заковалъ въ цѣпи, а ихъ имущество продалъ на разграбленіе всякаго, „кого только рука дойдетъ“ ³⁾ а въ Новгородъ послалъ сказать ⁴⁾: „Кланяюсь святой Софїи и гробу

¹⁾ Быть можетъ, вѣрнѣе въ 1209 г. и вотъ на какомъ основаніи: Въ Новгород. лѣт. стоитъ здѣсь 6718 г. (стр. 31), въ Лавр.—6717, въ Воскр.—6716 г. отъ сотворенія міра. Разница въ годахъ, показанныхъ Новгород. и Лавр. лѣтописями могла произойти вслѣдствіе различнаго лѣтоисчисленія: Лавр. беретъ мартовскій годъ, а Новгород.—можетъ быть, сентябрскій. Дѣло происходило зимою, то-есть, можно предположить, въ концѣ нашего январскаго года (въ Никон. лѣт. вмѣсто «зимы» сказано «осенью», II, 307), а такъ какъ въ сентябрскомъ году послѣдніе мѣсяцы нашего январскаго относятся уже къ слѣдующему году, то найдемъ, что показанный въ Новгород. лѣт. 6718 г. при переводѣ на наше лѣтоисчисленіе, въ дѣйствительности, будетъ равняться 1209 г.

²⁾ «Что прежде называлось дружиной, то со временъ Андрея Боголюбскаго уже именуется въ лѣтописяхъ *дворяны*»; см. Карамзина, III, 91, 123; также см. Полюдина Иссл., зам. и лекціи, I, 414, Кавелина Соч., I, 345.

³⁾ Новгород. лѣт., стр. 31.

⁴⁾ Новгород. лѣт., стр. 31. Эта рѣчь въ Никон. лѣт. добавлена некоторыми подробностями, которыя были бы важны для характеристики Мстислава, какъ историческаго дѣятеля, если бы только можно было ручаться, что это не позднѣйшее добавленіе: «Кланяюсь св. Софїи, и гробу отца моего, и всемъ Новгородцевъ. Слышалъ убо насліе отъ князей в васъ, и того ради да пришелъ съемъ к вамъ, скорбя и тужа о своей отчине о Новгородѣ, яко старейшимъ обычамъ в васъ памятуемъ: прегрѣшихъ князей устаемъ, и стую зѣло о васъ, како бы вамъ по-

отца моего, и всѣмъ Новгородцамъ! Пришелъ къ вамъ, услышавъ о наслѣдїи отъ князей, и жаль мнѣ своей отчины!"¹⁾ Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести это воззваніе на новгородцевъ въ столь затруднительныхъ для нихъ обстоятельствахъ, при нахлѣпавшей злобѣ на Владимірскаго князя. При тогдашнемъ настроеніи въ Новгородѣ недоставало только внѣшняго толчка, чтобы поднять народъ противъ Всеволода; стоило только явиться избавителю съ зовомъ къ Новгородцамъ, воодушевить ихъ, — и эта масса, въ себѣ самой не могшая почерпнуть силъ для борьбы, готова была, опираясь на постороннюю помощь, сбросить съ себя давнившее ее господство Владимірскаго князя. Озлобленіе въ народѣ было такъ велико, негодованіе его доходило до такой степени, что Суздальская партія потеряла всякій вѣсъ, всякое значеніе и принуждена была на время замолчать подъ страхомъ сдѣлаться жертвой народной ярости. Тѣмъ съ большей радостью ухватились Новгородцы за помощь, предлагаемую имъ Торопецкимъ княземъ, что послѣдній былъ сынъ столь любимаго ими Мстислава Храбраго. И вотъ посылаютъ они съ великою честью за Мстиславомъ Мстиславичемъ въ Торжекъ, приглашая его къ себѣ: „пойди, князь, на столъ!“ Святослава же Всеволодовича вмѣстѣ съ его мужами они, по старинному своему обыкновенію, посадили на владычномъ дворѣ подъ стражу, пока „будетъ управа съ отцемъ“. Такимъ образомъ „пришелъ“, говорятъ лѣтописецъ²⁾, — Мстиславъ Мстиславичъ въ Новгородъ, и посадили его на столъ отцовскомъ, и рады были Новгородцы“. Настроеніе Новгорода въ тотъ моментъ Костомаровъ характеризуетъ такимъ образомъ: „Тогда для Новгорода настало время такого одушевленія, какое, проникая массу народа, заставляеть умолкать духъ партій, мелкія распри, корыстныя

мощи. И эти словеса вѣло угодна бысть Новгородцевъ, і послаша по него с великою честью глаголюще: поиди княже добрый на столъ и какъ в Новгородъ; а ны князь Святослава Всеволодича отъ себе изгонимъ, или помнимъ» (II, 307)

¹⁾ Въ данномъ случаѣ принятымъ слова *Сергіемча*: «Отчина есть ничто иное, какъ *столъ отица*, то-есть, столъ, который занималъ прежде отецъ извѣстнаго князя. Такимъ образомъ наименованіе отчины можетъ быть усвоено каждому столу, каждой волости, но только по отношенію къ дѣтамъ князя, занимавшаго волость, и независимо отъ того, удалось ли добыть столъ отца послѣ его смерти, или нѣтъ... Наименованіе волости «отчиной» выражаетъ не существо власти князя-правителя, а только одно указаніе на то, что такой-то столъ былъ некогда занятъ отцемъ такого-то князя». (Вѣче и князь, 318—319).

²⁾ Новг. лѣт., стр. 31.

побужденія, соединяетъ умы и чувства, опредѣляетъ стремленія и подвигаетъ къ общему дѣлу".¹⁾

Впереди предстоала еще борьба съ могущественнымъ Владимірскимъ княземъ, который, между тѣмъ, какъ видно изъ послѣдующаго, успѣлъ уже захватить Новгородскихъ купцевъ съ ихъ товарами. Мстиславъ со всѣмъ своимъ войскомъ идетъ на Всеволода. Такимъ образомъ выступаютъ другъ противъ друга два замѣчательнѣйшіе дѣятеля того времени: одинъ лишь начинающій свое блестящее поприще, а другой—оканчивающій. Трудно найти личности, которыя составляли бы болѣшую противоположность одна другой по своимъ стремленіямъ и личнымъ качествамъ, тѣмъ Мстиславъ, полный воодушевленія, и осторожный Всеволодъ, съ своимъ снокойнымъ и холоднымъ умомъ. Съ одной стороны довѣрчивый до легковѣрія и прямодушный витязь, неспособный неуклонно шагъ за шагомъ, идти къ одной варагѣ предначертанной цѣли, а съ другой—проницательный Всеволодъ, ловкій и хитрый политикъ. Одинъ готовъ биться изъ-за славы, другой—только изъ-за существенной выгоды; одинъ—защитникъ правды, какъ бы ни былъ неясенъ ея образъ въ то время, другой—поборникъ лишь собственной, личной пользы. Ратное поле—вотъ поприще, на которомъ Мстиславъ является во всемъ своемъ блескѣ; онъ отваженъ до героизма, иной разъ даже до безразсудства; Всеволодъ же до того остороженъ, что даже въ ту воинственную эпоху старается избѣгать битвы, этого, по тогдашнимъ понятіямъ, суда Божьяго. Непосѣдливый Мстиславъ, переходящій изъ одного княжества въ другое, безъ сомнѣнія, въ то время живѣе всякаго другаго сознавалъ единство Руси и, быть можетъ, смутно стремился поддержать его; но это единство, какъ понималъ его Удалой, крайне шаткое, съ чисто патриархальною основой, опирающееся лишь на взаимную братскую любовь, ничѣмъ прочно не гарантированное; между тѣмъ Всеволодъ, заботившійся только о своемъ княжествѣ, тѣмъ самымъ уже работалъ и для болѣе прочнаго объединенія Руси. Итакъ, Мстиславъ, сказали мы, выступилъ въ походъ противъ Владимірскаго князя. Но дѣло не дошло до вооруженнаго столкновенія: Всеволодъ прислалъ²⁾ къ Удалому пословъ съ мирными предложеніями. Какъ видно, умный и проницательный Всеволодъ зналъ, тѣмъ можно подѣйствовать на Мстислава и склонить

¹⁾ См. Сзв.-русск. народопр. I, 81.

²⁾ Въ глѣт. Новг. сказано: «... и быша на *Плоскыи* (на Полтескѣ) и присла къ нему Всеволодъ...» (см. стр. 31).

его въ миру: „Ты мнѣ сынъ“, говорилъ онъ Удалому, — „а я тебѣ отецъ; пусти Святослава съ мужами и возврати все, что захватилъ¹⁾, а я отпущу гостей и товаръ“. Уже при этомъ обнаруживается одна изъ симпатичныхъ сторонъ Мстиславова характера: не смотря на свою отвагу и любовь къ ратнымъ подвигамъ, онъ не былъ кровожаднымъ бойцемъ, жаждущимъ битвъ во что бы то ни стало; напротивъ, если дѣло, изъ-за котораго онъ шелъ на бой, могло быть покончено мирнымъ путемъ, то онъ съ радостью брался за это послѣднее средство. Такъ въ данномъ случаѣ онъ тотчасъ же согласился на предложеніе Всеволода. Князья заключили миръ между собою и поцѣловали крестъ. Мстиславъ отпустилъ Всеволодова сына, Святослава, и его мужей, а Владимірскій князь — новгородскихъ гостей вмѣстѣ съ ихъ товарами, послѣ чего Удалой возвратился въ Новгородъ²⁾.

Такъ передаетъ это событіе новгородскій лѣтописецъ. Но, не говоря уже объ одной изъ позднѣйшихъ сѣверныхъ лѣтописей, Воскресенской, которая, представляя дѣло въ совершенно иномъ свѣтѣ говорить, будто Новгородцы отпустили Святослава не вслѣдствіе мирныхъ предложеній самого Всеволода, а напротивъ, изъ страха предъ послѣднимъ княземъ³⁾, — даже въ Лаврентьевской лѣтописи (равно какъ и въ Никоновской) мы находимъ извѣстіе, противорѣчащее приведенному выше разказу. Именно, въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1209 г. мы читаемъ: „Тое же зими великій князь Всеволодъ посла сыны своя Костянтина с братьемъ его, на Мстислава Мстиславича на Торжокъ; Мстиславъ же слышавъ, оже идешь на нь рать, изиде на Торжку Новгороду, а оттуда иде в Торонецъ в свою волость; Костянтинъ же с своею братьемъ возвратишася со Тьфѣри, и Святославъ приде к нимъ из Новгорода, и ѣхаша вси къ отцю своему в Володимерь.....“⁴⁾. Изъ этого извѣстія прямой выводъ тотъ, что,

¹⁾ Въ некоторыхъ спискахъ *Новг. лѣт.* сказано: «и все то, оже задѣ, исправлю».

²⁾ Ср. *Костомарова Сѣв.-русск. народопр.*, I, 81.

³⁾ Подъ 1208 г.: „Тогда на зиму, Новгородци приведоша къ себѣ князя Мстислава Торонецкаго, а Святослава приша у себя; слышавъ же великій князь Всеволодъ, посла сына своя, Костянтина, Юрья, Ярослава, въ Торжку; и бышикъ имъ на Твери съ полки своими, *Новгородци же убояшася пустиша Святослава на Тверь ко брати своей, и взяша миръ съ великимъ княземъ Всеволодомъ и съ симми ою*“ (стр. 116).

⁴⁾ См. лѣт. по Лавр. сп., стр. 413; такъ и въ Никои. (II, 307), только въ «зимы» сказано: «осенью».

вопреки Новгородской лѣтописи, предпріятіе Мстислава противъ Всеволода не удалось, и онъ принужденъ былъ ни съ чѣмъ возвратиться обратно въ Торопецкую волость ¹⁾. Какому же изъ приведенныхъ извѣстій слѣдуетъ отдать предпочтеніе, — свидѣтельству ли Новгородской лѣтописи или Лаврентьевской? И если нѣтъ возможности вполне примирить противорѣчіе источниковъ въ данномъ случаѣ, то нельзя ли, по крайней мѣрѣ, объяснить, вслѣдствіе чего могло оно возникнуть?

Не будемъ распространяться уже о томъ, какимъ незамѣннымъ и надежнѣйшимъ источникомъ для изученія исторіи собственно Новгорода является Новгородская лѣтопись; не будемъ также говорить

¹⁾ *Татищевъ* такъ описываетъ весь ходъ дѣла: Когда Мстиславъ вошелъ въ Новгородъ, то Всеволодъ захватилъ Новгородскихъ купцовъ, а къ Торжку на Мстислава послалъ своего старшаго сына, Константина, и младшихъ, Юрія и Ярослава. Мстиславъ выступилъ противъ нихъ, но дойдя до Вышняго Волочка и не снѣя идти далѣе, онъ обратился къ Константину, находившемуся тогда въ Твери, съ просьбой о мирѣ. Константинъ, вопреки совѣту своихъ братьевъ, желавшихъ битися, заключилъ съ Новгородцами миръ съ такимъ условіемъ, чтобы они выслали отъ себя Мстислава и приняли въ князья себя того, кого пришлетъ Всеволодъ. Вслѣдствіе этого мира Мстиславъ немедленно возвратился въ свой Торопецъ. Получивъ въ князья отъ Всеволода его сына, Владимира, и возвратившись домой, Новгородцы устроили вѣче и избили тѣхъ бояръ, которые призывали Мстислава (см. выше стр. 62), хотѣли даже сбросить ихъ съ моста, — едва архіепископъ защитилъ ихъ. Потомъ Новгородцы, не влюбивъ Владимира, опять послали за Мстиславомъ и при этомъ изгнали владими Митрофана (см. Ист. Россійск., III, 366, 367 и слѣд.). Въ своей магистерской диссертациі (Объ отнош. Новг. къ в. кн.) *Соловьевъ* готовъ принять извѣстіе Татищева. «Въ 1211 г. Новгородцы», говоритъ онъ, «снова послали за Мстиславомъ; тогда Владимиръ, то-есть, Владимиръ Всеволодовичъ», «опасаясь участи брата, уѣхалъ тотчасъ къ отцу, а Мстиславъ безпрепятственно вступилъ въ Новгородъ и удержался въ немъ. Къ этому-то второму вступленію Мстислава въ Новгородъ и должно отнести договоръ его со Всеволодомъ о старшинствѣ послѣдняго». (Заключеніи, что такъ говоритъ Никон. лѣт., II, 307—308). «Великій князь», продолжаетъ Соловьевъ, — «чувствуи приближеніе смерти и ослабѣвъ духомъ, вѣроятно, не хотѣлъ оставить дѣтямъ своимъ непримиримаго врага въ особѣ храбрѣйшаго изъ потомковъ Мономаховыхъ» (стр. 57). Но въ своей Ист. Росс. Соловьевъ принимаетъ лишь свидѣтельство Новгор. лѣт., а происхожденіе разказа Татищева объясняетъ извѣстіемъ Лавр. и Никон. лѣт., при чемъ, по его словамъ, «князь Владимиръ Всеволодовичъ является на сцену вслѣдствіе смѣшенія его съ княземъ Псковскимъ Владимиромъ, братомъ Мстиславовымъ, который въ Новгор. лѣт. подъ 1210 г.» (стр. 31) «ходитъ съ Новгородцами на Литву, подъ 1211 посаженъ братомъ въ Дунахъ» (стр. 31); «извѣстіе же о возстаніи Новгородцевъ на пріятелей Мстиславовыхъ можетъ быть въ связи съ извѣстіемъ о смутѣ по поводу архіепископа Митрофана» (Ист. Р., II, прим. 395, стр. LI).

о той ясности и точности, которыми отличается ея разказъ о занимающемъ насъ событіи, и которыя врядъ ли могутъ допустить какое-нибудь сомнѣніе насчетъ его достовѣрности; укажемъ на другія стороны разсматриваемаго нами вопроса. Впервыхъ, въ извѣстіи Лаврентьевской лѣтописи видимо заключается несообразность: Мстиславъ принужденъ ли съ чѣмъ возвратиться обратно, а между тѣмъ Святославъ все-таки покидаетъ Новгородъ; если бы Святославъ сдѣлалъ это добровольно, то такой поступокъ противорѣчилъ бы всей прежней политикѣ Всеволода (въ лѣтописи не сказано, чтобы послѣдній замѣнилъ Святослава какимъ-нибудь своимъ родственникомъ или приверженцемъ, а говорится только, что Святославъ ушелъ изъ Новгорода къ отцу, такъ, что выходитъ, будто Владимірскій князь по своей доброй волѣ отказался отъ вліянія на Новгородъ). Но предположимъ, что извѣстіе Новгородской лѣтописи невѣрно, и что Мстиславъ, согласно съ Лаврентьевской лѣтописью, дѣйствительно долженъ былъ безъ успѣха уйдти обратно въ свой Торопецъ; въ такомъ случаѣ — такъ какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что Удалой княжилъ въ Новгородѣ еще при жизни Всеволода — когда же именно и какимъ образомъ онъ снова дѣлается Новгородскимъ княземъ? На это Лаврентьевская лѣтопись не можетъ дать отвѣта. Одинъ только Никоновскій лѣтописный сводъ вслѣдъ за упомянутымъ выше извѣстіемъ Лаврентьевской лѣтописи говоритъ (подъ 1211 г.), будто Мстиславъ Мстиславичъ началъ собирать рать и со всѣми Новгородцами пошелъ противъ Всеволода ¹⁾; но и здѣсь нѣтъ указанія, какимъ же образомъ Удалой вторично очутился въ Новгородѣ, а самый разказъ этого свода о походѣ Мстислава противъ Всеволода въ сущности есть только нѣсколько растянутое повтореніе извѣстія Новгородской лѣтописи; да и вообще Никоновская лѣтопись, этотъ позднѣйшій источникъ, испещренный вставками и добавленіями, представляетъ довольно шаткое основаніе для заключеній. Такимъ образомъ, отвергнувъ извѣстіе Новгородской лѣтописи и принявъ свидѣтельство Лаврентьевской, мы не въ состояніи будемъ уяснить себѣ, какимъ образомъ Мстиславъ является княземъ въ Новгородѣ, и что заставило Святослава покинуть этотъ городъ.

Одно обстоятельство какъ будто говоритъ противъ Новгородской лѣтописи: по видимому, трудно допустить, чтобы такой могущественный князь, какимъ былъ Всеволодъ, такъ легко, безъ всякой борьбы,

¹⁾ См. Ник. л., II, 308.

рѣшился уступить Мстиславу, пожертвовавъ плодами своихъ прежнихъ долготѣльныхъ усилій, направленныхъ къ подчиненію Новгорода своему вліянію. Но такое видимое затрудненіе въ объясненіи остается и тогда, если мы примемъ извѣстіе Лаврентьевской лѣтописи: такъ или иначе, а Мстиславъ все-таки сдѣлался Новгородскимъ княземъ, а потому и теперь остается по прежнему неразрѣшеннымъ вопросъ: какъ же Всеволодъ допустилъ это? Въ дѣйствительности, такой на первый взглядъ непопятный фактъ объясняется характеромъ противниковъ и тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ. Уже Соловьевъ замѣтилъ сходство между Всеволодомъ III и Іоанномъ III ¹⁾; въ самомъ дѣлѣ, нежеланіе подвергаться риску, вступать въ битву, исходъ которой мало-мальски можетъ быть сомнителенъ, словомъ, крайняя осторожность характеризуетъ того и другаго. Проницательный Всеволодъ, вѣроятно, видѣлъ, какимъ опаснымъ противникомъ можетъ быть удалой Мстиславъ, полный безграничной отваги и воодушевленія, тѣмъ болѣе, что, въ свою очередь, и Новгородцы представляли теперь не изнемогающую отъ внутренняго разлада массу, а тѣсно сплоченное вокругъ своего князя и единодушное цѣлое, полное энтузіазма, одушевленное любовью къ свободѣ и злобой за прежнія притѣсненія. Прибавимъ ко всему этому и невоинственность суздальскаго населенія, не отличавшагося ратнымъ духомъ, что признается и самими сѣверо-восточными князьями ²⁾. Понятно, что при такихъ условіяхъ подлежало еще большому сомнѣнію, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, и осторожный Всеволодъ предпочелъ отказаться отъ вліянія на Новгородъ, довольствуясь признаніемъ своего старшинства ³⁾ со стороны Мстислава, чѣмъ вступить въ бой, рискуя потерпѣть поражение и этимъ подвергнуть опасности свое вліяніе въ остальной Руси. Не забудемъ еще одного обстоятельства, которое должно было побуждать Всеволода къ скорѣйшему заключенію мира съ Мстиславомъ: сынъ его, Святославъ, находился, какъ мы видѣли, въ рукахъ ожесточенныхъ Новгородцевъ; участь его могла страшить Всеволода, и вотъ послѣдній прежде всего старается освободить своего сына, ставя первымъ условіемъ мира, чтобы Мстиславъ отпустилъ Святослава. Вотъ, главнымъ образомъ, тѣ обстоятельства, которыя, объясняя поведение

¹⁾ См. Объ отн. Новг. къ вел. кн., 53.

²⁾ См. ниже слова князя Константина и одного изъ Юрьевыхъ бояръ (предъ Липецкою битвой).

³⁾ «Ты ми еси сынъ, а язъ тѣбѣ отецъ» (стр. 31).

Владимірскаго князя, вмѣстѣ съ тѣмъ оправдываютъ извѣстіе Новгородской лѣтописи.

И такъ, принявъ во вниманіе все сказанное, мы придемъ къ тому заключенію, что изъ противорѣчивыхъ показаній Лаврентьевской и Новгородской лѣтописей слѣдуетъ отдать предпочтеніе свидѣтельству послѣдней, тѣмъ болѣе, что извѣстіе первой объ уходѣ Мстислава изъ Торжка въ Торонецъ, по весьма вѣроятному предположенію Соловьева ¹⁾, произошло отъ смѣшенія двухъ событій и объясняется извѣстіемъ, находящимся въ Новгородской лѣтописи подъ 1211 г., а именно: вскорѣ по возвращеніи въ Новгородъ, князь Мстиславъ послалъ Дмитрія Явунича, бывшаго тогда посадникомъ, съ Новгородцами на Луки „города ²⁾ ставить“ (то-есть, укрѣплять—вѣроятно, для защиты отъ Литовскихъ набѣговъ ³⁾, которые въ то время случались нерѣдко ⁴⁾; „а самъ“, говоритъ лѣтопись ⁵⁾, — „иде на Тържкѣ блюсть волости, изъ Търожку иде въ Тороньчъ, изъ Торонца иде на Луки, и сѣяся съ Новгородьци, а Лучяномъ да князя Володимира Пльсковьскаго...“ ⁶⁾. Замѣтимъ кстати, что Торжекъ находился на рубежѣ Новгородской земли съ Суздальскою; какъ видно, Мстиславъ не совсѣмъ полагался на только-что заключенный миръ съ Всеволодомъ, если считалъ нелишнимъ охранять Новгородскую область съ этой стороны ⁷⁾.

Обращаемся теперь къ вопросу, имѣющему для насъ болѣшую важность: въ какомъ духѣ характеризуетъ Мстислава, какъ историческаго дѣятеля, выступленіе его на защиту Новгорода противъ притязаній Всеволода? Еще говоря о призваніи Новгородцами Мстислава Ростиславича, Соловьевъ замѣчаетъ: „Здѣсь начинается союзъ Нов-

¹⁾ Ист. Росс., II, прим. 395, стр. LI.

²⁾ *Дрѣвнѣе* почему-то принимаетъ «города» не за винит. падежъ множ. числа, а за родительн. единств. (См. Пов. о Росс., I, 282, стр. 1763).

³⁾ См. *Биллеа* Разк. изъ Русск. ист., II, 269.

⁴⁾ Такъ, въ 1210 г., незадолго до прибытія Мстислава въ Торжекъ, Новгородцы съ княземъ Владиміромъ Псковскимъ и своимъ посадникомъ Твердиславомъ избиваютъ Литовцовъ, а въ 1213 г. Литва нападаетъ на Псковъ въ то время, когда тамъ не было князя (такъ какъ Псковляни прогнали отъ себя Владиміра Мстиславича). Новг. лѣт., стр. 31.

⁵⁾ Новг. лѣт., стр. 31.

⁶⁾ Псковъ въ старину назывался «Плесковъ». Названіе «Псковъ» въ древнихъ Новгородскихъ лѣтописяхъ встрѣчается не ранѣе половины XIV в. *Костомарова* Сав.-русск. народопр., I, 255.

⁷⁾ *Биллеа* Разк. изъ Русск. ист., II, 269.

города съ двумя Мстиславами—отцемъ и сыномъ, самыми блестящими представителями старой юго-западной Руси въ борьбѣ ея съ новою, сѣверо-восточной. Союзъ этотъ былъ необходимъ по одинаковости стремленій: какъ Новгородъ, такъ и Мстиславы хотѣли поддержать старый порядокъ вещей, противъ новаго, поддержать родовыя отношенія между князьями и вмѣстѣ старый быть старыхъ городовъ¹⁾. Прежде всего, повторяемъ, такого контраста между Русью сѣверо-восточною и юго-западною, какой предполагаетъ Соловьевъ, вовсе не было; напротивъ, въ Галичѣ, то-есть, именно въ юго-западной Руси, еще ранѣе, чѣмъ на сѣверѣ, являются князья-собственники, и даже съ большимъ правомъ на это названіе; это достаточно доказываетъ примѣръ Владимірка, и особенно Всеволодова современника, Романа, соединившаго Владиміръ Волынской съ Галичемъ. Повторяю, какъ было замѣчено, нельзя придавать слишкомъ большаго значенія усиленію Суздальскихъ князей: это не столько новый порядокъ вещей, сколько лишь зачатокъ, возможность появленія новаго. Отдѣльныя области въ это время обособляются, Суздальская точно также; только Суздальскій князь умѣетъ пользоваться обстоятельствами и въ матеріальномъ отношеніи сильнѣе другихъ; поэтому послѣдніе нерѣдко должны подчиняться ему. Отсюда слѣдуетъ, что и стремленія Новгорода къ обособленію и самостоятельности не составляютъ такой противоположности въ сравненіи съ стремленіями Всеволода; источникъ тѣхъ и другихъ въ сущности одинъ и тотъ же—чувство обособленности. Всеволодъ ратуетъ не во имя верховныхъ правъ своихъ, не во имя идеи единства и сознанія того, что на Руси должна быть единая власть, все подчиняющая себѣ: онъ только старается, пользуясь своею силой и благопріятными обстоятельствами, подчинить своему вліянію другія княжества, права которыхъ на самостоятельное существованіе онъ вовсе и не думаетъ отвергать²⁾. Поэтому и защита Новгорода Мстиславомъ еще не служитъ доказательствомъ того, что этотъ князь былъ такимъ рьянымъ защитникомъ и даже восстановителемъ старины. Правда, онъ желалъ, чтобы всѣ князья относились другъ къ другу по родственному, съ братскою любовью, чтобы въ этой патриархальной связи Русь находила себѣ единеніе; но, обращаясь къ выступленію Мсти-

¹⁾ Ист. Р., II, 333; также Ист. отн. и Русск. кн. Рюр. дома, 256.

²⁾ Ср. Костомарова: Нач. единов. въ др. Руси (Ист. мон. и изсл., т. XII, 64—65, или Вѣстн. Евр., 1870 г., №11 и 12-й; Пассека Новг. сам. въ себѣ, 6—65.

слава на помощь Новгороду, гораздо точнѣе будетъ сказать, что въ данномъ случаѣ Всеволодъ—представитель силы, тогда какъ Мстиславъ—представитель скорѣе права, чѣмъ старины. Удамой показавъ, что нельзя безнаказанно эксплуатировать въ свою пользу слабость другихъ, что, кромѣ силы, есть еще и правда, и ея-то защитникомъ онъ и является: обстоятельство, высоко ставящее Мстислава среди дѣателей всѣхъ временъ, невольно привлекающее къ нему нашу симпатію, не смотря на всѣ его ошибки и недалковидность. Да относительно Новгорода еще вопросъ: что старѣе—тотъ ли порядокъ, который хотѣлъ установить Всеволодъ, или тотъ, защитникомъ котораго явился Мстиславъ? Вспомнимъ, что развитіе новгородской свободы и самоуправления относится, главнымъ образомъ, уже къ эпохѣ, слѣдующей за Всеволодомъ Мстиславичемъ, что во времена Владимира Мономаха Новгородъ принужденъ былъ принимать посланна изъ Кіева, и слѣдовательно, подчинялся въ большей или меньшей мѣрѣ великому князю; а кажется, за норму стараго порядка и слѣдуетъ принимать именно эпоху Мономаха, этого идеала князя удѣльно-вѣчевой Руси, умѣвшаго показать, по словамъ же Соловьева, „каковы должны были быть на самомъ дѣлѣ отношенія младшихъ членовъ рода къ старшему, и какъ при общемъ владѣніи, могъ быть сохраненъ нарядъ“¹⁾. Помогая Новгороду, Мстиславъ выказалъ себя поборникомъ областной самостоятельности, защитникомъ правъ каждой области на независимость; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ жило и сознание единства Русскаго міра, и если бы насъ спросили, въ комъ глубже и живѣе было это сознание—въ Мстиславѣ или во Всеволодѣ, то мы могли бы смѣло указать на перваго. Но понятно, что защита областной независимости и безкорыстныхъ стремленій Мстислава должны были вести не къ объединенію Руси, а напротивъ, къ еще большому ея раздробленію, къ раздорамъ и возобновленію междоусобій; Всеволодъ же своею корыстною политикою и стремленіемъ къ собственному усиленію пролагалъ путь новому государственному строю, вѣроятно, самъ того не сознавая.

Итакъ, на приведенный выше вопросъ мы можемъ вообще отвѣтить, что, являясь защитникомъ Новгорода, Мстиславъ является вмѣстѣ съ тѣмъ покровителемъ слабыхъ, борцемъ за право и правду, какъ она въ то время понималась, противъ притязаній силы.

Намъ остается сдѣлать еще одно замѣчаніе по поводу рассматри-

¹⁾ См. Ист. отн. к. Русск. кн. Рюр. дома, 129.

вамаго событія. Уже при заключеніи мира со Всеволодомъ обнаружилась черта Мстислава, которая даетъ намъ право отнести его къ типу прежнихъ князей. Въ началѣ XIII в., какъ было уже сказано, родственныя отношенія князей и уваженіе къ старшинству потеряли всякое значеніе; о нихъ уже мало упоминають, а если и говорятъ, то слова эти обратились лишь въ пустой, мертвый звукъ. Не такъ было прежде, во времена Владимира Мономаха: тогда уваженіе къ старшинству и родству служило на самомъ дѣлѣ до известной степени сдерживающимъ началомъ. Это уваженіе къ старшему князю, стремленіе стать въ родственныя отношенія ¹⁾, столь свойственное старинѣ и чуждое XIII в., показалъ и Мстиславъ. „Ты мнѣ сынъ, а я тебѣ отецъ“, говоритъ Всеволодъ Мстиславу, и слова эти находятъ въ послѣднемъ живое сочувствіе, такъ-сказать, обезоруживаютъ его; онъ заключаетъ миръ съ Владимірскими князьями, съ полною готовностью признавая его своимъ отцемъ.

Съ того момента, какъ Мстиславъ Мстиславичъ съ такимъ мужествомъ и успѣхомъ выступилъ противъ могущественнаго Всеволода и окончательно оградилъ Новгородъ отъ его вліянія, онъ разомъ выдвигается изъ массы тогдашнихъ князей; съ этихъ поръ и до самой его смерти ни одно сколько-нибудь важное событіе не совершается безъ его участія; вездѣ онъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Посмотримъ на дѣятельность Мстислава, какъ Новгородскаго князя.

---

¹⁾ Ср. Соловьева Ист. Р., II.

В. Бузусуль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ІЮНЬ.

1883.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.
1883.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Гербордова біографія Оттона, епископа Вайбергскаго . . . . . А. Петрова.

Князь Торопецкій Мстиславъ Мстиславичъ. В. Бузескула.

Критика и библіографія:

Разборъ вѣдйскаго мѣза о сокогѣ, принесшемъ двѣтокъ Сомы. Д. Куляковскаго . . . . . В. Миллера.

Путешествіе чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Николая Спаарія въ 1676 году. Дорожный дневникъ Спаарія съ введеніемъ и примѣчаніями Ю. Арсеньева . . . . . Г. Поташина.

Начертаніе церковно-славянскаго грамматики примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. А. Будиловича . . . . . Н. Некрасова.

Psaltirea, publicata româneze la 1577 . . . . . П. Сирку.

Съѣздъ германскихъ филологовъ и педагоговъ въ Карлсруэ въ 1882 году . . . . . И. П.

Императорское Русское Историческое Общество въ 1882 году.

Императорское Одесское Общество исторіи и древностей въ 1882 году.

Съѣздъ преподавателей начальныхъ народныхъ училищъ

К. А. Скачковъ . . . . . Н. Веселовскаго.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки.)

КНЯЗЬ ТОРОПЕЦКІЙ МСТИСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЪ ¹⁾.

II.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣлъ въ Новгородѣ посадникъ, этотъ избранникъ народа, представитель его интересовъ, совѣтникъ князя въ управленіи. Слѣна князя (въ Новгородѣ) обыкновенно вела за собою и слѣну посадника. Тамъ сдѣлалось обычнымъ явленіемъ, что извѣстная боярская фамилія изъ рода въ родъ поддерживала князя того, а не другаго поколѣнія, той, а не другой области. Такъ, родъ Мирошки стоялъ на сторонѣ Всеволода, фамилія Михалки, напротивъ, была ему враждебна. Какъ было упомянуто, послѣ распри Новгородцевъ съ сторонниками Дмитрія Мирошкинича въ посадники избранъ былъ Твердиславъ Михалковичъ ²⁾. Мстиславу, когда онъ сдѣлался Новгородскимъ княземъ, не было никакого расчета смѣнить Твердислава ³⁾, по самому своему происхожденію врага Суздальскихъ князей. Подъ 1211 г. въ Новгородской лѣтописи мы находимъ любопытное извѣстіе: изъ Руси (южной) пришелъ въ Новгородъ Дмитрій Якуничъ ⁴⁾, и Твердиславъ добровольно уступаетъ ему посадничество, какъ старшему ⁵⁾. Намъ не извѣстно, въ чемъ именно заключалось старшинство Дмитрія ⁶⁾; можетъ быть, въ томъ,

¹⁾ *Продолженіе*. См. апрѣльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ *Соловьевъ*, Ист. Р., II, 342.

³⁾ *Соловьевъ*, Ист. Р., II, 342.

⁴⁾ Посадникъ Якуничъ былъ врагомъ суздальской партіи и принужденъ былъ бѣжать въ южную Русь.

⁵⁾ Новг. лѣт. (стр. 31): «... и отступися Твердиславъ съ посадничества по своей воли старшійшу себе...»

⁶⁾ *Сергиевичъ*, Вѣче и кн., 366, прил. 37.

что отецъ его, Якунъ, былъ посадникомъ ¹⁾ прежде Твердиславова отца, Михалки, или въ томъ, что самъ Дмитрій былъ старше Твердислава лѣтами.

Въ нѣкихъ отношеніяхъ къ Владимірскому князю находился Новгородскій архіепископъ Митрофанъ, поставленный Всеволодомъ, какъ мы видѣли, помимо вѣча. Въ Новгородѣ значеніе владыки, прежде епископа, а съ 1168 г. архіепископа, было чрезвычайно велико. Онъ, подобно всему новгородскому духовенству, является здѣсь представителемъ чисто-мѣстныхъ стремленій, защитникомъ исключительно новгородскихъ интересовъ ²⁾. Вѣдѣнію его подлежали не только дѣла церковныя и семейныя, но въ значительной степени и торговля, напримѣръ, повѣрка вѣсовъ. Кроме того, владыка имѣлъ въ Новгородѣ большое политическое значеніе, являясь посредникомъ между партіями и примирителемъ враждующихъ во время смутъ и несогласій, составлявшихъ столь обычное явленіе въ новгородской жизни. Понятно, Мстиславу не могло нравиться ³⁾, что на такомъ вліятельномъ мѣстѣ находится сторонникъ Владимірскаго князя Митрофанъ. И дѣйствительно, вскорѣ послѣдній изгоняется изъ Новгорода, о чемъ лѣтопись передаетъ слѣдующимъ образомъ: „Того же лѣта“ 1211 г. „на зиму, мѣсяца генваря въ 22 ⁴⁾, на святого Климента, злодѣи испрва не хотя добра (то-есть, діаволъ) зависть вѣложи людѣмъ на архіепископа Митрофана съ князьмъ Мстиславомъ, и не даша ему правитися, и ведоша ѿ въ Торопецъ; онъ же то прія съ радостію, яко Іоаннъ Златоустъ и Григоріи Акраганскій“ (Акрагантійскій), „тую же испрія печаль слава Бога“ ⁵⁾. Уже при этомъ случаѣ обнаруживается слабая сторона Мстислава—излишняя довѣрчивость и склонность поддаваться внушеніямъ окружающихъ. Какъ видно изъ словъ лѣтописи, Митрофанъ былъ несправедливо оклеветанъ, и не смотря на то, Мстиславъ, этотъ поборникъ правды, обыкновенно великодушный и справедливый, безъ всякаго суда, не допуская никакихъ оправданій, из-

¹⁾ Нов. лѣт. подъ 1167 г.: «сѣдѣша Новѣгородци безъ князя отъ Смена дни до Велика дни о Якунѣ, ждуче отъ Мстислава» (Изяславича) «князя» (стр. 17).

²⁾ О тѣсной связи Новгородской церкви съ новгородскимъ обществомъ см. *Буллева Разк.* изъ русск. ист., II, 109; *Бестужева-Рюмина*, Р. Ист. 352, 355.

³⁾ *Соловьевъ*, Ист. Р., II, 343; *Костомарова Сѣв.-русск. народопр.*, II, 282.

⁴⁾ *Кунинъ* относитъ это событіе къ 1210 г. (*Учен. зап. Ак. Наукъ по I и III отдѣл.*, т. II, стр. 807).

⁵⁾ Новг. лѣт., стр. 31.

гонять его изъ Новгорода и ссылаютъ въ свой Торонецъ. Еще до этого изгнанія Митрофана пришелъ изъ Царьграда Добриня Ядрешковичъ ¹⁾ и востригся въ ношахъ на Хутинѣ „И волею Божию“, говоритъ лѣтопись, — „възлюбилъ и князь Мстиславъ и вси Новгородци, и послаша и въ Русь ставиться“ ²⁾. Такимъ образомъ, изгнаннаго Митрофана закинулъ Добриня Ядрешковичъ, востававшій въ архіепископскіи подѣ испекши Антонія.

Эпоха княженія Мстислава въ Новгородѣ составляетъ лучшую пору во всей новгородской исторіи. На время затихли здѣсь внутренніи смуты и волненія, разладъ прекратился, и Новгородци, съ своимъ княземъ во главѣ, могли обратить оружіе противъ внѣшнихъ враговъ и принять самое дѣятельное участіе въ событіяхъ, волновавшихъ тогдашнюю Русь.

Мы уже видѣли, какъ Мстиславъ, возвратившись въ Новгородъ послѣ заключенія мира съ Всеволодомъ, старался обезопасить Новгородскую землю не только со стороны Владимірскаго князя, но и со стороны Литвы, какъ далъ онъ Лучаванъ въ князья своего брата, Владиміра Псковскаго. Но вскорѣ Мстиславъ, не ограничиваясь одною охраною новгородскихъ владѣній, приступаетъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, и подобно отцу своему, предпринимаетъ походы на Чудь.

Финны, называвшіеся въ нашихъ лѣтописяхъ Чудью и занимавшіе нѣкогда весь сѣверъ и сѣверо-востокъ внѣшней Россіи, сосѣднили также и съ Новгородскою областью. Лѣтописи наши сохранили извѣстія о столкновеніяхъ Новгородцевъ и Псковичей съ этими иноплеменниками, столкновеніяхъ, иногда, впрочемъ, не переходившихъ въ упорную ожесточенную борьбу. Быстрому и послѣдовательному движенію Русскихъ въ этомъ направленіи, то-есть, къ Финскому заливу и Балтійскому морю, нѣмало смуты и волненія, въ которыхъ проходила жизнь Новгородцевъ. Послѣднимъ нѣкогда было обращать свои силы на внѣшнихъ враговъ: все ихъ вниманіе поглощалось исключительно событіями внутренними. Лишь тогда, когда Новгородъ чувствовалъ себя въ безопасности отъ всякихъ критическихъ на него самостоятельныхъ, когда волненія въ немъ утихали, борьба

¹⁾ Въ Новгород. лѣт. сказано: «... и привезе съ собою Гробъ Господень.» (стр. 31). Кирилликъ замѣчаетъ по этому поводу: развѣ частію его? (Ист. Г. Р., кн. 153).

²⁾ Новгород. лѣт., стр. 31.

партіи смолкала, и все населеніе, хотя не надолго, составляло одно единоподушное цѣлое вокругъ своего князя, тогда только возможны были и дѣйствительно происходили походы ¹⁾ Новгородцевъ на Чудь и на Литву. Такъ было, папримѣръ, при Мстиславѣ Ростиславичѣ; то же повторилось и въ княженіе Мстислава Мстиславича. Въ началѣ XIII в. у устьевъ западной Двины инородцевъ начинаютъ тѣснить враги, которые могли угрожать опасностью и самому Новгороду и Пскову. То были западные рыцари-миссіонеры, огнемъ и мечемъ обращавшіе язычниковъ въ христіанство. Русскіе, казалось, должны были бы понять всю важность этого момента и обратить свои силы на Западъ. Къ несчастію, они, какъ видно, не придавали особеннаго значенія появленію Меченосцевъ; къ тому же внутреннія смуты по прежнему препятствовали распространенію русскаго вліянія на западъ; а тутъ подоспѣлъ и татарскій погромъ.

Походы Новгородцевъ противъ Чуди, съ Мстиславомъ Удалимъ во главѣ, также имѣютъ характеръ не правильной и систематической борьбы, а лишь отдѣльных, незначительныхъ экспедицій, имѣвшихъ цѣлью сборъ дани и добычи. Первый изъ такихъ походовъ Новгородскаго князя лѣтопись относитъ къ 1212 г. ²⁾; она сообщаетъ, что Мстиславъ съ Новгородцами ходилъ на Чудь, называемую Тормой ³⁾, при этомъ многихъ полонилъ и захватилъ безчисленное множество скота; а зимою ⁴⁾ того же года Мстиславъ отправился на Чудскій городъ, Медвѣжью голову ⁵⁾, и опустошивъ села, подступилъ къ самому городу. „И поклонилась“, говоритъ лѣтопись,— „Чудь князю“, который, взявъ съ нея дань, благополучно возвратился съ Новгородцами домой ⁶⁾. Подъ 1214 г. въ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе о

¹⁾ *Соловьевъ* Ист. Р., II, 387.

²⁾ Новг. лѣт., стр. 31—32. *Куникъ*, на основаніи Генриха Латмша, думаетъ, что этотъ походъ происходилъ въ 1210 г. *Уч. зап. Ак. Наукъ по I и III отд.*, т. II, стр. 749.

³⁾ По *Татищеву* Торма—Эстляндія; «Погость Торма есть въ Дерптскомъ уѣздѣ» (Ист. Рос., III, 510, прил. 584). *Карамзинъ*: «Тормою называлась Чудь, обитавшая отъ Дерпта къ сѣверу, гдѣ нынѣ мѣстечко Торма» (Ист. Г. Р., III, прил. 152). См. также *Аризмашева*, Пов. о Росск., I, пр. 1769.

⁴⁾ *Куникъ* считаетъ вѣрнымъ показаніе Генриха Латмша, по словамъ котораго дѣло происходило весною. *Зап. Ак. Наукъ по I и III отд.*, т. II, 749.

⁵⁾ Медвѣжья Голова (Оденне) — недалеко отъ Дерпта. *Поюдина*, Иссл. зав. и лекція, V, 268.

⁶⁾ Новг. лѣт., стр. 31—32.

воинъ походѣ Мстислава на Чудь—на Ереву ¹⁾. Въ этомъ предпріятіи, кромя Новгородцевъ, участвовали и Псковичи съ своимъ княземъ Всеволодомъ Борисовичемъ ²⁾, и братъ Мстислава Удалаго, Давидъ, князь Торонецкій ³⁾. На этотъ разъ Мстиславъ прошелъ чрезъ Чудскую землю къ морю, и разорилъ села, взялъ оскы и вѣрнителей, сталъ воевать городомъ Воробьинымъ (Верхель). Чудь покорилась Новгородскому князю, и послѣдній съ множествомъ воиновъ возвратился обратно, взявъ съ Чуды дань, двѣ части которой онъ далъ Новгородцамъ, а одну—своимъ дворянамъ, то-есть дружинѣ.

Въ 1212 г. умеръ могущественный Всеволодъ Юрьевичъ, могшій, по словамъ „Слова о полку Игоревѣ“, „Волгу веслами раскроить, а Догу шлемами вилить“, тотъ Всеволодъ, о которомъ зналъ и Фридрихъ Барбарусса ⁴⁾; „сего имени токмо тренетаху вся страны“, говорить о немъ лѣтопись ⁵⁾,—„но всей земли нвиде слухъ его...“ Смерть его ясно показала, какъ вѣрными были вліяніе и сила Суздальской области; сила эта держалась, главнымъ образомъ, лишь личностью князя и не имѣла другой, болѣе вѣрной основы, а потому преобладаніе Суздальской земли при Андрѣе и Всеволодѣ еще не было началомъ новаго порядка вещей. Самъ Всеволодъ способствовалъ ослабленію своего княжества, раздѣливъ его между сино-

¹⁾ Новг. лѣт. (стр. 32), Троицк. (стр. 211), гдѣ ви. «Ереву» сказано: «Нереву», Воскр.—на Нерову» (стр. 119). По Карамзину, Ереву—западная часть нын. Фетляндской губ., гдѣ теперь Вейсенштейнъ (И. Г. Р., III, 90, пр. 158).

²⁾ Всеволодъ Борисовичъ, внукъ Романа Смоленскаго, былъ двоюродный племянникъ Мстислава Мстиславича. См. Карамзинъ Ист. Г. Р., III, 89—90, прим. 53, 95 и 156). Въ предмудшемъ году (1213 г.) Псковичи изгнали Владиміра Мстиславича, брата Удалаго (см. Новг. лѣт., стр. 32). О причинѣ этого изгнанія, дружественной связи Владиміра съ Римскими епископомъ, говорить Ливонская хроника. См. Карамзинъ Ист. Г. Р., III, 89 и прим. 156.

³⁾ Которому, какъ видно изъ этихъ словъ лѣтописи, Мстиславъ передалъ свой Торонецкій удѣлъ послѣ того, какъ самъ сдѣлался Новгородскимъ княземъ. Замѣтить, что Новг. лѣтопись говорить: «Тороньдскимъ князь Давидъ, / олоднмръ братъ» (стр. 32). Владиміръ былъ братъ Удалаго, почему же здѣсь сказано только: «Владиміровъ братъ», а не «Мстиславовъ»? Карамзинъ предполагаетъ, что Мстиславъ родился отъ первой супруги Мстислава Храбраго, а Давидъ и Владиміръ отъ второй. Ист. Г. Р., III, пр. 158.

⁴⁾ Ипатьевск. лѣтопись (годъ 1190 г.), сообщая о бѣгствѣ Владиміра Ярославича изъ Глици къ дядю Пѣвскаго императора, говорить: «Царь же увѣдавъ, оже сѣть сестричичъ великому князю Всеволоду Суздальскому, и прия его с любовью и с великою честью» (Лѣт. по Ип. сп., 449).

⁵⁾ Лѣт. по Лавр. си., 415.

вѣями и своимъ завѣщаніемъ посѣявъ между ними недовольство еще при своей жизни: онъ хотѣлъ дать послѣ своей смерти Константину Владиміръ, а Ростовъ—своему второму сыну Юрію. Но старшій сынъ, находившійся тогда въ Ростовѣ, былъ недоволенъ такимъ рѣшеніемъ отца, „хотя взяти“, говоритъ лѣтопись ¹⁾,—„Володимерь къ Ростову“. Въ этомъ видятъ новое проявленіе той вражды, которая существовала между старымъ городомъ Ростовомъ и прежнимъ пригородомъ его Владиміромъ ²⁾. Константинъ (говорятъ обыкновенно), жившій въ старомъ городѣ, окруженный Ростовскими боярами, напитавшись старинными понятіями, не желаетъ оставить Ростова ради новаго города Владиміра, и смотря на послѣдній, какъ на пригородъ перваго, хочетъ нераздѣльно владѣть тѣмъ и другимъ. Словомъ, въ Константинѣ видятъ яркаго представителя старины и прежняго порядка ³⁾. Правда, въ то время, вѣроятно, не утихла еще борьба старыхъ городовъ съ новыми, а въ приведенныхъ словахъ лѣтописи („хотя взяти Володимерь къ Ростову“), дѣйствительно, можно видѣть нѣкоторое указаніе на то, что Константинъ отдавалъ предпочтеніе старому городу передъ новымъ, такъ какъ онъ хочетъ присоединить къ Ростову Владиміръ, а не на оборотъ; но нельзя ли посмотрѣть на поведеніе старшаго Всеволодовича и съ другой точки зрѣнія? ⁴⁾ Дѣло въ томъ, что еслибы Константинъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ лишь въ интересахъ стараго города, то онъ бы могъ удовлетвориться, получивъ, въ качествѣ старшаго сына, старшій городъ, Ростовъ, вмѣсто Владиміра, отданнаго Юрію; а между тѣмъ, когда Всеволодъ, разгнѣванный непослушаніемъ его, соввалъ бояръ, духовенство и „всѣхъ людей“ и завѣщалъ Владиміръ Юрію, „приказавъ ему и братью его“ ⁵⁾, то Константинъ, говоритъ лѣтопись ⁶⁾,—„воздвиге брови своя со гнѣвомъ на братію свою, паче же на Георгія“. Еслибы Константинъ добивался только старшаго города Ростова, то зачѣмъ было бы ему такъ негодовать на Юрія, получившаго младшій городъ? Значить, въ дѣйствительности, онъ

¹⁾ Воскр. лѣт., стр. 117.

²⁾ *Пассекъ*, Блж. и докинж. Русь, 11.

³⁾ *Соловьевъ*, Ист. отн. и. Рус. кн. Рур. дома, 256—257.

⁴⁾ Намъ необходимо уяснить себѣ поведеніе Константина для того, чтобы впоследствии яснѣе опредѣлить роль Мстислава Удалага въ борьбѣ, окончившейся Липецкою битвой, борьбѣ, въ которой онъ является союзникомъ Константина.

⁵⁾ Завѣщаніа *Соловьева* въ Ист. Р., II, 343.

⁶⁾ Воскр. лѣт., стр. 117.

желалъ непремѣнно получить тотъ и другой, стремился, слѣдовательно, скорѣе къ большей силѣ, къ большому слиянію Суздальской земли. Что это именно такъ, то-есть, что старшій Всеволодовичъ заботился не столько о восстановленіи прежняго значенія Ростова, сколько о своемъ собственномъ усиленіи, этому вполнѣнствіи мы видимъ ясное доказательство: когда послѣ Липецкой битвы онъ получилъ возможность распорядиться по своей волѣ, то онъ не только беретъ себѣ Владиміръ, но и сидитъ въ этомъ младшемъ городѣ ¹⁾. а не въ Ростовѣ.

Какъ бы то ни было, но Всеволодово завѣщаніе (которое, повторимъ мимоходомъ, вовсе не составляетъ такого выдающагося, единственнаго въ своемъ родѣ явленія въ ту эпоху ²⁾): еще прежде, напримѣръ, Ярославъ Галицкій по завѣщанію отдаетъ Галичъ своему незаконному сыну, Олегу) должно было повлечь за собою раздоръ между братьями. Такимъ образомъ, рушится миръ, такъ долго царившій въ Суздальской области, и вліяніе послѣдней на остальную Русь ослабѣваетъ; по видимому, и сѣверо-востокъ ожидаетъ участь южной Руси—безконечный рядъ междоусобій и неизбежный упадокъ силъ. Въ этотъ-то моментъ и приобретаетъ особенное значеніе Новгородскій князь Мстиславъ Мстиславичъ. Онъ является распорядителемъ тогдашней Руси; къ нему обращаются всѣ за содѣйствіемъ, и онъ съ своими Новгородцами рѣшаетъ дѣла юга и сѣвера Россіи.

Мы видѣли, какъ Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки въ борьбѣ Рюрика съ Всеволодомъ Чернымъ. Въ 1210 г. Ольговичамъ, при посредничествѣ митрополита, удалось примириться съ Владимірскимъ княземъ ³⁾ Дѣло кончилось тѣмъ, что Кіевъ получилъ Всеволодъ Черный, а Рюрикъ сѣлъ въ Черниговѣ ⁴⁾. Такимъ образомъ, въ эпоху самыхъ неопредѣленныхъ и запутанныхъ отношеній, при утратѣ, казалось, сознанія всякихъ правилъ, торжествуетъ, по видимому, идеальный порядокъ перехода столовъ, равноправіе всего Ярославова по-

¹⁾ Троицк. лѣт. (стр. 215): «Оуде въ Володимѣръ»; въ Воскр.: «посла Константилъ Всеволодичъ по брата своего Георгіа на Городецъ, зова его къ себѣ въ Володимѣръ» (стр. 125).

²⁾ *Сергиевичъ*; Вѣче и кн., 313.

³⁾ «Приде зими годъ» (то-есть 1220 г.) митрополитъ Матвій изъ Кіева отъ Всеволода Святославича, миру дѣла, къ великому князю Всеволоду въ Володимѣръ и миръ взяша, вси бо Ольговичи приелаша съ покореніемъ, видѣвъ же князь великій Всеволодъ покореніе ихъ себѣ, не поману злости ихъ, цѣлова къ нимъ крестъ... Воскр. лѣт., стр. 117; Лѣт. по Лавр. сп., 413.

⁴⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 413; Воскр., стр. 117.

томства, Ольговичей и Мономаховичей¹⁾; но въ дѣйствительности торжество это происходитъ вовсе не въ силу сознанія правъ первыхъ, а вслѣдствіе чисто-случайныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ занимаетъ не послѣднее мѣсто личная воля Владимірскаго князя. Всеволодъ Чермный, получивъ Кіевъ, воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы удалить съ юга потомство Ростислава, владѣвшее тамъ многими городами и по прежнему не лишённое вліянія. Въ 1214 г. (по Новгородской лѣтописи, а по Воскресенской въ 1212 г.)²⁾ онъ изгоняетъ Ростиславовыхъ внуковъ изъ Южной Руси, говоря имъ: „братъевъ моихъ повѣсили³⁾ въ Галичѣ, какъ злодѣевъ, и положили укорь на всѣхъ; нѣтъ же вамъ части въ Русской землѣ“. Тогда Ростиславичи обратились за помощью къ единственному князю, который въ то время могъ быть ихъ защитникомъ и покровителемъ какъ по своему вліянію, такъ и вслѣдствіе родства съ ними, въ своему двоюродному брату, Мстиславу Мстиславичу. Они послали въ Новгородъ сказать ему: „Всеволодъ Святославичъ не даетъ намъ части въ Русской землѣ; пойди, поищемъ своей отчизны“. Родственные связи, жажда дѣятельности, желаніе помочь угнетаемымъ Мономаховымъ потомкамъ, все побуждало Мстислава откликнуться на этотъ

¹⁾ Ср. замѣчанія *Соловьева* *Ист. Р.*, II, 324—5; *Костомарова* *Ист. нов. и искл.*, I, 223.

²⁾ *Думикъ* предполагаетъ, что походъ Мстислава на югъ происходилъ въ концѣ 1212 г. или въ 1213 г. (т. II, 749). По видимому, въ пользу 1212 г., показаннаго Воскресенск. лѣт., говоритъ то обстоятельство, что Всеволодъ изгоняетъ Ростиславичей за казнь своихъ братъевъ, а эта казнь происходила въ 1211 г.; странно было бы, еслибы Всеволодъ только въ 1214 г. началъ обвинять Ростиславичей въ участіи въ событіи, которое произошло назадъ тому уже 3 года; естественное предположить, что онъ это сдѣлалъ вскорѣ послѣ самаго происшествія. Но впервыхъ, на счетъ того, что казнь Игоревичей произошла въ 1211 г., можетъ быть сомнѣніе, такъ какъ этотъ годъ показанъ только въ той же Воскрес. лѣт., а восторыхъ, до 1214 г. Всеволодъ, можетъ быть, не рѣшался изгонять Ростиславичей въ виду неблагопріятствовавшихъ этому обстоятельствъ: напр., тогда еще былъ живъ Рюрикъ. Большинство историковъ (*Карамзинъ*, *Соловьевъ*, *Бестужевъ-Рюминъ* и проч.) принимаетъ 1214 г.

³⁾ Игоричи были повѣшены Галицкими боярами (Воскр. лѣт., стр. 117). По *Карамзину*, «основаніемъ Всеволодовой клеветы было, кажется то, что, внуचितыи братья и союзники внуковъ Ростиславовыхъ, сыновья Ярослава Дуцкаго участвовали въ возведеніи на престолъ Данила, при коемъ случилось сіе злодѣйство въ Галичѣ» (*Ист. Г. Р.*, III, пр. 155). По Новг. лѣт., Всеволодъ говоритъ: «братъ моя есте два князя повѣсили»; по Воскр., стр. 117, Галичане повѣсили «Романа съ братомъ»; по *Ипатьевск.*—Романа, Святослава и Ростислава. Лѣт. по *Ип. сп.*, 486.

зовъ. Онъ собралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и началъ звать Новгородцевъ къ Киеву противъ Всеволода Чернигаго. Новгородцы дали отвѣтъ, лучше всего, казавшій ихъ единодушіе и любовь къ своему князю: „Како, княже, очима возриши ты“, говорили они, „тамо ны главами своими вѣржемъ“. ¹⁾ 8-го іюня ²⁾ Мстиславъ Мстиславичъ съ своими Новгородцами выступилъ въ походъ. На пути къ нему присоединились: Мстиславъ Романовичъ съ своими братьями и Владиміромъ Рюриковичемъ ³⁾, Давидовичи, Константинъ, и Мстиславъ, и Ингваръ Ярославичъ Луцкій ⁴⁾. Во время похода произошло событіе, въ самомъ яркомъ свѣтѣ рисующее, съ одной стороны, все своеволие и непостоянство Новгородцевъ, а съ другой—благородную личность Мстислава Удалаго. У Смоленска между Новгородцами и Смольнянами произошла распря ⁵⁾, при чемъ первые убили одного изъ Смольнянъ и отказались слѣдовать за своимъ княземъ. Мстиславъ началъ звать ихъ на вѣче, но и на вѣче они не пошли, послѣ чего Удалой отправился далѣе, дружески простившись съ ними, „цѣловавъ всѣхъ“, какъ говоритъ лѣтопись ⁶⁾. Забѣчательная черта Мстиславова характера! Здѣсь выразилось все его добродушіе и уваженіе къ правамъ и волѣ народа, какъ бы капризно и своевольно ни выразилась эта воля. Что въ данномъ случаѣ со стороны Мстислава это не было благородною, невольною покорностью силѣ обстоятельствъ, видно какъ изъ дружескаго разставанія его съ Новгородцами, такъ и изъ всѣхъ послѣдующихъ его дѣйствій относительно нихъ: онъ не только

¹⁾ Нов. лѣт., стр. 32. Тамизею приводитъ подробный отвѣтъ Новгородцевъ (Ист. Р., 378).

²⁾ „Мѣсяца іюня на святого Θεодора“. Нов. лѣт., 32.

³⁾ По лѣтописямъ (см. Лѣт. по Лавр. см., 416) Рюрикъ Ростиславичъ умеръ въ Черниговѣ въ 1215 г. Такъ какъ при описаніи этихъ событій о немъ не упоминается ни слова, то есть основаніе предполагать, что онъ умеръ нѣсколько раньше, еще до похода князей противъ Чернигаго. См. Карамзинъ Ист. Р. Р., III, кн. 155, Соловьева, Ист. Р., II, кн. 399, стр. 41; Баллаза, Разк. изъ русск. ист., I, 295.

⁴⁾ Воскр. лѣт., стр. 118.

⁵⁾ Лѣтопись ничего не говоритъ о причинѣ ея. По Тамизею, Мстиславъ Романовичъ, „видѣвъ войско уже въ готовности, хотѣлъ идти напередъ, о чемъ у Новгородцевъ со Смольнянами учинилась распря. Новгородцы нехотѣ у Романовича, яко старѣйшаго князя, быть подъ властію, нивъ, что то противу чести ихъ, не пошли далѣе“, и т. д., согласно съ лѣтописью (Ист. Р., III, 379).

⁶⁾ Новгор. лѣт., стр. 35. Надо замѣтить, прежде „цѣловать“ имѣло другое значеніе, чѣмъ теперь; оно означало пожелать, чтобы былъ здоровъ, то есть, то же, что наше „проститься“ или „привѣтствовать“.

не мстилъ имъ за это непослушаніе, но даже и не поминалъ о немъ. Но уходя князя, Новгородцы, говоритъ лѣтопись, описи „створивъше вѣче о собѣ, почаша гадати“. ¹⁾ „Братья!“ сказалъ имъ тогда посадникъ ²⁾ Твердиславъ, — „какъ страдали дѣды наши и отцы за Русскую землю, такъ, братья, и мы пойдемъ за своимъ княземъ“. Тронутые этимъ воззваніемъ, снова полные единодушнаго желанія слѣдовать всюду за Мстиславомъ, непостоянные Новгородцы отправились изъ Смоленска догонять своего князя. Взявъ на щитъ Рѣчицу, князья начали „восвать“ по Днѣпру Черниговскіе города, изъ которыхъ многіе подверглись участи Рѣчицы, то-есть, были взяты на щитъ. Наконецъ, подъ Вышгородомъ произошла битва, въ которой Мстиславъ съ Новгородцами и братьями своими одержалъ полную побѣду ³⁾, взявъ при этомъ въ плѣнъ двухъ князей Ростислава и Ярополка Ярославичей. Вышгородцы „поклонились“ побѣдителямъ и отворили имъ ворота, послѣ чего Мстиславъ съ своими союзниками быстро двинулся къ Кіеву. Всеволодъ Чернипый, не имѣя возможности противиться, бѣжалъ вмѣстѣ съ братьями за Днѣпръ; при этомъ погибло въ волнахъ Днѣпра ⁴⁾ множество людей, также направившихъ свое бѣгство къ Чернигову. Мстиславъ Мстиславичъ во главѣ князей вступилъ въ Кіевъ, и „Кіевляне поклонились ему“, говоритъ лѣтопись ⁵⁾. Отсюда побѣдители направились къ Чернигову, въ которомъ затворился Глѣбъ, братъ уже въ то время умершаго Всеволода Чернипаго. Началась осада этого города. Простоявъ у Чернигова довольно продолжительное время ⁶⁾, причинивъ много зла окрестностямъ, опустошивъ пожарами села и самый пригородъ, князья заключили миръ съ Ольговичами, поцѣловали крестъ и разошлись по разнымъ областямъ.

¹⁾ Новг. лѣт., стр. 32.

²⁾ Такъ онъ названъ въ Новгор. лѣтописи (стр. 32); но мы видѣли, что Твердиславъ добровольно уступилъ посадничество Дмитрію Якуничу, а потому мы встречаемъ посадникомъ Юрія Инюковича (см. Новг. лѣт., стр. 33). Поэтому, слѣдуетъ предположить, что въ данномъ случаѣ Твердиславъ, какъ это часто бывало, названъ посадникомъ въ смыслѣ стараго, а не степеннаго. *Соловьева* Ист. Р., II, прим. 400, стр. I. II. О старыхъ и степенныхъ посадникахъ см. *Костомарова* Сѣв.-русс. народопр., II, 24, 44, 45, *Бяляева* Разк. изъ русск. ист., II, 159.

³⁾ Новг. лѣт., стр. 32. У *Татищева* находятся нѣкоторыя подробности насчетъ этой борьбы и побѣды Мстислава (Ист. Р., III, 380).

⁴⁾ Воскрес. лѣт., стр. 118.

⁵⁾ Новг. лѣт., стр. 32.

⁶⁾ По Новг. лѣт.—12 дней (стр. 32), а по Воскр.—3 недѣли (см. стр. 118).

Въ Кіевѣ сперва былъ посаженъ Ингварь Луцкій ¹⁾, но потомъ князья, по выраженію лѣтописи, „уравнившись“, дали этотъ городъ Мстиславу Романовичу, а Ингварь отправился въ свой Луцкъ; Мстиславъ же Мстиславичъ, получивъ дары, возвратился съ своими Новгородцами на сѣверъ въ Новгородъ ²⁾.

Такъ защитилъ Мстиславъ притѣсненныхъ Ростиславичей; снова возстановилъ онъ старинное господство въ Кіевѣ Мономахова потомства. Для насъ въ данномъ случаѣ интересно слѣдующее обстоятельство. Если Мстиславъ дѣйствительно истинный представитель старой Руси, возстановитель стараго порядка вещей ³⁾, то странно, что онъ не придаетъ никакой особенной цѣны Кіеву, вовсе не пытается возстановить его прежнее величіе и значеніе въ средѣ русскихъ городовъ: онъ не только самъ не занимаетъ Кіевскаго стола, завѣтной цѣли прежнихъ князей, но сообща съ другими князьями отдаетъ его то Ингварю, то Мстиславу Романовичу. Ингварь, правда, происходитъ отъ Изяслава, старшаго изъ сыновей Мстислава Владиміровича; но трудно допустить, чтобы Удалой и прочіе князья пускались при этомъ въ запутанныя генеалогическія соображенія и родословные счеты; естественнѣе предположить, что здѣсь дѣйствовали тотъ же случай, тѣ же княжескіе счеты, основывавшіеся вовсе не на сознаніи правъ извѣстнаго князя на тотъ или другой столъ, словомъ, то же отсутствіе какого бы то ни было сознательнаго порядка ⁴⁾, какъ и въ другихъ случаяхъ этого времени, когда неопредѣленность и запутанность княжескихъ отношеній дошла высшей степени, такъ что даже при всемъ желаніи не было возможности возстановить чередованіе князей на Кіевскомъ столѣ по прежнимъ правиламъ. Притомъ, Ингварь недолго сидѣлъ въ Кіевѣ: вскорѣ его замѣнилъ Мстиславъ Романовичъ. Эта скорая смѣна, это колебаніе лучше всего говоритъ въ пользу нашего предположенія. Въ разсматриваемомъ событіи ясно обнаружился упадокъ Кіева; видно также, что Мстиславъ Мстиславичъ далеко не былъ такимъ рьянымъ *возстановителемъ* старинны, какъ имъ его часто считаютъ; напротивъ, на него могущественно дѣйствовали зачатки новаго порядка вещей и вообще понятія, господ-

¹⁾ Такъ въ Воскрес. (стр. 118); въ Новгородск. же лѣтописи говорится только о Мстиславѣ Ростиславичѣ: „и посадиша Кіевъ Мстислава Романовича, влугу Р. Мстиславъ“ (стр. 32).

²⁾ Новг. лѣт., стр. 32.

³⁾ Соловьевъ, Костомаровъ.

⁴⁾ Ср. Костомаровъ Ист. мон. и Изяс., I, 223.

ствовавшія въ средѣ его современниковъ, въ своихъ отношеніяхъ не руководившихся идеальнымъ представленіемъ о старшинствѣ. Даже то обстоятельство, что Кіевъ перешелъ въ руки Ольговичей, долго не вызвало вмѣшательства Мстислава въ дѣла южной Руси для восстановления въ Кіевѣ господства Мономахова рода; лишь злоупотребленія Чермного своею властью и зовъ Ростиславичей о помощи заставили Мстислава вмѣшаться. Онъ считалъ своимъ долгомъ защитить Ростиславичей, а кому изъ Мономаховичей достанется затѣмъ Кіевъ,— этому, по видимому, онъ не придавалъ особеннаго значенія.

По возвращеніи своемъ изъ южной Руси, Мстиславъ недолго оставался въ Новгородѣ. Новгородская лѣтопись передаетъ, что уже въ слѣдующемъ 1215 г. Мстиславъ пошелъ „по своей волѣ“ въ Кіевъ. Уходя изъ Новгорода, Удалой созвалъ вѣче на Ярославомъ дворѣ и обратился къ Новгородцамъ съ такими словами: „есть дѣла у меня въ Руси, а вы вольни въ князьяхъ“ ¹⁾. Живой, дѣятельный характеръ Мстислава постоянно побуждалъ его къ новымъ предпріятіямъ; Удалому не сидѣлось долго на одномъ мѣстѣ, и онъ искалъ все новаго поприща для своей дѣятельности ²⁾. Къ тому же, по своимъ стремленіямъ Мстиславъ принадлежалъ вовсе не къ типу тѣхъ князей, которые старались обособиться въ своихъ удѣлахъ, заботясь лишь о послѣднихъ: для Удалого отчиной была вся Русь; всѣ русскія области были для него одинаковы; онъ готовъ былъ помогать и Кіевлянамъ, и Галичанамъ такъ же, какъ и Новгородцамъ. Ко всему этому нужно прибавить не совсѣмъ выгодное положеніе каждаго Новгородскаго князя. При Мстиславѣ въ Новгородѣ, по видимому, господствовало полное единодушіе и взаимное довѣріе между княземъ и народомъ. Но несомнѣнно, что въ дѣйствительности была противная партія ³⁾ и у Мстислава, не смотря на его блестящія подвиги и защиту Новгорода, на его открытый и благородный характеръ, привлекавшій къ нему общую симпатію, не смотря даже на его уваженіе къ волѣ и правамъ народа. Такое явленіе вытекало изъ самаго хода исторіи Новгорода и изъ строя

¹⁾ Новг. лѣт. «Понде князь Мстиславъ по своимъ воли Кіеву, и створи вѣче на Ярославя дворѣ, и рече Новгородцемъ: суть ми орудія въ Руси, а вы вольни въ князьяхъ» (стр. 32). Въ Воскр. (стр. 119) и Никон. лѣт. (II, 317—318) при этомъ говорится, что Мстиславъ пошелъ просить Галичь у короля, оставивъ въ Новгородѣ жену свою и сына. Объ этомъ см. ниже.

²⁾ Костомаровъ. Сѣв.-русс. народопр., I, 83.

³⁾ Соловьевъ. Ист. Р., II, 348—349.

его жизни. Не говоря уже о восточномъ, часто подавлявшем восторженныя внѣшнія характеры Новгородцевъ (что высказалось, напримѣръ, во время Мстиславова похода въ южную Русь и что вообще присуще намъ), въ Новгородѣ постоянно существовали и боролись между собою враждебныя партіи. Мы уже видѣли, какою поддержкой пользовался Всеволодъ Юрьевичъ среди самихъ же Новгородцевъ, преимущественно среди бояръ, торговые интересы которыхъ требовали во что бы то ни стало дружественной связи съ Суздальскою землею. Притѣсненія Всеволода, любовь къ свободѣ, горныя негодованія и воодушевленія на время доставляли громадный перевѣсъ другой партіи, враждебной Владимірскому князю и состоявшей, какъ можно думать, преимущественно изъ простаго народа ¹⁾. Съ появленіемъ Мстислава Мстиславича Суздальская партія должна была совершенно замолчать; наступилъ періодъ энтузіазма и полнаго, но видному, единодушія. Но уже въ то время можно было предвидѣть, что партія, получившая перевѣсъ, будетъ теперь, въ свою очередь, притѣснять своихъ противниковъ и выместить на нихъ свою злобу; это показало и изгнаніе владыки Митрофана ²⁾. Конечно, такое злоупотребленіе своимъ вліяніемъ должно было рано или поздно вызвать отпоръ со стороны притѣсняемыхъ, а между тѣмъ воодушевленіе начало утихать, жизнь вошла въ свою обычную колею, торговые интересы опять взяли верхъ надъ всѣми остальными, побуждая забыть о притѣсненіяхъ Суздальскихъ князей, тѣмъ болѣе, что теперь уже не было въ живыхъ могущественнаго Всеволода, а отъ его сыновей Новгородцы могли ожидать большей снисходительности и уступчивости, большаго уваженія къ своей вольности. Прибавимъ къ этому личное соперничество боярскихъ родовъ, борьбу за посадничество и т. под., и мы поймемъ, что положеніе Мстислава, если даже онъ и находилъ себѣ опору въ простомъ народѣ, все-таки было затруднительно и что у него, по всей вѣроятности, была враждебная партія. Эти Мстиславовы враги, по вѣроятному предположенію Соловьева, могли усилиться, воспользовавшись отсутствіемъ Удалаго, когда онъ ходилъ противъ Чернаго; къ нимъ, вѣроятно, принадлежалъ и тогдашній посадникъ, Юрій Ивановичъ ³⁾. Если мы примемъ все это во вниманіе, то тогда для насъ будетъ понятно, между прочимъ, и извѣстіе Лаврентьевской лѣтописи, которая, во-

¹⁾ Соловьевъ Ист. Р., II, 348—349.

²⁾ Соловьевъ Ист. Р., II, 348—9.

преки Новгородскому лѣтописцу, прямо говорить, что Новгородцы выгнали Мстислава ¹⁾. Не принимая буквально этого извѣстія, какъ совершенно противорѣчащаго словамъ Новгородской лѣтописи, мы можемъ предположить, что Мстиславъ ушелъ изъ Новгорода тамъ; но къ этому его побудило недовольство среди Новгородцевъ, преимущественно среди богатыхъ. Съ этимъ вполне согласны извѣстія Никоновской лѣтописи и Татищева ²⁾. Такими причинами можемъ мы объяснить себѣ удаленіе Мстислава изъ Новгорода. Если же принять, что къ этому времени относится и посольство Лешка къ Удалому съ приглашеніемъ занять Галичъ ³⁾, какъ думаетъ большинство новѣйшихъ изслѣдователей, то тогда намъ еще понятнѣе будетъ, почему Мстиславъ рѣшился оставить Новгородъ: въ послѣднемъ случаѣ къ этому его должно было побуждать, кромѣ всего сказаннаго, и желаніе вырвать русскую область изъ рукъ иноплеменниковъ, Угровъ, въ то время владѣвшихъ Галичемъ.

Куда же ушелъ Мстиславъ? Сначала, безъ сомнѣнія, онъ удался на югъ, въ Приднѣпровье; вопросъ только въ томъ, что призывало его туда, чѣмъ занять былъ онъ тамъ? Определенно отвѣтить на это довольно трудно. Въ прежнее время думали, что Удалой отправился въ южную Русь исключительно для устройства дѣлъ въ Киевской области, для поддержки своихъ родныхъ; новѣйшіе же историки говорятъ, что Мстиславъ удался на югъ для приготовленія къ походу на Галичъ, который, по ихъ словамъ, и произошелъ именно теперь, то-есть, еще до Липецкой битвы ⁴⁾, между тѣмъ

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сн., стр. 417: «Того желята (1216 г.) Новгородци *выгнаша* отъ себе Мстислава Мстиславича, а Ярослава Всеволодича *приведоша* къ собѣ на столъ».

²⁾ Никоновская лѣтопись, говоритъ слѣдующее: «Того же лѣта (1215 г.), Новгородцы по старому своему обычаю начаша вече творити тайно, хотяше господина князя своего отъ себе изгнати на Поиа города Мстислава Мстиславича, и о семъ много вече творяше; бѣ бо князь Мстиславъ Мстиславичъ zelo смеленъ и мужественъ, и во опасеніи великомъ живяше, и сего ради не возмогоша его Новгородцы *векоре* изгнати. Онже слышавъ сия о себе отъ Новгородцевъ, яко хотяхъ его изгнати, и начахъ гнѣву лѣсто давати, и иде хъ королю во Угры, прося себѣ у него Галича, а княгиню свою и сына остави въ Новѣ городѣ»... (II, 318). Татищевъ говоритъ согласно съ этимъ (Ист. Р., III, 382—3).

³⁾ Это, впрочемъ, представляется мало вѣроятнымъ. См. замѣтку мою «О занятіи Галича Мстиславомъ Удалымъ» въ *Журн. Мин. Нар. Прос.*, Мартъ 1881 г.

⁴⁾ *Соловьева* (Ист. Р., II, 369, 370); *Костомарова* (Русск. ист. въ жизнеоп. 103); *Биллега* (Разк. изъ Рус. ист., I 303).

какъ, по мнѣнію первыхъ, событіе это совершилось уже послѣ того, какъ Мстиславъ вторично (въ 1218 г.) оставилъ Новгородскій столъ ¹⁾. Такимъ образомъ, вопросъ состоитъ въ томъ: къ какому времени относится первое занятіе Галича Мстиславомъ: произошло ли оно до Липецкой битвы, или послѣ нея? Какое изъ этихъ мнѣній вѣрнѣе — сказать, нелегко ²⁾; но какъ бы то ни было, а отсутствіе Мстислава изъ Новгорода было непродолжительно: не прошло и года, какъ событія опять вызвали его на сѣверъ, и онъ снова является тѣмъ же защитникомъ и спасителемъ Новгорода, борцомъ за Новгородскую вольность, какъ и въ 1210 г.

Событія въ Новгородѣ по удаленіи Мстислава показываютъ ясно, что это удаленіе было въ значительной степени дѣломъ Суздальской партіи и торжествомъ для нея ³⁾, что тамъ произошла реакція въ пользу Суздальскихъ князей, и торговые интересы снова получили преобладающее значеніе. Прежде всего это доказываетъ самый выборъ князей: по уходѣ Удалаго Новгородцы, послѣ долгихъ преній, „много гадавшѣ“, какъ говоритъ лѣтопись ⁴⁾, — послали за Ярославомъ ⁵⁾, сыномъ того Всеволода, который такъ попираетъ ихъ свободу. При этомъ составъ посольства, отправленного ими за новымъ княземъ, въ свою очередь, служитъ доказательствомъ, что въ данномъ случаѣ перевѣсъ взяли преимущественно богатые Новгородцы и что дѣло шло, главнымъ образомъ, о торговыхъ выгодахъ ⁶⁾; по словамъ лѣтописи, за Ярославомъ Всеволодовичемъ посланы были посадникъ Юрій Ивановичъ ⁷⁾, тысяцкій Якунь и 10 старѣйшихъ мужей изъ купцовъ. Ярославъ согласился занять Новгородскій столъ и при входѣ въ городъ встрѣченъ былъ архіепископомъ Ан-

¹⁾ Карамзина (Ист. Г. Р., III, пр. 189 и 190), Полевая, Погодина (Ист., зам. и лекціи, V, 228), Зубрицкая (Ист. древн. Гал-Русск. кн. I, 66, 67).

²⁾ См. объ этомъ замѣтку въ Журн. Мин. Нар. Прос., Мартъ 1881 г.,

³⁾ Соловьева Ист. Р., II, 349.

⁴⁾ Новг. лѣт., стр. 32.

⁵⁾ Никон. лѣт. говоритъ, что по уходѣ Мстислава Новгородцы... *возрадовашеся избытисе князя своего*, и послаша Юрья Ивановича в Володимерь к великому князю Юрью Всеволодичю, и в Переславль, еже на Кляцнине озере, зовуще к себѣ в Новгородъ князя Ярослава Всеволодича, и о семъ моляшеся князю великому Юрью Всеволодичю, дабы брата своего Ярослава понудилъ к нимъ итти в Новгородъ на княжение... (II, 318).

⁶⁾ Достомарова Сѣв.-русск. народопр., I, 93—4.

⁷⁾ Это можетъ служить некоторымъ доказательствомъ того, что Юрій былъ въ числѣ недоброжелателей Мстислава.

тоніемъ и Новгородцами. Но согласіе между новымъ княземъ и народомъ продолжалось недолго. Теперь для Суздальской партіи настала очередь угнетать противниковъ и, злоупотребляя своимъ торжествомъ и преобладающимъ значеніемъ, отмстить за недавнія обиды. Самъ князь подалъ имъ въ этомъ примѣръ. Такъ, онъ схватилъ Якуна Зуболомича ¹⁾ и ново-торжскаго посадника, Оому Доброшинича, заковалъ ихъ въ цѣпи и сослалъ въ Тверь. Этимъ князь не ограничился. „По грѣхамъ нашимъ“, говоритъ лѣтопись ²⁾,—Теодоръ Лазутиничъ и Иворъ Ново-Торжичъ (житель Новаго Торга) оклеветали тысяцкаго, Якуна Намнѣжича. Ярославъ созвалъ вѣче, на которомъ, какъ видно, взяли перевѣсъ приверженцы князя: дворъ Якуна былъ разграбленъ, жена схвачена, а когда на слѣдующій день (21-го мая) Якунъ виѣстъ съ посадникомъ явился къ Ярославу, то послѣдній приказалъ взять и его сына, Христофора. Но если князь злоупотреблялъ такъ своею властью, позволяя себѣ насилие и самоуправство, то и партія недовольныхъ считала себя въ правѣ самовольно расправляться съ своими противниками. Лѣтопись передаетъ, что жители Прусской ³⁾ улицы убили извѣстнаго уже намъ приверженца Суздальскихъ князей, Овстрата ⁴⁾ (изгнаннаго во время новгородскихъ волненій 1209 г.) и сына его Луготу, а трупы ихъ бросили въ ровъ. Раздраженный этою расправой, Ярославъ ушелъ въ Торжокъ ⁵⁾, взявъ съ собою многихъ бояръ ⁶⁾. Чтобы склонить этихъ

¹⁾ Никон. лѣт. ошибочно говоритъ: «посадника Янина Зубца» (II, 319). Извѣстно, что въ то время посадникомъ былъ Юрій Ивановичъ.

²⁾ Новг. лѣт., стр. 33.

³⁾ Въ Новг. лѣт. (стр. 33) «Прусн». Эта улица находилась въ *Затородномъ* концѣ.

⁴⁾ Такъ въ Новг. лѣт. (стр. 33); Никон. называетъ его Астраномъ, а сына его—Леонтіемъ (II, 318).

⁵⁾ Такъ передаетъ Новг. лѣт. (стр. 33). Иначе говорятъ Воскр. лѣт., выставляя, вопреки другимъ источникамъ, причиной Новгородскихъ волненій и ухода Ярослава въ Торжокъ приближеніе Мстислава къ Новгороду. Слѣдствіемъ послѣдовательности событій, она то, что было слѣдствіемъ, ставитъ причиной. «Тоя же зямы Мстиславъ Мстиславичъ поиде изъ Руси къ Новгороду Великому на Ярослава Всеволодича, зятя своего, и полъ съ собою Володимера Рюриковича изъ Переяслава, а изъ Кіева Мстиславъ Романовичъ посла сына своего Всеволода; и собравшася вси во градъ Смоленскъ. *Новгородци же слышаше, яко Мстиславъ стоить собравъ во Смоленскъ, возматюшася, начюша егъе дѣлати. Ярославъ же осмотрѣвъ то, яко не твердо ему хощеть быти сидѣти, и выиде изъ граде и поиди въ Торжокъ»* (стр. 119—20). Татищевъ выставляетъ событія въ другомъ свѣтѣ и, видимо, перепуталъ весь ходъ дѣла: по его словамъ, Яро-

бояръ на свою сторону, онъ ихъ одарилъ и послалъ обратно въ Новгородъ, по видимому, желая тамъ усилить свою партію, а самъ остался въ Торжкѣ.

Ярославовы предки возвысили пригородъ Владиміръ надъ старыми городами, Ростовомъ и Суздальемъ; есть основаніе думать, что и Ярославъ, по примѣру ихъ, занялъ Торжокъ не только для того, чтобы, пользуясь выгоднымъ положеніемъ этого города, смирить Новгородцевъ, но и съ тѣмъ, чтобъ утвердить здѣсь столъ, возвысить этотъ пригородъ надъ самимъ Великимъ Новгородомъ ⁷⁾. При томъ, даже и временное занятіе Торжка ставило Новгородцевъ въ критическое положеніе. Мы не разъ упоминали, въ какой зависимости находился Новгородъ отъ Суздальской земли, какъ не могъ онъ существовать безъ подвоза хлѣба съ этой стороны, какъ поневолѣ долженъ былъ смиряться предъ своимъ сосѣдомъ; ключемъ же къ Новгородской области и пунктомъ, лежавшимъ на томъ пути, которымъ велась хлѣбная торговля, былъ именно Торжокъ ⁸⁾. Во власти владѣвшаго Торжкомъ было допустить или отрѣзать подвозъ сѣбствныхъ припасовъ къ Новгороду. „Изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ мѣстъ замѣтно, что Торжокъ, еще прежде, возвышаясь, сталъ уже соперничать съ Великимъ Новгородомъ“, говоритъ г. Костомаровъ.— „Эта новгородская колонія возникла съ торговыми цѣлями, какъ показываетъ ея названіе, Новый Торгъ. Счастливое положеніе сдѣлало его посредствующимъ мѣстомъ торговаго обращенія Новгорода съ восточною Русью. По мѣрѣ того, какъ новгородская торговля находила себѣ пути на юго-востокъ,

---

славъ, *«озлобля»* на Новгородцевъ за Якуна, поималъ посадничья сына Христофора; Новгородцы послали къ Ярославу просить, чтобы Якуна, «яко смутителя, ивъ отдалъ, а Новгородцевъ и посадничья сына освободилъ... Но онъ, яко великии былъ высокомысленъ, не послушалъ, а Новгородцы поимавъ главнаго Ярославля советника Стряпа и сына его Леона и обрезавъ носъ и губы, бросили въ раку». Тогда Ярославъ ушелъ въ Торжекъ (Ист. Р., III, 383).

⁶⁾ Новг. лѣт. (стр. 33): «поиши съ собою Тьердислана, Михалковича, Микифора, Полюда, Сбыслава, Смена, Ольксу и много бояръ». Можно думать, что Ярославъ ввзялъ съ собою преимущественно враждебныхъ ему бояръ; по крайней мѣрѣ, на это можетъ служить указаніемъ то, что въ числѣ ихъ находился Тьердиславъ, извѣстный недоброжелатель Суздальскихъ князей.

⁷⁾ На это указываютъ слова Мстислава Удалого: «да не будетъ Новыи Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тържкомъ» (См. Новг. лѣт., 33), особенно въ томъ видѣ, какъ ихъ приводитъ *Воскр.* лѣт.: «да не будетъ Новыи Торгъ надъ Новымъ городомъ, ни Новгородъ подъ Торжкомъ» (стр. 120). См. замѣчанія *Соловьева* (Ист. Р., II, 349); *Костомарова* (Русск. ист. въ жизнеоп., 104).

⁸⁾ *Костомарова* Русск. ист. въ жизнеоп., 103.

Торжокъ богатѣлъ. Многіе изъ новгородскихъ торговцевъ, побуждаемые выгодами, переселились туда; мало-по-малу образовались тамъ самобытные интересы, отличные отъ Новгородскихъ, и потому, по мѣрѣ того, какъ Торжокъ возвышался, зависимость отъ Новгорода становилась ему затруднительною. Она на него навлекла и вѣшнія опасности. Торжокъ стоялъ на границѣ Новгородской земли и долженъ былъ испытывать всякаго рода мщеніе, приготовленное извѣстному Великому Новгороду. За природными средствами обороны до Новгорода самого добраться было трудно, до Новаго Торга—легко, и Новый Торгъ расплачивался за Новгородъ. Такъ Всеволодъ въ 1181 году, вражду съ Новгородомъ, взявъ Новый Торгъ и разорилъ. Князья Новгородскіе, будучи крестурями Суздальскихъ князей, не поладивъ съ Новгородомъ, пользовались положеніемъ Новаго Торга, уходили туда и тамъ находили себѣ опору, чтобъ оттуда вредить Новгороду. Такъ Ярославъ Владиміровичъ поступилъ въ 1196 г. Такъ и теперь поступалъ Ярославъ Всеволодовичъ. Выгоды быть съ Суздальскою землею въ мирѣ и невыгоды, неизбежныя при ссорѣ съ нею, располагали Новоторжцевъ принимать сторону князя, неполадившаго съ Новгородомъ, коль скоро этотъ князь находился подъ покровительствомъ князей Суздальской земли. Черезъ Торжокъ лежала большая торговая дорога. Князь, утвердившись въ Торжкѣ, овладѣвалъ ею и пресѣкалъ торговое сообщеніе съ Новгородомъ. Самъ Торжокъ, какъ и всѣ пригороды, находясь подъ властію Великаго Новгорода, составлялъ по себѣ средоточіе области, которая тянула непосредственно къ нему, и такимъ образомъ, князь, сидя въ Новомъ Торгѣ, дѣлался владѣтелемъ всей Новоторжской области, а господствуя надъ нею, отнималъ у Новгорода значительную часть его владѣній. Кромѣ того, въ такихъ обстоятельствахъ, князь имѣлъ еще и ту выгоду, что Новоторжская область граничила съ краемъ, которымъ правили Суздальскіе князья. Князь, сидя въ Новомъ Торгѣ, могъ свободно получать свѣжія военныя силы для непріязненныхъ дѣйствій противъ Новгорода^{*)}.

Понятно поэтому, въ какомъ тяжеломъ и безвыходномъ положеніи очутился Новгородъ, когда Ярославъ, оставя его, засѣлъ въ Торжкѣ; а къ этому присоединилось и другое обстоятельство, содѣйствовавшее какъ нельзя болѣе видамъ Ярослава Всеволодовича: Новгородская область вообще не отличалась плодородіемъ, а вдобавокъ въ описы-

*) Костомарова Сѣв.-русск. народопр., I, 85—6.

васишъ нами годъ морозъ побилъ „обилье“, то-есть, хлѣбъ, но валости, между тѣмъ какъ въ окрестностяхъ Торжка все было кѣло ¹⁾. Ярославъ не замедлилъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ: онъ задержалъ хлѣбъ ²⁾ въ Торжкѣ, не пустивъ въ Новгородъ ни вѣса. Новгородцамъ оставалось одно средство спасти отъ грозившаго голода—обратиться къ ушедшему отъ нихъ князю и просить его, чтобы онъ возвратился въ Новгородъ. Такъ они и сдѣлали ³⁾. Но Ярославъ, не давъ отвѣта, задержалъ у себя новгородскихъ посланцевъ. Между тѣмъ въ Новгородѣ царилъ страшное бѣдствіе; начался голодъ и дороговизна съѣстныхъ припасовъ: кады ⁴⁾ ржи, по свидѣтельству лѣтописца, стоила 10 гривенъ, овса—3 гривны, возъ рѣши продавался за 2 гривны; кѣли сосновую кору, липовъ листь и мохъ. „О горе было тогда, братія!“ восклицаетъ лѣтописецъ;—„за хлѣбъ родители отдавали въ рабство дѣтей своихъ!“ ⁵⁾. Явилось и неминуемое слѣдствіе такого голода—небывалая смертность. Устроили скудельницу ⁶⁾, но и она вскорѣ была полна; по торгу, по улицамъ, по полямъ,—вездѣ валялись труны; вси не въ состояніи уже были пожирать ихъ. Особенная смертность свирѣствовала между Вожаками (то-есть, жителями Водской пятини); оставшіеся изъ нихъ въ живыхъ разбѣжались. „И такъ“, говоритъ лѣтописецъ, „но грѣхамъ нашимъ, разъядесе власть наша и градъ нашъ“ ⁷⁾. Новгородцы „оставякъ живыхъ“ ⁸⁾, снова посылають къ Ярославу мужей своихъ, и Степана Твердиславича, которыхъ постигаетъ та же участь, что и первыхъ посланцевъ: они были задержаны княземъ. Ярославъ мало того, что самъ не пошелъ

¹⁾ Новг. лѣт., стр. 33.

²⁾ Въ Новг. лѣт. (стр. 33) сказано: «връшь», то-есть, жито (*Леранская Ист. Г. Р.*, III, прим. 161).

³⁾ «И послаша по князя Смена Борисовица, Вячеслава Кликтица, Зубца Ягуна...» (см. Новг. лѣт., стр. 33).

⁴⁾ «Кады, или бочва или оковъ содержали въ себѣ 4 четверти». *Леранская Ист. Г. Р.*, III, стр. 8.

⁵⁾ Въ Новг. лѣт. (стр. 33): «дѣти свои дахуть одрень», т.-е. въ рабство (въ Новгородѣ холопомъ назывались одерновскими людьми, и самый агтъ, по которому господику владѣлъ холопомъ, носитъ названіе одерновской гранаты. См. объ этомъ *Костомарова Слав.-русска. народопр.*, II, 33); въ Никои. въ параллельной вѣстѣ: «и дѣти свои даху в рабство из хлѣба» (II, 319).

⁶⁾ Домъ, гдѣ складывались мертвые тѣла. См. *Вестужева-Рюмина: «Р. Ист.»*, 321.

⁷⁾ Новг. лѣт., стр. 33.

⁸⁾ Новг. лѣт., стр. 33.

въ Новгородъ, но даже послалъ туда Ивора и Чапоноса ¹⁾ за своею женой, дочерью Мстислава Мстиславича, чтобы привести и ее къ себѣ. Наконецъ, Новгородцы отправили къ Ярославу Мануила Ягольевича „съ послѣднею рѣчью“ „пойди въ свою отчину“, говорили они князю, „къ Св. Софіи; а не идешь, такъ повѣдай намъ ²⁾“. Въмѣсто отвѣта, Ярославъ задержалъ не только этого посла, но и всѣхъ Новгородскихъ гостей.

Гибель, казалось, ожидала Новгородъ. Но въ эту тяжелую для него минуту, когда весь городъ погруженъ былъ въ воли и печаль ³⁾, его избавителемъ является все тотъ же Мстиславъ Удамой, бывший добрымъ гениемъ для Новгорода. „Почувалъ зло то Мстиславъ ⁴⁾“, говоритъ лѣтопись,—и вотъ въѣзжаетъ онъ въ Новгородъ (11 февраля 1216 г.), схватываетъ намѣстника Ярослава, Хота Григорьевича, и Ярославовыхъ дворянъ (то-есть дружину), заковываетъ ихъ въ цѣпи, выѣзжаетъ затѣмъ на Ярославовъ дворъ и цѣлуетъ крестъ къ Новгородцамъ, а тѣ къ нему, „яко съ нимъ въ животь и въ смерть ⁵⁾“. „Либо изыщу мужей Новгородскихъ и волости“, говоритъ Мстиславъ, „либо голову сложу за Новгородъ! ⁶⁾“.

¹⁾ Такъ въ Новгор. лѣт. (стр. 33), а въ Воскр.: «Ивора Чапоноса» (стр. 120).

²⁾ Новг. лѣт., стр. 33.

³⁾ Новг. лѣт., стр. 33.

⁴⁾ Новг. лѣт., стр. 33. Въ Никои. сказано, будто сами Новгородцы, рассказавши последи къ Мстиславу: «И оскорбившаея убо Новгородцы о семъ, и восплакаша, и сотвориша вече, и бысть мова и клячь велиі в вече и нача плакати и скорбѣти о князе своемъ Мстиславе Мстиславиче, поминающе его любовь и мужество и побѣды на враги. *И здумавше послаша пословъ своихъ к нему, дабы не помянулъ безумия ихъ, и отдалъ бы вся злобы ихъ, и пошелъ к нимъ въ Новгородъ княжити*; онъ же послушавъ приде к нимъ в Новгородъ... и изыма Хохота Григорьевича намѣстника князя Ярослава Всеволодича, и *другаю ею всемоужу Икова Станиславича*» (этой послѣдней фразы въ Новг. лѣт. нѣтъ), «и всѣхъ дворянъ его, и всѣхъ людей его, іже остались в Новгородѣ, и оковы желѣзными связа, и в темницы посажа. И возлюбиха и Новгородцы, и соединяшася с нимъ во единомыслиі и аще смерть, и аще животь, всѣмъ во единствѣ быти» (II, 319—20). *Татищевъ*, говоря въ общихъ чертахъ согласно съ этимъ, передаетъ, что Новгородцы отправили пословъ въ Торопецъ, прося Мстислава, «чтобъ вину ихъ отпустилъ, и принялъ пакы княжоніе. Мстиславъ долго отговаривался, выговаривая имъ ихъ безпутства, невѣрности и коварства; но по многомъ со слезами прошеніи и тяжкой ротѣ, склоняся пошелъ въ Новградъ, а въ Смоленскъ остался Владимиръ Рюриковичъ, въ Торопецъ братъ Мстиславовъ Всеволодъ» (Ист. Р., III, 384).

⁵⁾ Новг. лѣт., стр. 33.

⁶⁾ Новг. лѣт., стр. 33.

Узнавъ о происходившемъ въ Новгородѣ, Ярославъ укрѣнился со стороны этого города, подѣлавъ засѣки по всѣмъ дорогамъ и по рѣкѣ Тверци, а въ Новгородъ отправилъ 100 Новгородскихъ мужей „проказывать оттуда Мстислава“, по выраженію лѣтописи ¹⁾. Но это не удалось: посланные Ярославомъ мужи не только не исполнили даннаго имъ порученія, но и примкнули къ прочимъ Новгородцамъ, которые, казалось, всѣ единодушно стояли за своего князя Мстислава.

Мы уже нигдѣ не случаенъ замѣтитъ, что Удалой не стремился во что бы то ни стало къ бою; напротивъ, избѣгая кровопролитія и междоусобій, онъ обыкновенно сначала пытался уладить дѣло мирнымъ путемъ. Такъ и на этотъ разъ: виѣсть съ Новгородцами онъ посылаетъ въ Торжокъ къ Ярославу священника Юрія ²⁾ и мужей своихъ, поручая передать своему зятю: „снѣчь мой, кланяюсь тебѣ! Мужей моихъ и гостей отпусти, а самъ изъ Торжка пойдѣ, со мною же любовь возьми ³⁾“. Но князь Ярославъ, по словамъ лѣтописи, „того не улюбивъ“, пона отпустилъ безъ мира и въ довершеніе всего, созвавъ ⁴⁾ Новгородскихъ мужей и гостей, числомъ болѣе 2000 ⁵⁾, за Торжокъ въ поле, заковалъ всѣхъ ихъ въ цѣпи и разслалъ по своимъ городамъ, а ихъ товары и лошадей пораздавалъ своимъ приверженцамъ. Вѣсть объ этомъ пришла въ Новгородъ, а между тѣмъ въ немъ и народу осталось уже мало: вѣтшіе мужи томилась въ неволѣ у Ярослава, а изъ меньшихъ одни разбѣжались, другіе умерли съ голоду. Но удалой Мстиславъ не палъ духомъ; созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и обратился къ Новгородцамъ съ воззваніемъ: „Пойдемъ“, говорилъ онъ, „поищемъ мужей своихъ, вашей братьи, и во-

¹⁾ Новг. лѣт., стр. 33.

²⁾ «Попа Георга святого Іоанна на Търговищи», то-есть, церква св. Іоанна, бывшей на Торговищѣ. Новг. лѣт., стр. 33.

³⁾ То-есть, «помирись, заключи миръ». Въ Воскр.: «и нача Мстиславъ посылати къ Ярославу на Торжкѣ, глаголя: «пойди изъ Торжкѣ во свою волость, ненадобна тебѣ волость Новгородская»; мнози же ему посылашу къ нему, а онъ на томъ не брешаше, но рече сице: «яко же тебѣ ся отчина, такъ и мнѣ (стр. 120)». Въ Воскр. лѣт. это находится уже послѣ знаменитыхъ словъ Мстислава: «Пойдемъ, поищемъ мужей своихъ» и т. д.

⁴⁾ «Въ несопустную субботу». Новг. лѣт., стр. 33.

⁵⁾ Новг. лѣт., стр. 33. То же число и въ Соеійск. лѣт. (Полн. собр. рус. лѣт., V, стр. 170), гдѣ это событіе ошибочно (можетъ быть, вследствие опечатки) отнесено къ 1195 г., и въ Воскр. (стр. 120); въ послѣдней объ этомъ говорится непосредственно за извѣстіемъ о задержаніи Ярославомъ пословъ и гостей Новгородскихъ.

лости своей! Не бывать Новому Торгу Новгородомъ, ни Новгороду—Торжкомъ, но гдѣ св. Софія, тамъ и Новгородъ! И во многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда! ¹⁾“—знаменитыя слова, въ которыхъ такъ прекрасно высказалось все удалое мужество и героизмъ Мстислава, его чисто-юношескій пылъ и воодушевленіе; онъ готовъ идти на встрѣчу опасности и предпринять трудный подвигъ, потому что его дѣло правое: за него Богъ и правда!

Между тѣмъ у Ярослава были уже союзники: Юрій прислалъ къ нему на помощь младшаго Всеволодовича, Святослава, и воеводу своего, Михайла Борисовича, съ полкомъ, и даже самъ будущій союзникъ Мстислава, Константинъ, если вѣрить довольно сомнительному извѣстію Воскресенской лѣтописи, съ своей стороны отправилъ къ Ярославу сына своего, Всеволода ²⁾. Изъ Торжка началось опустошеніе Торопецкой волости, отчины Мстислава Мстиславича ³⁾. Но и Удалой не остался безъ союзниковъ: къ послѣднимъ принадлежалъ Владиміръ Рюриковичъ и Всеволодъ Мстиславичъ, присланный къ Удалому изъ Кіева своимъ отцемъ, Мстиславомъ Романовичемъ ⁴⁾. По свидѣтельству Воскресенской лѣтописи, Мстиславъ Мстиславичъ, идя въ Новгородъ, оставилъ этихъ князей въ Смоленскѣ ⁵⁾. Кромѣ того, на помощь къ Удалому пришелъ и родной братъ его, Владиміръ Псковскій.

Началась война ⁶⁾, которая, съ принятіемъ въ ней участія Юрія, какъ союзника Ярослава, и Константина, соединившагося съ Мстиславомъ, приняла широкіе размѣры,—война, вознесшая Удалаго на

¹⁾ Новг. лѣт., стр. 33. Въ Воскр. лѣт. слова эти съ слѣдующимъ измѣненіемъ: «да не будетъ Новый Торгъ надъ Новымъ Городомъ, ни Новгородъ надъ Торжкомъ» (См. стр. 120).

²⁾ Воскр. лѣт. (стр. 120). Карамзинъ предполагаетъ, что Константинъ тогда еще притворно держалъ сторону своихъ братьевъ (Ист. Г. Р., III, стр. 164).

³⁾ Воскр. лѣт., стр. 120.

⁴⁾ Воскр. лѣт., стр. 119.

⁵⁾ Воскр. лѣт., стр. 120.

⁶⁾ *Татищевъ* говоритъ, будто Мстиславъ, не желая воевать съ Ярославомъ (къ чему принуждали его Новгородцы), обратился къ его братьямъ съ жалобой на своего зятя. Константинъ принялъ сторону Мстислава и уговаривалъ Ярослава отпустить задержанныхъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ; но тотъ съ гнѣвомъ отказался исполнить это, а Юрій оправдалъ его. Тогда только выступилъ Мстиславъ съ войскомъ противъ Ярослава Всеволодовича (См. Ист. Р., III, 386—387).

вершину его славы и закончившаяся знаменитою Липецкою битвой¹⁾. 1216 г., 1-го марта, то-есть, по тогдашнему лѣтосчисленію въ день Новаго года, Мстиславъ²⁾ выступилъ въ походъ противъ своего зятя, Ярослава Всеволодовича. Но даже въ минуту такого полного энтузіазма, какимъ, казалось, были тогда проникнуты Новгородцы, въ ихъ средѣ обнаруживается недостатокъ единодушія и раздвоеніе. Мы видѣли, въ какое отчаянное положеніе поставилъ Ярославъ Новгородъ, какъ Новгородцы, по видимому, должны были бы радоваться помощи со стороны Мстислава въ столь критическій моментъ, какъ клялись они идти съ своимъ княземъ на жизнь и на смерть. И что же? Именно въ ту минуту, когда явилась возможность спасенія и настала пора дѣйствовать единодушно, въ средѣ самихъ же Новгородцевъ находятя измѣнники общему дѣлу: во вторникъ выступилъ Мстиславъ изъ Новгорода, а уже въ четвергъ къ Ярославу перебѣжали съ своими женами и дѣтьми клятвопреступники³⁾: Владиславъ Завидовичъ, Гаврило Игоревичъ, Юрій Олексиничъ и Гаврило Милятиничъ.

Ярославъ, какъ извѣстно, находился въ Торжкѣ. Но Мстиславъ двинулся не на Торжокъ: взявъ болѣе южное направленіе, онъ пошелъ къ предѣламъ Торопецкой волости. Это можно объяснить тѣмъ, что Удалой намѣревался, вѣроятно, соединиться съ своими союзниками, Владиміромъ Рюриковичемъ и Всеволодомъ Мстиславичемъ, по свидѣтельству Воскресенской лѣтописи, находившимися тогда въ Смоленскѣ; кромѣ того, къ этому могли побудить его и тѣ опустошенія, которымъ, какъ было замѣчено, уже подверглось Торопецкое княже-

¹⁾ Главными источниками для исторіи этого похода служатъ: особенно подробно извѣстія Троицкой и Воскресенск. лѣтописей, а также и Новгородская лѣтопись, которая, впрочемъ, о самой Липецкой битвѣ говоритъ чрезвычайно кратко. Никоновскій лѣтописецъ своими добавленіями и прикрасами только портитъ безыскусственный разказъ указанныхъ источниковъ; Лаврентьевская же лѣтопись передаетъ о разсматриваемомъ событіи слѣдующимъ краткимъ образомъ (подъ 1217 г.): «исконн злыи врагъ дьяволъ... въздвиге ныкую котору злу межю князи, сыны Всеволожи, Константиномъ и Юріемъ и Ярославомъ, и бишися у Юрьева, и одоли Константинъ; но пакы Богъ и крестъ честный и молитва отца ихъ и дѣдья введе я в великую любовь, и сяде Константинъ въ Володимери на столъ, а Юрія Суздали...» (Лѣт. по Лавр. списку, 418). О Мстиславѣ Мстиславичѣ и о Новгородцахъ здѣсь ни слова!

²⁾ Въ Троицк. лѣт. (стр. 211): «князь великій Мстиславъ».

³⁾ Въ Троицкой лѣт. (стр. 211): «въ четвертокъ побѣгоша къ Ярославу крестопреступници...»; въ Новгород. лѣт. (стр. 34): «...и побѣгоша преступници кресту, чѣловали бо бяху хрестъ честный къ Мстиславу съ всеми Новгородци, яко всімъ одинакомъ быти...».

ство. Войдя въ свою волость, Мстиславъ отправилъ Новгородцевъ за съѣстными припасами, сказавъ имъ: „Идите въ зажитыѣ ¹⁾, только головъ ²⁾ не берите“ ³⁾. Запасшись припасами и для себя, и для коней, войско двинулось по верховьямъ Волги. Здѣсь Ярославъ, братъ Святослава, съ десятитысячнымъ отрядомъ осаждалъ Ржеву ⁴⁾, Мстиславовъ городокъ. Затворившись въ городкѣ съ сотнею воиновъ, мужественный Ярунъ отбивался отъ непріятеля, когда Мстиславъ Мстиславичъ съ братомъ своимъ, Владиміромъ Псковскимъ, во главѣ 500 человекъ—„только бо всѣхъ вой баше“, поясняетъ при этомъ лѣтопись ⁵⁾—поспѣшилъ на его выручку. Не смотря на свои крайне незначительныя силы, Удалой уже однимъ своимъ приближеніемъ обратилъ въ бѣгство Святослава, а затѣмъ взялъ Зубцовъ. На Волгѣ, при впаденіи въ нее Вазузы ⁶⁾, къ Мстиславу присоединились его союзники, Владиміръ Рюриковичъ съ Смольнянами и Всеволодъ Мстиславичъ ⁷⁾.

Мстиславъ представилъ теперь новый примѣръ своего миролюбія: ставъ на Холохольнѣ ⁸⁾, онъ съ своими союзниками управляетъ въ

¹⁾ «Впередъ, для заготовленія съѣстныхъ припасовъ» (См. *Карамзина*: Ист. Г. Р., III, пр. 164, также II, пр. 348). «Князья, вступаая въ непріятельскую землю, посылали для сбора съѣстныхъ припасовъ; это называлось *идати съ зажитыѣ*» (См. *Соловьева* Ист. Р., III, 21).

²⁾ По *Карамзину* подъ *головами* Мстиславъ имѣлъ въ виду людскія головы, запрещалъ, следовательно, брать людей (Ист. Г. Р., III, прим. 164); это мнѣніе болѣе правдоподобно, чѣмъ мнѣніе *Сергиевича*, который говоритъ, что Мстиславъ запретилъ брать скотъ (В. и н., 410, пр. 72). Впрочемъ, можно думать что въ данномъ случаѣ Удалой подразумѣвалъ то и другое, то-есть запретилъ брать и людей, и скотъ.

³⁾ Новг. лѣт., стр. 34.

⁴⁾ Тверск. губ. Изъ этого *Арцибашевъ* выводитъ, что Осташковскій и Ржевскій уѣзды принадлежали къ волости Торопецкой (Пов. о Росс., 291, пр. 1828).

⁵⁾ Троицк. лѣт., стр. 211.

⁶⁾ Въ Троицк. (стр. 111), Воскр. (стр. 120) и Никон. (II, 321) лѣт. сказано: «и быша на *Волзѣ*», а въ другихъ лѣтописяхъ (*Новг. 1-й лѣт.*, стр. 34; Новг. 4-й лѣт., стр. 21; Тверск., стр. 318)—«на *Вазузѣ*». Можно предположить, что дѣло происходило въ мѣстности близъ Волги и Вазузы.

⁷⁾ Въ лѣтописяхъ говорится только о прибытіи къ Мстиславу Владиміра Рюриковича, но попервыхъ, послѣдній находился въ Смоленскѣ *емьствѣ съ Всеволодомъ Мстислаовичемъ*, а вовторыхъ, изъ послѣдующаго ясно видно, что и Всеволодъ Мстиславичъ соединился здѣсь съ Удалымъ.

⁸⁾ Троицк. лѣт. (стр. 211); въ *Воскр.* ошибочно: «на *Холохнѣ*» (стр. 120). По *Ходаковскому* «Холохольна—рѣчка близъ Старицы, впадающая въ Волгу съ лѣвой стороны» (См. объ этомъ *Карамзина* Ист. Г. Р., III, пр. 164). *Арцибашева*:

Торжокъ къ Ярославу пословъ переговорить о мирѣ, на что получаетъ отъ своего зятя такой отвѣтъ: „Мира не хочу; пошли, такъ идите! На сто нашихъ не достанется и одного изъ васъ“ ¹⁾. Эти гордыя слова не поколебали рѣшимости Ростиславичей; мысль о томъ, что ихъ дѣло правое, поддерживала ихъ. „Ты, Ярославъ, съ плотью“ (то-есть, силой), говорили они между собой, „а мы съ крестомъ честнымъ“. Новгородцы хотѣли теперь уже двинуться на Торжокъ, но Мстиславъ не согласился на это. „Если пойдемъ къ Торжку“, зашѣтилъ онъ,— „то опустошимъ Новгородскую волость“ ²⁾. Кромѣ того, Ростиславичи имѣли въ виду союзъ съ Константиномъ Всеволодовичемъ и поэтому направлялись къ Переяславию ³⁾, въ глубь самой Суздальской области. Забирая и сожигая по дорогѣ села, они пошли къ Твери, не зная, находится ли Ярославъ уже тамъ или еще въ Торжкѣ, а тотъ, между тѣмъ, услышавъ, что непріатели берутъ села, уѣхалъ изъ Торжка въ Тверь, взявъ съ собою старѣйшихъ бояръ Новгородскихъ и молодыхъ „изборомъ“, то-есть по выбору, а Новоторжцевъ всѣхъ ⁴⁾; избранныхъ же 100 мужей онъ выслалъ впередъ, „въ сторону“. Въ 15 верстахъ отъ Твери съ этими сторожами встрѣтились Ростиславичи и отправили противъ нихъ Яруна съ молодыми людьми, которые, наѣхавъ на Ярославовыхъ Новоторжцевъ, часть изъ нихъ взяли въ плѣнъ, часть избили; остальные спаслись бѣгствомъ въ Тверь ⁵⁾ (25-го марта) ⁶⁾. Отъ плѣнныхъ узнали, что Яро-

---

Пов. о Р., 292, пр. 1833). По *Соловьеву*, «Холохолня» «впадаетъ въ Волгу ниже обнѣихъ рѣкъ Старица, при селеніи Холохолня» (См. Ист. Р., пр. 406, стр. LIII).

¹⁾ Никон., по обыкновенію, передаетъ съ добавленіями: «какого мира щете? начасте убо ходите, градите; ибо и заецъ на кровь ходитъ, ни бо мать на сто человекъ достанетца вишь единъ человекъ» (II, 321).

²⁾ Троицк. лѣт., стр. 211.

³⁾ По Новг. лѣт., на предложеніе Новгородцевъ идти на Торжокъ Мстиславъ и Владиміръ отвѣтили такимъ образомъ: «пойдемъ къ Переяславию, есть у насъ третій другъ» (стр. 34).

⁴⁾ Такъ въ Троицк. лѣт. (стр. 211); въ Новг. объ этомъ говорится нѣсколько ниже, когда Мстиславъ соединился уже съ Константиномъ (см. стр. 34).

⁵⁾ Въ Троицк. лѣт. (стр. 212): «изымаша стороженъ Ярославлихъ 30 и 3, а 77 ихъ убиша...»; въ Никоновск.: «...а семьдесятъ убиша» (II, 322); въ Воскр.: «...1 убиша» (стр. 120); въ Новг. же не определено число плѣнныхъ и убитыхъ: «и многы побиша, а нмѣхъ изымаша, а нмѣхъ убѣжаша въ Тхверь» (стр. 34).

⁶⁾ «На Благовѣщеніе». Троицк. лѣт., стр. 212.

славъ находится въ Твери; „и тако“, говоритъ лѣтопись ¹⁾), „вѣдяху въ зажитѣе не боящеся“.

Мы видѣли уже, какое недовольство возбудило въ Константинѣ Всеволодовичѣ предсмертное распоряженіе его отца. Лишь только послѣдній умеръ, какъ между старшимъ Всеволодовичемъ и братомъ его, Юріемъ, начинаются распри, не приведшія, впрочемъ, ни къ какому рѣшительному результату: Юрій по прежнему удерживалъ за собой Владиміръ, а Константинъ—Ростовъ. Ярославъ при этомъ является постояннымъ союзникомъ Юрія. Понятно, что открывшаяся борьба Новгорода съ Ярославомъ могла представить Константину удобный случай выступить снова со своими притязаніями, заключивъ союзъ съ Мстиславомъ. И вотъ, Ростиславичи посылаютъ въ Ростовъ для переговоровъ Владимірова боярина Яволода, при чемъ Владиміръ Псковскій съ Псковичами и Смольнянами отправленъ былъ проводить посла до самаго рубежа Ростовской области. Между тѣмъ Мстиславъ съ своими товарищами и Новгородцами продолжалъ путь по Волгѣ, „воюя“, то-есть опустошая окрестности; не только пожжены были мѣстности по Шошѣ и Дубнѣ ²⁾ и городъ Константиновъ ³⁾, взятый Псковичами и Смольнянами подъ предводительствомъ Владиміра Псковскаго, но той же участи подверглось и все Поволжье. Въ этомъ отношеніи Мстиславъ Удалой, не смотря на свой рыцарскій характеръ и великодушіе, быть можетъ, не стоялъ выше своего времени, когда воевать значило разорять и грабить. Притомъ, даже при всемъ своемъ личномъ желаніи, онъ едва ли бы могъ удержать войско отъ опустошеній. Въ тѣ времена дисциплина была немислима: князь въ битвѣ и въ походѣ былъ не полновластнымъ распорядителемъ, могущимъ требовать себѣ безпрекословнаго повиновенія со стороны войска, а скорѣе первымъ между равными. На пути Ростиславичей ⁴⁾ встрѣтилъ присланный Константиномъ воевода Еремѣй съ такими словами: „Князь Константинъ кланяется вамъ и говоритъ: радуюсь, слыша о вашемъ приѣздѣ; вотъ вамъ отъ меня на помощь

¹⁾ Троицк. лѣт., стр. 212.

²⁾ Рѣки Шоша и Дубна текутъ на рубежѣ Московской и Тверской губ. (См. *Арибашева* Пов. о Р., 292, пр. 1837). Дубна впадаетъ въ Волгу ниже Корчевы, въ Тверской губ. (См. *Соловьева* Ист. Р., II, пр. 213, стр. ХХШ).

³⁾ *Татищевъ* говоритъ, что Валгородокъ, село на южной сторонѣ Вслги, и былъ, какъ пишется, городъ Константиновъ (Ист. Р., 512, пр. 590). По *Карамзину*, Константиновъ—село Скияшино, при устьѣ Нерли (Ист. Г. Р., III, пр. 164).

⁴⁾ Которыхъ Троицк. лѣт. (стр. 212) называетъ «нашими князьими».

500 мужей, а ко мнѣ пришлите для переговоровъ шурива моего, Всеволода" ¹⁾). Тогда Мстиславъ и его союзники отрядили Всеволода съ большимъ числомъ воиновъ къ Константину, а сами пошли внизъ по Волгѣ, по дорогѣ покинули возъ, сѣли на коней, чтобы быстрѣе совершать походъ, и двинулись „вои“ къ Переяслави. У Городища ²⁾, на рѣкѣ Саррѣ ³⁾, они соединились съ Константиномъ и Ростовцами (9-го апрѣля) ⁴⁾. Князя поцѣловали крестъ и стали у Переяслави ⁵⁾, а Владимира Псковскаго съ дружиной отрядили въ Ростовъ, быть можетъ, для охраны этого города отъ нападеній, какъ предполагаетъ Соловьевъ ⁶⁾, такъ какъ Константинъ, оставивъ Ростовъ безъ всякой защиты, могъ опасаться за его участь.

И такъ, въ средѣ самихъ Всеволодовичей Мстиславъ находитъ себѣ союзника въ лицѣ Константина. Это обстоятельство, конечно, усложнило положеніе дѣлъ: война приняла теперь иной характеръ, размѣры ея расширились, вся сѣверная Русь пришла въ движеніе. Это уже была борьба не одного только Новгорода съ своимъ прежнимъ княземъ, позволившимъ себѣ злоупотреблять своею властью; теперь, кромѣ того, рѣшался вопросъ: остается ли въ силѣ предсмертное распоряженіе Всеволода III? Долженъ ли по прежнему Владимиръ принадлежать Юрію, а Ростовъ Константину? Словомъ, дѣло уже шло не о судьбѣ одного только Новгорода, а объ участи всей сѣверной Руси ⁷⁾.

¹⁾ То-есть, Всеволода Мстиславича, сына Мстислава Романовича.

²⁾ «Селеніе Городищево въ Переяславскомъ округѣ» (См. Карамзина: «Ист. Г. Р.», III, пр. 164). Замѣтимъ, что въ лѣтописяхъ сказано: «На Городищѣ, на рѣкѣ Саррѣ у селтой Марини» (Новг. в Троицк.) или «Марин» (Воскрес., Никон. и Тверск.). По поводу этого *Архиваго* говорить: «Городище св. Марини, или Марин, намъ неизвѣстно; мы подозреваемъ даже, что нѣтъ ли тутъ ошибки переписчика: апрѣля 9-го числа празднуется память св. мученика Маріана пресвитера» (Пов. о Росс., 292—293, пр. 1839).

³⁾ Ярославской губ., Ростовскаго уѣзда (См. Соловьева И. Р., II, пр. 409, стр. LIII). Карамзинъ отождествляетъ Сарру съ Оерой (Ист. Г. Р., III, пр. 164). на это *Архиваго* замѣчаетъ: «Сера Владимірскаго губ... не по дорогѣ отъ устья Шоши къ Переяслави; а какъ Мстиславъ и его товарищи отъ Дубны поидомо по Волгѣ внизъ, то, кажется, удобнѣе имъ было придти къ р. Сарѣ Ярославской губ., Ростовскаго уѣзда». (Пов. о Р., 292, пр. 1839).

⁴⁾ Въ Троицк. лѣт.: «апрѣля 9 на Великъ день» (стр. 212), въ Новг.—«въ великую субботу» (стр. 34).

⁵⁾ «Въ Омишу недѣлю» (Троицк. лѣт., стр. 212).

⁶⁾ Ист. Р., II, 353.

⁷⁾ *Сергеевича*: В. и нн., 227.

Немедленно Юрій принимаетъ теперь открыто сторону Ярослава, находившагося тогда уже не въ Твери, а въ Переяславль¹⁾, и выступаетъ къ нему на помощь. Когда Мстиславъ съ своими товарищами, подѣхавъ къ Переяслави, захватилъ плѣнника, то узналъ отъ него, что Ярослава нѣтъ уже въ городѣ, что онъ отправился къ Юрію съ своими полками, Новоторжцами и тѣми Новгородцами, которые держали его сторону. А между тѣмъ самъ Юрій спѣшилъ изъ Владимира па встрѣчу къ Ярославу. У младшихъ Всеволодовичей собрано было войско, сильное своею численностью: тутъ были и Муромцы, и Бродники и Городчане, и вся сила земли Суздальской: „башеть бо погнано“, говоритъ лѣтопись²⁾, — „и изъ поселей и до пѣшьца“. Раздвоеніе было не только среди братьевъ-князей, — оно проникло въ самое население: Мстиславъ во главѣ Новгородцевъ шелъ на общаго, казалось, ихъ врага, Ярослава, а между тѣмъ въ войскѣ послѣдняго паходились также Новгородцы и Новоторжцы; Ростовцы съ своимъ княземъ Константиномъ идутъ не только па Муромцевъ и Переяславцевъ, но и на „всю Суздальскую землю“, предводимую младшими Всеволодовичами. Такимъ образомъ, лѣтописецъ имѣлъ полное основаніе воскликнуть: „О страшное и дивное чудо, братія, пошли сыновья на отца, а отцы на дѣтей, братъ на брата, рабы на господина, а господинъ на рабовъ!“³⁾.

Ярославъ и Юрій съ младшими своими братьями стали на рѣкѣ Кзѣ; Ростиславичи же съ Новгородцами расположились близъ Юрьева, между тѣмъ какъ Константинъ сталъ съ своимъ полкомъ вдали отъ нихъ, на рѣкѣ Липицѣ⁴⁾. Если прежде всѣ попытки Мстислава къ

¹⁾ Новг. лѣт., стр. 34.

²⁾ Троицк. (стр. 212). Новг. лѣт., сказавъ сначала о томъ, что Ярославъ ушелъ изъ Торжка, взявъ Новгородцевъ по выбору, а Новоторжцевъ всѣхъ, непосредственно за этимъ говоритъ: «И приде (Ярославъ) Переяслави, и свои волость свою всю, а Гюрги свою, Володимиръ также, а Святославъ также, и выиде изъ Переяслава съ пѣды, и съ Новгородци, и съ Новоторжци» (стр. 34).

³⁾ Троицк. лѣт., стр. 212

⁴⁾ Такъ въ Троицк. лѣт. (стр. 212); въ Новг. же сказано прямо: «Мстиславъ же, и Константинъ, и два Володимира, съ Новгородци сташа на рѣцѣ Липичи» (стр. 34). Мы уже видѣли, что съ Мстиславомъ остался только одинъ Владимиръ Рюриковичъ, а Владимиръ Псковскій отправленъ былъ къ Ростову. Никон. лѣт. прибавляетъ, что съ Константиномъ были «два храбра, Добрыня Златый поимъ, да Александръ Поповичъ с своимъ слугою с Торопомъ, славныи богатыри» (II, 323). Тверск. лѣт. называетъ этихъ богатырей Тимоней Золотымъ поимомъ, и Олешкой Поповичемъ, слугу послѣдняго — Торопомъ (Поли. Собр. Русск. лѣт., т. XV, стр. 323).

примиренію ни къ чему не привели, то еще труднѣе было уладить дѣло мирнымъ путемъ теперь, когда съ принятіемъ Константиномъ и Юріемъ участія въ борьбѣ затронуты были интересы столькихъ князей, когда нужно было рѣшить участь не только Новгорода, но и Суздальской земли. Тѣмъ не менѣе, миролюбивый Мстиславъ попытался войти въ соглашеніе если не съ Ярославомъ, то по крайней мѣрѣ съ Юріемъ. Увидѣвъ предъ собой Ярославы и Юрьевы полки, говорятъ лѣтопись, онъ съ своими товарищами отправляетъ къ князю Юрію сотскаго Ларіона, поручая сказать: „Кланнемся! Нѣту у насъ съ тобою обиды: обида у насъ съ Ярославомъ“. Этими ясно была выражена первоначальная и главнѣйшая цѣль войны: не возстановленіе во что бы то ни стало стараго порядка на всемъ сѣверѣ Руси, а прежде всего интересы Новгорода—вотъ что имѣлъ въ виду Мстиславъ Мстиславичъ. Но Юрій сказалъ въ отвѣтъ Ростиславичамъ: „Одни есмь братья съ Ярославомъ“. Очевидно было, что Юрій дѣло Ярослава считалъ ихъ общимъ дѣломъ и не намѣренъ былъ входить въ отдѣльное соглашеніе съ Ростиславичами. Такимъ образомъ, если Мстиславъ хотѣлъ достигнуть мира, то онъ долженъ былъ съ переговорами обратиться опять къ Ярославу. И вотъ, къ послѣднему Ростиславичи посылаютъ того же Ларіона. „Отпусти мужей, Новгородцевъ и Новоторжцевъ“, говорилъ посолъ Ярославу отъ имени Мстислава и его союзниковъ, „а что изъ волости Новгородской присвоилъ—Волокъ—возврати; съ нами же миръ возьми и крестъ къ намъ дѣлуй, а крови не проливай!“¹⁾ Посольство осталось безъ успѣха: упрямый и жестокій Ярославъ, теперь еще болѣе надѣявшійся на свою силу и на побѣду, далъ гордый и презрительный отвѣтъ: „мира не хочу, а мужи у меня; далеко зашли вы и вышли, какъ рыба на сухую землю“²⁾. Ларіонъ передалъ слова эти Ростиславичамъ и Новгородцамъ. Но миролюбіе Мстислава и его товарищей еще не истощилось: въ третій разъ посылаютъ они Ларіона, на этотъ разъ уже къ обонимъ Всеволодовичамъ, къ Юрію и Ярославу, съ „послѣднею рѣчью“: „Мы пришли, братья, князь Юрій и Ярославъ, не на кро-

¹⁾ Троицк. (стр. 212); въ Новг.: «а крѣви не проливаемъ» (стр. 34).

²⁾ Никон. лѣт. своимъ добавленіями только изуродовала этотъ отвѣтъ, лишивъ его выразительной сжатости: «далече есте зашли, яко овцы ко львомъ, яко теленки к медвѣдямъ, яко свиньи на поле, яко рыбы на сухо» (II, 324).

³⁾ Новгор. лѣт. непосредственно за этимъ говоритъ о желаніи Новгородцевъ биться не на новяхъ, а пшшши, а потомъ весьма кратко передаетъ и о побѣдѣ Мстислава.

вопролить! крови не дай Богъ пролить; лучше до этого управимся! Одного мы племени между собою; дадимъ же старѣйшинство князю Константину; посадите его во Владимірѣ, а вамъ Суздальская земля вся". Слова эти лучше всего показываютъ миролюбіе и умѣренность Мстислава; въ нихъ ясно выражается то сознаніе единства происхожденія всѣхъ Русскихъ князей, то чувство братской любви, которымъ такъ отличался Удалой, надѣявшійся, конечно, тщетно, что на этомъ чувствѣ можетъ быть основанъ порядокъ и миръ среди запутанныхъ отношеній, борьбы страстей и эгоизма. Эти же слова служатъ новымъ подтвержденіемъ уже высказанной нами мысли, что Константинъ не былъ такимъ, какимъ его считаютъ, приверженцемъ старыхъ городовъ, не хотѣвшимъ оставить Ростовъ и за это поссорившимся съ отцемъ: онъ, напротивъ, добивается лишь Владиміра, этого „мизиннаго“ города, а остальную Суздальскую землю готовъ уступить своимъ братьямъ. Но, повторяемъ, если младшіе Всеволодовичи не соглашались на миръ, когда дѣло шло только о Новгородѣ, то тѣмъ болѣе не могли они согласиться на добровольную уступку Владиміра Константину. Юрій отвѣтилъ послу: „скажи братьямъ моимъ, князю Мстиславу и Владиміру: если даже отецъ не управилъ насъ съ Константиномъ, то вы ли хотите помирить насъ съ нимъ? Идите же, зачѣмъ пришли. А брату нашему Константину передай: одолѣй насъ,—тебѣ вся земля!“¹⁾ Изъ послѣднихъ словъ видно, что если Мстиславъ и его товарищи въ данномъ случаѣ полагаются на правоту своего дѣла и являются представителями права, правды, то младшіе Всеволодовичи, напротивъ, готовы преклониться не предъ правомъ, а лишь предъ силой: по ихъ словамъ, кто сильнѣе, тому и должна принадлежать Суздальская земля.

„Такъ“, замѣчаетъ лѣтописецъ.²⁾ — „возпеслись славою князья Юрій и Ярославъ, и видя у себя силу великую, не приняли мира“. Но въ войскѣ ихъ не всѣ раздѣляли такую самоувѣренность. Когда Юрій съ братьями, пируя въ шатрѣ въ кругу своихъ бояръ, началъ разсуждать о предстоявшей битвѣ, то одинъ бояринъ³⁾ обратился

¹⁾ Воскр. лѣт., стр. 122.

²⁾ Троицк. лѣт., стр. 212.

³⁾ Троицк. лѣт. не называетъ его по имени, а говорятъ только: «бояринъ молвить» (стр. 212); въ Новг. 4-й лѣт. (Поля. Собр. Русск. лѣт., IV, стр. 22) и Тверск. («Поля. Собр. Русск. лѣт.», XV, 321) этотъ бояринъ названъ Твориниромъ; въ Воскр. сказано неопредѣленно: «нѣкоторіи же отъ бояръ ихъ, иже не ради кровопролитію....» (стр. 122). Никон. говоритъ слѣдующее: Юрій

къ нему, по словамъ лѣтописи, съ такимъ совѣтомъ: „Твори миръ, князь Юрьи и Ярославе, меньшая братья въ вашей воли; оже бы по моему гаданію, луче бы миръ сътворити и дати старѣйшинство князю Константину; ци зримъ, оже при нашихъ полцѣхъ тѣхъ мало Ростиславля племяни; да князи мудри суть и рядни и хоробри, а мужи ихъ, Новгородци и Смоленане дерзи къ боеви, а Мстислава Мстиславича и сами вѣдаета въ томъ племяни, оже даны ему .отъ Бога храбрость изо всѣхъ ¹⁾; а господина, гадайте!“ ²⁾ заключилъ свою рѣчь бояринъ. Въ Воскресенской лѣтописи есть интересное добавленіе; по ея словамъ, нежелавшіе кровопролитія бояре, совѣтуя Юрію и Ярославу не уповать на силу, говорятъ между прочимъ: „но егда правда ихъ“ (то-есть Ростиславичей и Константина) „будеть?“ ³⁾. Такимъ образомъ, несмотря на весь произволъ, царившій въ то время, несмотря на всю сбивчивость представленій о правѣ, чувство правды, какъ видно, не было еще окончательно заглушено. Среди самихъ сторонниковъ Юрія носится смутное сознаніе, что дѣло, защищаемое Мстиславомъ, есть дѣло правое, а потому и борьба съ Удалимъ не легка, что кромѣ того, и самъ Мстиславъ — личность выдающаяся, противникъ опасный. „И нелюба была эта рѣчь князьямъ Юрію и Ярославу“, говоритъ лѣтопись ⁴⁾. Зато поправилась имъ другая рѣчь,

---

съ братьями «начаша пиры творити во шатрѣхъ своихъ з боляры своими, и начаша вопрошати по единому кождо бояръ своихъ, какъ на бой с ними сходится. Они же кождо своя рѣчи глаголаша, от нихъ же единъ старъ сый бояринъ Андрей Стариславичъ ничтоже глаголаша, и минаху его, яко отъ старости и мало смыслитъ, и неприлежно вопрошаху его. Та же якоже сирова вопрошаша его прилѣжно, какъ дѣлати с супостаты сими; онже отвеща, глаголя: Князь же Юрьи и Ярославе, азъ старъ и мало смыслию уже, да убо по моеи старости лутчи есть миръ взяти» и т. д. (II, 325).

¹⁾ Въ Никон. лѣт. прибавлено: «и есть у него мужи храбри зело и велици богатыри, яко львы и яко медвѣди, не слыша бо на себя ранъ, старѣйшаго же вашего брата Константина и лето сами, яко *его правда есть, и ему подобася быти старѣйшему*» (II, 325).

²⁾ Троицк. лѣт., стр. 212.

³⁾ Воскр. лѣт., стр. 122.

⁴⁾ Троицк. лѣт., стр. 112. Никон., по обыкновенію, распространяется: «Князь великий же Юрьи з братьею своею зело разъярився и разверепѣ, и нача сюду и сюду метатися, яко зело не любя бысть ему рѣчь сія. Поире же его начаша ему глаголати: что ниже о семъ скорбиши, не вѣси ли, яко без ума есть сей от старости, невѣсть, что глаголетъ» (II, 326). Вообще, какъ кажется, разказъ Никон. лѣт. объ этомъ эпизодѣ отличается нѣсколько тенденціознымъ характеромъ.

какъ нельзя болѣе гармонировавшая съ ихъ самоувѣренностью и служившая полнымъ выраженіемъ ихъ собственныхъ мыслей. На приведенныя слова боярина нѣкто изъ Юрьевыхъ бояръ ¹⁾ возразилъ: „Князь Юрій и Ярославъ! Не было того ни при прадедахъ, ни при дѣдѣ, ни при отцѣ нашемъ, чтобы кто-нибудь вошелъ въ сильную землю Суздальскую и вышелъ цѣль; хотя бы и вся Русская земля; и Галицкая, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская,—все-таки ничего не успѣютъ противъ силы этой“ (то-есть, противъ Суздальской земли); „а что до этихъ полковъ, то, право, мы ихъ сѣдлами забросаемъ!“

Съ обѣихъ сторонъ начинаются приготовленія къ битвѣ. Нисколько не сомнѣваясь въ своей побѣдѣ, младшіе Всеволодовичи, созвавъ своихъ бояръ и „первыхъ людей“, даютъ имъ наставленіе: „Лишь бы достался намъ непріятельскій обозъ ²⁾; вамъ же будутъ кони, брони и порты“ (то-есть, одежда). „Если кто человѣка возьметъ живаго, тотъ самъ будетъ убитъ; если даже и золотомъ шито будетъ оплечье,—то убей! Не оставимъ ни одного врага въ живыхъ! Кто, не будучи убитъ, изъ полку убѣжитъ, того, поймавъ, будемъ вѣшать или распинать; а о князьяхъ, когда будутъ у насъ въ рукахъ, тогда подумаемъ“. Отпустивъ людей и войдя въ шатерь, князья заранѣе приступили къ дѣлежу русскихъ городовъ,—до того доходила ихъ самоувѣренность! „Мнѣ, братъ Ярославъ“, сказалъ Юрій, — „Владимірская земля и Ростовская, а тебѣ Новгородъ; Смоленскъ же—брату нашему Святославу, Киевъ дай Черниговскимъ князьямъ, а Галичъ намъ же“. „Здѣсь“, замѣчаетъ Соловьевъ ³⁾,—„всего любопытнѣе для насъ презрѣніе Сѣверныхъ князей къ Киеву, съ которыми для ихъ предковъ и для всѣхъ Южныхъ князей соединялась постоянно мысль о старшинствѣ, о высшей чести; по богатѣй Галичъ Всеволодовичи берутъ себѣ“. Князья цѣловали крестъ между собою

¹⁾ Въ Троицк. лѣт.: «Нѣкто же бояръ князь Юрьевыхъ» (стр. 212—213). Тверск. лѣт. называетъ его *Ратиборомъ* (стр. 337). Воскр., какъ и въ первомъ случаѣ, считаетъ это мнѣніе выраженіемъ мыслей цѣлой партіи: «Или же младауміи, паче не хотяще добра межъ братьи, но радующеса еме проліати кровь христіанску, глаголаху еиде княземъ своимъ....» (стр. 122).

²⁾ Въ Троицк. лѣт., по изданію археографической комиссіи, сказано: «се пришелъ бы товаръ въ руки...» (стр. 213), а по *Карамзину* (Ист. Г. Р., III, пр. 167) — «се пришелъ онъ...», значитъ, нѣсколько иной смыслъ: «*товъ достался намъ въ руки...*»

³⁾ Ист. Р., II, 354—355.

и, чтобы не преступить условій, нависали грамоты, которыми готовъ, послѣ побѣды, были захвачены Смоленянами въ станяхъ Ярослава и переданы дни своимъ князьямъ. Заранѣе раздѣливъ такимъ образомъ русскіе города, надѣясь, по словамъ лѣтописи ¹⁾, на свою великую силу, Юрій и Ярославъ начали „воззывать“ своимъ противникомъ къ Ливинамъ на бой. Тогда Мстиславъ Мстиславичъ и Владиміръ Рюриковичъ призвали князя Константина „и—во выраженіи лѣтописи ²⁾— гадаша съ нимъ много и дѣловаста крестъ, яко не быти въ весъ пересѣту“, и въ ту же ночь выступили къ Ливинамъ. То обстоятельство, что Мстиславъ считаетъ нужнымъ еще разъ взять крестное дѣлованіе съ своего союзника, Константина, служитъ указаніемъ на нѣкоторое недоумѣніе къ послѣднему со стороны Новгородскаго князя. „Хотя общіе видѣ“, говоритъ г. Костомаровъ ³⁾,— соединили Ростовскаго князя съ Новгородцами, но онъ все-таки былъ одинъ изъ Суздальскихъ князей, и если бы братья съ нимъ поладили, то и онъ, быть можетъ, пошелъ бы за одно съ ними, когда дѣло приняло бы исключительно смыслъ борьбы всей Суздальской земли съ Новгородскою“. Однимъ словомъ, это доказываетъ, что Мстиславъ не былъ здѣсь защитникомъ Константина, илѣнникъ главною дѣлою возстановленіе правъ его, а лишь союзникомъ его, связаннымъ съ нимъ общими интересами и общедо враждою къ младшимъ Всеволодовичамъ.

Во всѣхъ волеяхъ Ростиславичей раздавались клики, а въ Константиновичихъ трубили въ трубы. Слыша это, войско младшихъ Всеволодовичей, стоявшее всю ночь за щитами въ ожиданіи нападенія, приняло въ смѣтеніе ⁴⁾; сами князья, Юрій и Ярославъ, хотѣли было бѣжать ⁵⁾ и едва успокоились, „узнаша за калитъ“, какъ го-

¹⁾ Троицк. лѣт., стр. 213.

²⁾ Троицк. лѣт., стр. 213.

³⁾ Русск. ист. въ изяснен. ея главы. дѣт., 106.

⁴⁾ Троицк. лѣт., сказалъ о томъ, что Ростиславичи и Константинъ въ ту же ночь выступили къ назначенному для боя мѣсту, говоритъ; «поволомилася стояща за щиты всю ночь, калитомъ бо во всѣхъ волеяхъ, и вътрубима въ княжихъ Константиновичихъ волеяхъ; слышаста князь Юрій и Ярославъ, хотѣста побѣгнута...» (стр. 213), такъ что на первый разъ трудно понять, слѣдуетъ ли при «поволомилася» подразумѣвать младшихъ Всеволодовичей или Мстислава съ его союзниками; во Влкр. лѣт. устриваетъ эту неясность: «поволомилася Юраси волеи и стояща за щиты всю ночь», говоритъ она (стр. 122).

⁵⁾ Навск. прибавляетъ: «... и приде и князь онъ бодритъ сестарышкѣмъ, иже глагола нѣтъ о яру, в рече еще к князь: ничтоше надѣвъ, потто хощете бѣжати? не рѣтъ ли азъ вѣтъ своимъ безуміемъ, яко дутчи вѣтъ киртоск; он бо

ворить лѣтопись ¹⁾. Между тѣмъ Мстиславъ съ своими союзниками утромъ на слѣдующій день прѣшелъ къ Лилицамъ, куда ихъ звали на бой младшіе Всеволодовичи: но послѣднихъ тамъ уже не оказалось: они ночью перешли за дѣбрь и разставили свои полки на-горѣ, известной подъ именемъ Авдовой. Тогда Мстиславъ и его товарищи расположились съ своимъ войскомъ на другой горѣ, называемой Юрьевой. Враговъ раздѣляла дѣбрь. Мѣстность, очевидно, была неудобна для битвы. И вотъ Мстиславъ Мстиславичъ и союзные съ нимъ князья посылаютъ еще разъ трехъ мужей къ Юрію съ предложеніями мира; „если же не дашь мира“, говорили Юрію послы отъ имени своихъ князей, „то отступите далѣе на равное мѣсто, а мы на вашу сторону пойдемъ, или же мы отступимъ на Лилицы, а вы на наши станы“. Юрій сказалъ въ отвѣтъ: „Ни мира не принимаю, ни отступаю; прошли чрезъ всю землю, а этой ли дѣбри не перейдете?“ ²⁾. Младшіе Всеволодовичи находили очень выгодною свою позицію; они надѣялись на укрѣпленія, воздвигнутыя ими на случай ночнаго нападенія: ихъ станъ, расположенный на горѣ и, слѣдовательно, укрѣпленный самою природою, сверхъ того окруженъ былъ кольями и плетнемъ.

Такимъ образомъ, битва была неизбежна. Получивъ упомянутый отвѣтъ Юрія, Ростиславичи послали биться съ Ярославовыми воинами молодыхъ людей; бились въ тотъ день до ночи, но не усердно, по случаю бури и сильнаго холода. Утромъ на слѣдующій день Мстиславъ и его союзники хотѣли идти прямо на Владиміръ, не нападая на враговъ, и уже начали-было собираться въ путь, когда ихъ противники, видя это и воображая, что они намѣрены бѣжать, принялись сходить съ своей укрѣпленной позиціи, но тотчасъ были отгѣпены назадъ. Въ это же время былъ изъ Ростова и Владиміръ Псковскій. И начали князья совѣтоваться между собою. „Братъ Мстиславъ

ни единого мертвого ни кроваваго вѣдѣсте, и тако устрашистеса, и на беганіе уклонистеса, егда же увидите вѣща сего сотворшеса надъ вами, что тогда не пострадаете» (II, 327—328). Это можетъ служить подтвержденіемъ того, что весь разказъ Никон. лѣт. о престарѣломъ бояринѣ имѣетъ нѣсколько тенденціозный оттѣнокъ. Слова старца, котораго считаютъ уже выжившимъ изъ ума и совѣтомъ котораго пренебрегли, начинаютъ оправдываться.

¹⁾ Троицк. лѣт., стр. 213.

²⁾ Троицк. лѣт., стр. 213. Никон. изуродовала и этотъ отвѣтъ: «...пойдите убо чрезъ болонье и чрезъ дѣбрь сию, обычно бо есть свиньямъ по дѣбримъ ходити, и корасямъ въ грязяхъ валятеса» (II, 328).

и Владимірѣ!" сказалъ Константинъ¹⁾,—«если мы пойдемъ мимо враговъ, то они нападутъ на насъ съ тылу; а, второе, мои люди въ бою не дерзки: тамъ и разойдутся по городамъ" ²⁾. Вспомнишь слова боярина, совѣтовавшаго Юрію помириться съ Ростиславичами, и сравнишь его отзывъ о противникахъ съ этимъ мнѣніемъ самого же Константина о своихъ людяхъ: тогда предъ нами предстанетъ вся противоположность сѣвернаго и южнаго населенія: одно—преимущественно съ мирнымъ характеромъ и наклонностями, князья его обязаны своимъ успѣхомъ и вліяніемъ матеріальной силѣ, и главное, умной, ловкой политикѣ; другое—воинственное, вѣчно подвижное, стремящееся къ воинской славѣ и къ подвигамъ ратнымъ. Тогда Мстиславъ Мстиславичъ, увѣрившій въ правотѣ своего дѣла, обращается къ своимъ товарищамъ съ ободряющими словами: „Князь Владиміръ и Константинъ, гора намъ не поможетъ, гора насъ и не побѣдитъ, но взирая на крестъ честный и на правду, пойдемъ на враговъ!" Начали разставлять полки: съ края поставилъ свой отрядъ Владиміръ Смоленскій, за нимъ, въ срединѣ, сталъ Мстиславъ и Всеволодъ съ Новгородцами и Владиміръ Псковскій съ Псковичами, а на другомъ краю находился Константинъ Всеволодовичъ во главѣ Ростовцевъ. Войско противниковъ, младшихъ Всеволодовичей, расположилось въ слѣдующемъ порядкѣ: напротивъ Владиміра Рюриковича и Смольнянъ сталъ Ярославъ съ Муромцами, Городчанамъ и Бродниками; Юрій со всею Суздальскою землею находился противъ Мстислава и Новгородцевъ, „а меньшая братія" его—противъ Константина ³⁾. Мстиславъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Рюриковичемъ ободрялъ Новгородцевъ и Смольнянъ. „Братья!" говорилъ онъ,—«вошли мы въ землю сильную, но, взирая на Бога, станемъ крѣпко, не озираясь назадъ: бѣгствомъ не уйти! Забудемъ пока, братья, домъ, женъ и дѣтей! а кому не умирать? Въ бой же

¹⁾ Въ Тверск. лѣт. слова эти ошибочно, вопреки извѣстіямъ всѣхъ другихъ лѣтописей, приписываются Мстиславу.

²⁾ Троицк. лѣт. (стр. 213). Никои. дѣлаетъ любопытное добавленіе: по ея словамъ, Константиновы люди еще и потому не надежны, что находятся въ родствѣ съ воинами Юрія и Ярослава. «Еще же у насъ иные люди к бою не дерзки, яже глаголю про своихъ; едини бо суть вrostьве и в племани и в кумовствѣ» (II, 329). Слова эти, составляющія, вѣроятно, позднѣйшую вставку, тѣмъ не менѣе довольно вѣрно характеризуютъ отношенія стоявшихъ другъ противъ друга враждебныхъ войскъ и степень раздѣленія въ населеніи Сѣверной Руси.

³⁾ Въ Никои. лѣт. подробности: «бѣ же той день солнеченъ и знойно зело и вѣта вѣтръ, и приде облакъ, и ближе громъ безпрестави, и молиаи соизгающе страшна... и стоиху много, ...разсвиришишась яко звѣрні... (II, 329).

идите, кто хочетъ пѣшій, а кто на коняхъ", — „мы не хотимъ умирать на коняхъ ¹⁾, отвѣчали Новгородцы, „но какъ отцы наши бились пѣшіе на Колокшѣ" ²⁾. „Князь же Мстиславъ", говоритъ лѣтопись ³⁾, — „радъ былъ этому". Новгородцы спѣшились, сбросили съ себя лишнюю одежду и сапоги и босые устремились впередъ. Подобно имъ и Смольняне шли въ бой пѣшіе. Вслѣдъ за ними Владиміръ Рюриковичъ отрядилъ Ивора Михайловича съ полкомъ; сами же князья и воеводы слѣдовали позади на коняхъ. Начинаясь знаменитая Липецкая битва.

Въ дебри подъ Иворомъ споткнулся конь; не дожидая его, пѣхота, съ крикомъ бросая палки и топоры, ударила на Ярославовыхъ пѣшихъ воиновъ, которые обратились въ бѣгство. Побѣдители начали избивать бѣгущихъ, подсѣкли даже стягъ Ярославовъ, а тутъ подошлѣлъ Иворъ съ остальными Смольнянами, и досѣклись до другаго стяга. Между тѣмъ князья оставались еще позади. Видя, что битва уже загорѣлась, Мстиславъ, сказавъ: „не дай Богъ, братъ Владиміръ, выдать добрыхъ людей!" ударилъ, въ свою очередь, на враговъ съ своимъ полкомъ, а за нимъ и Владиміръ Рюриковичъ, и Всеволодъ Мстиславичъ, каждый съ своею дружиной; подошлѣлъ и Владиміръ, Мстиславовъ братъ, съ Псковичами, и Константиномъ съ Ростовцами. Между всѣми выдавался Мстиславъ ⁴⁾: трижды пробѣжалъ онъ съвозъ Юрьевъ и Ярославовы полки, поражая враговъ своимъ топоромъ съ паворовою, который былъ у него въ рукѣ ⁵⁾.

¹⁾ Троицк. лѣт. (стр. 214); въ Воскр.: «мы на конехъ не ѣдемъ» (стр. 122).

²⁾ Въ Троицк.: «на Колачиѣ» (стр. 214), въ Новг.: «на Кулачьскѣ» и «на Колачьѣ» (стр. 34). Карамзинъ спрашиваетъ: не рѣка ли это Каменка? (Ист. Г. Р., II, пр. 178). *Арцубашевъ* говоритъ: «Такъ называлось, вѣроятно, нѣкоторое мѣсто у Суздаля». *Погодинъ* отождествляетъ эту мѣстность съ рѣкою Колокшей, которая впадаетъ въ Клязьму, орошая уѣзды Юрьевскій и Владимірскій (Изсл., зам. и лекціи, IV, 267). Какую же битву имѣютъ въ виду Новгородцы? Быть можетъ, ту, которая происходила между Мстиславомъ Владиміровичемъ, въ то время Новгородскимъ княземъ, и Олегомъ Святославичемъ; но эта битва происходила слишкомъ давно—въ 1097 г.

³⁾ Троицк. лѣт., стр. 214.

⁴⁾ *Татищевъ* на первомъ планѣ вездѣ ставитъ Константина, замѣчая при этомъ, что хотя въ Новгородской лѣт. и пространно говорится, «только не весьма право. Ибо они во всемъ первенство и преимущество Мстиславу дали, чему быть не можно по мѣсту и родству» (Ист. Росс., III, 512, прим. 592).

⁵⁾ Никои. лѣт. говоритъ: «... и лилася кровь аки вода, и князь Мстиславъ Мстиславичъ с своими полки пробѣха трижды съвозе полки Юрьевы и Ярославы, и бѣ самъ крѣпокъ и мужественъ, и велику силу имѣа и усердство, и в рудѣ имѣа топоръ и сечаше нещадно и загнася сметавшеся. И прииде на него Але-

Не смотря на свою видную многочисленность ¹⁾, войско младшихъ Всеволодовичей не могло долго противостоять своимъ противникамъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны были разрозненные толпы Суздальцевъ, не отличавшихся, какъ извѣстно, ратными духомъ, и притомъ толпы, ничѣмъ не воодушевленные, а съ другой — мужественные Мстиславовы воики, предводимые вождемъ, но отягчъ и воспринимъ талантамъ не имѣвшимъ тогда себѣ равнаго изъ цѣлой Руси, воодушевленные любовью къ свободѣ и негодованіемъ за притѣсненія. Понятно, на чьей сторонѣ должна была быть побѣда. Удалой съ своими товарищами досѣкъ до самаго несприятельскаго обоза. Тогда, говоритъ лѣтопись ²⁾, — князья Юрій и Ярославъ, видя, что ихъ воины нададутъ, какъ сжатые колосья на нивѣ, имѣсть съ младшими братьями и Муромскими князьими обратились въ бѣгство, оставивъ обозъ въ рукахъ побѣдителей. Мстиславъ видѣлъ опасность, которая можетъ произойти въ томъ случаѣ, если его воины накинута на добычу. „Вратья Новгородци!“ воскликнулъ онъ, — „бросайтесь на товаръ, но заботьтесь о боѣ; а то какъ бы не обратились враги и не сняли бы насъ“ ³⁾. „Новгородци же“, говоритъ лѣтопись, — „бились не ради товара“, а Смоленяне, вовсе не думая о битвѣ, напали на обозъ и даже принялись „обдирать мертвыхъ“ ⁴⁾.

Въ полдень 21-го апрѣля ⁵⁾ кончилась битва. Пораженіе младшихъ Всеволодовичей было полное, потери ихъ громадны; „не 10 бо убито“, говоритъ лѣтопись ⁶⁾, — „ни 100, но тысяща тысящани“;

Александръ Поповичъ, видя нечъ вагъ, хотъ разсеци его; бѣ бо силень и славень богатырь. Онъ же воеши глагола, яко азъ есмь князь Мстиславъ Мстиславичъ Новгородци; онъ же уставися, и тако славо Богъ отъ смерти. І рече ему Александръ Поповичъ: княже, то ты не дерзай, но стой и смотри; егда убо ты глава убиеши будещи, и что суть нима, и како ся нитъ дѣти» (II, 330—1).

¹⁾ По Троицк. лѣт., у Юрія было 13 стяговъ, а трубъ и бубновъ 60; послалась молва, говоритъ эта лѣтопись, что и у Ярослава было 17 стяговъ, а трубъ и бубновъ—40 (стр. 214); По Новгород. 4-й лѣт. наоборотъ: у Юрія 17 стяговъ и по 40 трубъ и бубновъ, а у Ярослава—13 стяговъ, а трубъ и бубновъ 60 (Полн. Собр. Рус. лѣт., IV, 24). Архимандритъ въ этомъ нововѣдѣ дѣлаетъ предположеніе: «стяги не означаютъ ли здѣсь нѣхотные воики, а трубы и бубны—воинны роты? (Пов. о Росс., I, 297, пр. 1872.)

²⁾ Троицк. лѣт., стр. 214.

³⁾ Троицк. лѣт., стр. 214.

⁴⁾ Троицк. лѣт., стр. 214.

⁵⁾ «Въ четвертокъ второй недѣли по Паскѣ» (см. Троицк. лѣт., стр. 214), Новгород. также относитъ эту битву къ 21 апрѣлю.

⁶⁾ Троицк. лѣт., стр. 214.

именно, по словамъ источниковъ, число убитыхъ со стороны побѣжденныхъ равнялось 9233 ¹⁾. Побѣдители сражались съ такимъ пыломъ и ожесточеніемъ, что взяли въ плѣнъ всего только 60 человекъ. Некому было погребать мертвыхъ; крики живыхъ, не добытыхъ до смерти, и вопли раненыхъ слышны были въ городѣ Юрьевѣ и его окрестностяхъ; многіе, спасаясь бѣгствомъ, погибли въ волнахъ рѣки; изъ оставшихся же въ живыхъ одни бѣжали по направленію къ Владиміру, другіе—къ Переяславию, а иные—къ Юрьеву. Народная молва по всемъ винила Ярослава, спосю жестокостью и упорствомъ навлекшаго такое бѣдствіе на Суздальскую землю ²⁾. Сравнительно съ такими потерями уронъ побѣдителей представляется чудовищно-малымъ; именно, если вѣрить свидѣтельству главнѣйшихъ источниковъ ³⁾, Новгородцевъ было убито всего 5 человекъ, изъ которыхъ 3 пали во время самой битвы, а двое—во время преслѣдованія непріятеля ⁴⁾; Смоленяне потеряли только 1 человекъ; всѣ же остальные были сохранены, по выраженію лѣтописи, „силою честнаго креста и правдою“. „О, великъ, братія, промыслъ Божій!“ замѣчаетъ при этомъ лѣтописецъ;—„аще быста вѣдали се князь Юрьи и Ярославъ, то мирилася быста, се бо слава его и хвала погыбе, и полци силніи ни во что же быша“ ⁵⁾.

Какая же судьба постигла побѣжденныхъ князей?

Во время битвы Юрій стоялъ противъ Константина. Лишь только увидѣлъ онъ бѣгство Ярославова полка, какъ, подобно своимъ братьямъ, бѣжалъ съ поля битвы, загналъ трехъ коней, а на четвертомъ прискакалъ во Владиміръ, въ одной рубашкѣ, бросивъ даже подкладъ. Между тѣмъ во Владиміръ оставался лишь народъ „не-

¹⁾ Такъ въ Троицк. и Воскр. лѣт. Никон. лѣт. говорить, что Юрій съ братьями потерялъ 17200, не считая пѣшихъ (1) (II, 3321).

²⁾ Троицк. лѣт.: «И ркоша люди о Ярославѣ: яко тобою ся намъ много зла створи, про твою бо преступлоніе крестное рчено бысть: приидѣте, птица небесныя, напятайте крови человѣчскія; звѣрие, наждѣтеся мясъ человѣчскихъ» (стр. 214).

³⁾ Троицк. лѣт., стр. 214; Новг., стр. 34.

⁴⁾ Новг. лѣт., стр. 31: «Новгородѣцъ убиша на състунѣ: Дмитра Пльсковитина, Оптова Котельника, Иванъа Прибышнина опоньника, а въ загонѣ Иванъа Поповица, Сьмьюна Пстриловица Терьскаго давняка». Никон. лѣт. говорить, что побѣдители лишились убитыми 550 человекъ, не считая пѣшихъ; при этомъ будто бы убитъ былъ Іевъ Поповичъ и слуга его Несторъ, весьма храбрые воины, смерть которыхъ оплакивалъ Мстиславъ Мстиславичъ (II, 332).

⁵⁾ Троицк. лѣт., стр. 214.

противный", неспособный защищать города: попы, чернецы, жемы и дѣти. Видя скачущаго всадника, Владимірцы радовались, воображая, что то ячтся посолье отъ князя съ вѣстью о побѣдѣ, и говорили между собою: „Наши одолѣвають“. Оказалось, что то былъ самъ князь ихъ. Юрій, прискакавъ, началъ ѣздить вокругъ города, говоря: „Укрѣпляютъ городъ!“ Владимірцы пришли въ смятеніе; плачь заступилъ мѣсто прежней радости. Къ вечеру начали стекаться во Владиміръ жалкіе остатки прежней сильной рати, кто раненый, кто нагой; этотъ приливъ бѣглецовъ продолжался и ночью. На слѣдующій день Юрій, созвавъ людей, обратился къ нимъ со словами: „Братья Владимірцы, затворимся въ городъ; авось либо отобьемся отъ нихъ“. „Князь Юрій!“ отвѣчали Владимірцы, — „съ кѣмъ же мы затворимся? братья наши избиты, другіе—въ плѣну, а прочіе прибѣжали безъ оружія; съ кѣмъ же мы станемъ?“ „Это я все знаю“, возразилъ Юрій, — „не выдайте только меня ни брату моему Константину, ни Владиміру, ни Мстиславу, чтобы по своей волѣ выйдти мнѣ изъ города“. Владимірцы обѣщали.

Что же дѣлалъ въ это время главный виновникъ поднявшейся борьбы и роковой для Суздальцевъ битвы—Ярославъ? Онъ и въ несчастіи не измѣнилъ своему характеру. „Не довольно было ему еще перваго зла“, говоритъ лѣтопись ¹⁾, — „не насытился еще онъ крови человѣческой, избивъ множество людей въ Новгородѣ, Торжкѣ и Волокѣ“; но умчавшись подобно Юрію съ поля битвы, загнавъ четырехъ коней и лишь на пятомъ прискакавъ въ Переяславль, онъ затворился въ этомъ городѣ и въ безсильной злобѣ, схвативъ Новгородцевъ и Смольнянъ, зашедшихъ въ его область „гостьбою“, по торговымъ дѣламъ, велѣлъ вбросить нныхъ въ погреба, другихъ въ гридницу, а нныхъ въ тѣсную избу, и задушилъ такимъ образомъ 150 человекъ; 15 же Смольнянъ, которые заключены были отдѣльно, остались всѣ въ живыхъ.

Не такъ поступали „милостивые князья племени Ростиславова, добрые къ христіанамъ“, по выраженію лѣтописи ²⁾; ихъ поведеніе представляетъ полный контрастъ жестокому образу дѣйствій Ярослава. Остатокъ дня, въ который произошла битва, они провели на мѣстѣ побоища, а если бы гнались за побѣжденнымъ противникомъ, то не уйдти бы князю Юрію и Ярославу ³⁾, а городъ Владиміръ былъ бы

¹⁾ Троицк. лѣт., стр. 215.

²⁾ Троицк. лѣт., стр. 215.

³⁾ Троицк. лѣт., стр. 215.

взять внезапнымъ нападеніемъ! Мстиславъ, душа всего предпріятія, руководившій князьями и всѣмъ дѣломъ, вѣроятно, употребилъ здѣсь свое благотворное вліяніе, чтобы удержать товарищей отъ излишняго кровопролитія; давъ возможность бѣглецамъ уйти отъ преслѣдованія, онъ избѣжалъ бесполезной рѣзни. Къ тому же, сами побѣдители были утомлены продолжительнымъ походомъ. Медленно двигались они ко Владиміру и, окруживъ его въ воскресенье утромъ (24-го апрѣля), начали думать, откуда бы взять городъ. Здѣсь обнаруживается все великодушіе и рыцарскій характеръ Мстислава: почью въ городъ загорѣлся княжескій дворъ, и Новгородцы хотѣли, воспользовавшись этою минутой, пойдти на приступъ; но Мстиславъ удержалъ ихъ ¹⁾; онъ не желалъ побѣждать, пользуясь несчастіемъ ближнихъ, не желалъ извлекать изъ этого несчастія выгоды для себя; только побѣда въ открытомъ, честномъ бою имѣла для него цѣну и привлекательность. Примѣръ Мстислава долженъ былъ дѣйствовать и на сего товарищей: на другой день, во второмъ часу ночи, загорѣлся снова городъ; пожаръ продолжался до свѣта, и Смоленяне думали воспользоваться этимъ моментомъ для нападенія; но ихъ остановилъ на этотъ разъ Владиміръ Рюриковичъ. Быть можетъ, этотъ двукратный пожаръ не былъ простою случайностью: предположеніе, что онъ былъ произведенъ благопріятелями Константина, не лишено вѣроятія ²⁾.

Юрій ясно видѣлъ невозможность защищать Владиміръ; онъ послалъ къ побѣдителямъ съ челобитьемъ: „Не нападайте на меня сегодня, а завтра я самъ выйду изъ города“. На слѣдующій день, рано утромъ, дѣйствительно, Юрій выѣхалъ изъ города съ двумя братьями ³⁾, поклонился Мстиславу и Владиміру Рюриковичу и, поднеся дары, сказалъ: „Браты, вамъ челою бью, вамъ животъ дати и хлѣба накормити ⁴⁾; а братъ мой Костянтинъ въ вашей воли“. Мстиславъ и Владиміръ заключили миръ съ Юріемъ и управили, т.-е. помирили его съ братомъ Константиномъ; послѣднему данъ былъ Владиміръ ⁵⁾,

¹⁾ И этотъ поступокъ *Татищевъ* приписываетъ Константину, а не Мстиславу.

²⁾ *Соловьевъ*, Ист. Р., II, пр. 412.

³⁾ Троицк. лѣт. (стр. 215); Воскр.: съ 2 синовиями (стр. 123).

⁴⁾ То-есть, дать волю. Троицк. лѣт., стр. 215.

⁵⁾ Троицк. лѣт., стр. 215. По Никою., «великое княженіе Владимірское и Ростовское» (II, 333). Константинъ, какъ извѣстно, еще и до этого былъ княземъ Ростовскимъ.

а Юрію — ничтожный Радлювъ городецъ ¹⁾. Покидая Владиміръ, Юрій вошелъ въ церковь Богородицы, поклонился гробу отца своего и со слезами говорилъ: „Богъ судя брату моему, Ярославъ, что довелъ онъ меня до этого!“ Въ сопровожденіи людей своихъ, своей жены и вѣрнаго епископа Симона ²⁾, не желавшаго покинуть въ несчастіи своего князя, вошелъ Юрій князь по Волгѣ въ новую свою волость. Константинъ же вошелъ во Владиміръ, одарилъ щедро князей и бояръ, а Владиміръцевъ привелъ къ присягѣ.

Между тѣмъ князь Ярославъ, „длина гнѣвомъ и злобю“, не покорялся, но, затворившись въ своемъ Переяславѣ, во видному, рассчитывалъ тамъ удержаться. Тогда князья-вобѣдители, „слушавъ“, вошли къ Переяславу (29-го апрѣля) ³⁾. Ярославъ, услышавъ объ этомъ, пришелъ въ смятеніе и началъ высылать людей съ мольбою о мирѣ, а наконецъ и самъ выѣхалъ на встрѣчу Константину и, ударивъ ему челомъ, сказалъ: „Господишь, я въ твоей волѣ; не выдавай меня ни тестю моему, князю Мстиславу, ни Владиміру, но самъ, братъ, накорми меня хлѣбомъ!“ Такимъ образомъ, настала теперь очередь Константина быть посредникомъ между враждующими, и Мстиславъ, еще не дойдя до Переяслава, заключилъ миръ съ своимъ зятемъ. Когда же князья пришли къ Переяславу, то Ярославъ щедро одарилъ какъ ихъ, такъ и воеводъ. По видному, хотя Мстиславъ Мстиславичъ и заключилъ миръ съ своимъ зятемъ, но въ душѣ онъ еще не примирился съ нимъ: принявъ дары, но не пойдя къ городу, онъ послалъ взять изъ Переяслава свою дочь, Ярославову жену, а также Новгородцевъ, оставшихся въ живыхъ, а самъ расположился становомъ за городомъ. Ярославъ нѣсколько разъ посылалъ къ Мстиславу, моля отнестись къ нему жену — „Чи не бызаетъ вражда княземъ“, говорилъ онъ, — „то ни сяка; по правдѣ ми

¹⁾ По иванію *Архибашев*, «Радлювъ городецъ долженъ быть село Городище, недалеко отъ Гороховца» (Пов. о Росс., 298, пр. 1881).

²⁾ Во время распри Константина и Юрія Ростовъ (въ 1214 г.) составилъ отдѣльную епископію отъ Владиміра и Суздаля. См. *Воскр. лѣт.*: «Постави Константинъ Ростову епископа Пахомія, отца своего духовнаго, въ Кіевѣ у митрополита у Матеѣ; и оттолю раздѣлился нача быти въ Ростовѣ епископъ, а въ Володимери и въ Суздали друій» (стр. 119).

³⁾ Въ Троицк. лѣт.: «въ пятюкъ 3 недѣли по Пасцѣ»; битва же происходила 21-го апрѣля, въ четвергъ 2-й недѣли послѣ Пасхи, слѣдовательно, пятница 3-й недѣли приходилась 29 апрѣля.

крестъ убили!" ¹⁾ Но всѣ мольбы его были тщетны: возмущенный жестокостью своего вяти, не полагаясь на его раскаяніе, Мстиславъ не отпустилъ къ нему своей дочери ²⁾.

Окончивъ борьбу и заключивъ такимъ образомъ миръ, союзники разошлись по своимъ волостямъ, при чемъ Мстиславъ ушелъ въ Новгородъ. Князья возвращались, говорить лѣтопись ³⁾, „побѣдивъ сильные полки, взявъ свою честь и славу“.

Такъ окончилась славная Липецкая битва, и таковы были ближайшія ея слѣдствія. Среди незначительныхъ стычекъ, мелкихъ усобицъ и раздоровъ, которыми такъ богата исторія нашей удѣльно-вѣчевой Руси, битва эта ярко выдается личностью своего главнаго героя, Мстислава, числомъ князей и количествомъ силъ, участвовавшихъ въ ней; здѣсь столкнулись южная Русь и сѣверная, изъ которыхъ та и другая имѣла свои отличительныя особенности, и побѣда осталась за первою. Но конечно, бой на рѣкѣ Липицѣ не принадлежитъ къ тѣмъ знаменитымъ битвамъ, которыя составляютъ поворотное событіе, рѣшаютъ судьбу народа и на многіе вѣка запечатлѣваются въ его памяти. Прочныхъ и видимыхъ результатовъ эта побѣда Мстислава не принесла съ собою. Такъ-какъ заключенный послѣ нея миръ коснулся, главнымъ образомъ, части Суздальской области и Новгорода, то укажемъ вкратцѣ на ихъ судьбу, чтобы уяснить себѣ значеніе и слѣдствія побѣды, одержанной Мстиславомъ.

Уже въ 1217 г., то-есть, спустя годъ послѣ Липецкой битвы, Константинъ добровольно уступилъ Юрію Суздаль, а послѣ своей смерти общалъ и Владиміръ. Можетъ быть, этимъ онъ хотѣлъ обезпечить за собою пожизненное обладаніе Владиміромъ, а за дѣтьми своими—Ростовъ и Ярославль ⁴⁾. Какъ бы то ни было, но лишь только въ 1218 г. умеръ Константинъ, какъ Юрій сдѣлался снова Владимірскимъ княземъ, и такимъ образомъ Суздальская земля пришла почти въ то же положеніе, въ какомъ она находилась до Липецкой битвы.

Также, по видимому, никакихъ прочныхъ результатовъ не доста-

¹⁾ Троицк. лѣт. (стр. 215). Въ Никои. говорится: «... но убо нынче каюса воистину», на что Мстиславъ отвѣчаетъ: «услышимъ и разумѣемъ, аще есть истинное покаяніе твое» (II, 334).

²⁾ По *Татищеву*, Мстиславъ взялъ свою дочь отъ Ярослава потому, что «тотъ имѣлъ ея не яко жену, но яко рабу, и наложницы ею ругаются» (Ист. Р., III, 400).

³⁾ Троицк. лѣт., стр. 215.

⁴⁾ *Сергиевичъ*, В. и кн., 301.

вила побѣда Мстислава и Новгороду. На первый взглядъ кажется, что она не внесла рѣшительно никакихъ измѣненій ни во внутренней строй Новгородской жизни, ни въ отношеніи Новгорода къ князьямъ: и послѣ этого мы видимъ здѣсь тѣ же волненія и смуты, ту же борьбу партій; Новгородцы снова обращаются къ Суздальскимъ князьямъ, и жестокій Ярославъ снова дѣлается ихъ княземъ. Такъ думаетъ, наприимѣръ, Соловьевъ. Но если Липецкая побѣда не принесла матеріальныхъ выгодъ Новгороду или не повлекла за собою измѣненій въ его быту, то во всякомъ случаѣ она имѣла для него большое правственое значеніе ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, Новгородцы, имѣя во главѣ удалаго Мстислава, блестящимъ образомъ защищаютъ свою независимость, отстаиваютъ свои права и даже, проникая внутрь самой Суздальской земли, вмѣстѣ съ своимъ княземъ рѣшаютъ судьбу той именно области, отъ которой они должны были находиться въ роковой, неизбѣжной зависимости и князья которой еще такъ недавно и такъ самоуправно распоряжались ими. Безъ сомнѣнія, такая пора не могла пройти безслѣдно для Новгорода. Побѣдою утвердилъ онъ за собою право на то, что до тѣхъ поръ прибрѣталось, главнымъ образомъ, благодаря лишь усобицамъ князей и тому подобнымъ обстоятельствамъ; съ оружіемъ въ рукахъ онъ отстаивалъ свою вольность, которая отнынѣ дѣлается вполнѣ законнымъ его достояніемъ. Понятно, какъ все это должно было поднять духъ Новгородцевъ; съ новою, еще большею силою пробудилось въ нихъ сознаніе своихъ правъ, свободы и независимости.

Вотъ результаты той побѣды, которою Новгородцы обязаны были удалому Мстиславу. Какую же роль въ ней играетъ ея главный герой, виновникъ торжества Новгородцевъ — Мстиславъ? Возстановляетъ ли и здѣсь онъ старый порядокъ, защищаетъ ли старую Русь? Въ своей „Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикава дома“ Соловьевъ, по поводу борьбы Юрія съ Константиномъ, замѣчаетъ: „На помощь старому князю, который преслѣдовалъ интересы стараго города, явился, какъ и слѣдовало ожидать, представитель старой Руси — Мстиславъ“ ²⁾. Слова эти, надо сказать, представляютъ дѣло совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ это было въ дѣйствительности: прямой выводъ изъ нихъ тотъ, что въ разсматриваемой нами борьбѣ цѣлью Мстислава была защита старшаго изъ Все-

¹⁾ Костомаровъ, Русс. ист. въ жизнеоп., 101.

²⁾ Стр. 257.

володовичей, Константина. Мы уже видѣли, что вызвало на самомъ дѣлѣ Удалаго на борьбу съ Ярославомъ и Юріемъ: исключительно интересы Новгорода, освобожденіе его отъ притѣсненій Ярослава, возстановленіе его прежняго значенія и свободы — вотъ что первоначально имѣлъ въ виду Мстиславъ ¹⁾. Онъ самъ ясно высказалъ цѣль войны и указалъ, съ кѣмъ онъ борется: „Пойдемъ“, говорилъ онъ Новгородцамъ, „пойщемъ мужей своихъ, вашей братьи, и волости своей; да не будетъ Новый Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ!“ а устами сотскаго Ларіона онъ прямо заявляетъ Юрію: „клянемся, пѣту съ тобою обиды, обида намъ съ Ярославомъ“.

Поэтому, пока не былъ затронутъ Новгородъ, Мстиславъ не вмѣшивался въ распрю Константина съ Юріемъ и спокойно смотрѣлъ на то, какъ послѣдній владѣетъ Владиміромъ. Слѣдовательно, не защита правъ Константина подвинула Удалаго на борьбу съ младшими Всеволодовичами и не она была его главною цѣлью. Въ дѣйствительности союзъ Мстислава съ старшимъ Всеволодовичемъ объясняется слѣдующимъ образомъ: Ростовскій князь примкнулъ къ Удалому, рассчитывая воспользоваться даннымъ моментомъ для пріобрѣтенія Владиміра; ихъ союзъ основанъ на общности интересовъ, обусловливаемой враждою къ однимъ и тѣмъ же князьямъ: Мстиславъ борется съ Ярославомъ, на сторонѣ котораго—Юрій, а этотъ послѣдній—врагъ Константина. Но и здѣсь видно, что главныя цѣли того и другаго, Мстислава и Ростовскаго князя, нѣсколько различны между собой, не вполне совпадаютъ одна съ другой. Выразилось это уже въ томъ, что Удалой считаетъ нужнымъ взять вторично крестное цѣлованіе съ Константиномъ въ ненарушимости ихъ союза. Далѣе, Ростовскій князь считаетъ своимъ противникомъ преимущественно Юрія, причемъ Мстиславъ является между ними посредникомъ; наоборотъ, главный врагъ Новгородскаго князя — Ярославъ, и примирителемъ здѣсь является старшій Всеволодовичъ. Съ другой стороны, странно, что Константинъ, этотъ, по мнѣнію Соловьева, защитникъ правъ стараго города, садится во Владимірѣ, а Мстиславъ, представитель, по словамъ того же автора, старой Руси и старыхъ порядковъ, помогаетъ ему овладѣть младшимъ городомъ и устраиваетъ дѣло такимъ образомъ, что Юрію достается лишь ничтожный Радилонъ городецъ. Такое усиленіе старшаго брата на счетъ младшаго—признакъ вовсе не прежнихъ понятій и порядковъ ²⁾; обстоятельство

¹⁾ *Сержевичъ*, В. и ин., 227, 301; *Пассекъ*, Княж. и докняж. Русь, 10.

²⁾ Даже самъ *Соловьевъ* замѣчаетъ это въ *Ист. Росс.*, II, 359.

это, напротивъ, можетъ служить знакомъ появленія новыхъ представлений и зародыша новаго строя.

Такимъ образомъ, остается видѣть представителя старины въ Мстиславѣ, какъ героя Липецкой битвы, лишь потому, что онъ является здѣсь противникомъ возвышенія Торжка, возстановителемъ значенія и самостоятельности Новгорода, защитникомъ областной независимости, такъ какъ именно это, повторяемъ, было главною цѣлью борьбы, начатой имъ съ Ярославомъ. Но и это, въ свою очередь, не даетъ намъ полнаго основанія считать Мстислава ревностнымъ борцемъ за старину и возстановителемъ стараго порядка. Въ то время еще не было и мысли о томъ, что отдѣльныя области не имѣютъ права на самостоятельное существованіе, что онѣ путемъ подчиненія должны слиться въ одно цѣлое; въ ту пору областная независимость была идеей вполне современной, новыя понятія еще не выработались; а потому и за защиту Новгорода мы не вправе называть Мстислава возстановителемъ стараго порядка. Если въ данномъ случаѣ Удалой и является человекомъ старины, то только со стороны своего личнаго характера: здѣсь онъ вполне показалъ себя храбрымъ витяземъ, глубоко уважающимъ семейныя связи, исполненнымъ братской любви, сознающимъ родство всѣхъ князей и напоминающимъ о немъ ¹⁾ надѣющимся склонить противниковъ въ миру, — человекомъ, думающимъ, что братолюбіе можетъ еще служить сдерживающимъ началомъ въ княжескихъ отношеніяхъ, что оно можетъ регулировать ихъ; словомъ, и здѣсь Мстиславъ является вполне княземъ дружины, а не главой и правителемъ государства или области. Удалой и въ этой борьбѣ показалъ себя такимъ же соборникомъ правды, защитникомъ слабыхъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Ярославъ злоупотребляетъ своимъ положеніемъ, угнетаетъ Новгородцевъ и этимъ вооружаетъ противъ себя Мстислава, который, увидѣвъ, что мирныя предложенія ни къ чему не ведутъ, идетъ смѣло на врага, полный вѣры въ свою правоту и въ силы своего предпріятія: „а и въ мнѣ Богъ, и въ малѣ Богъ, и правда“, говоритъ онъ Новгородцамъ. Противоположность противниковъ, Удалаго и младшихъ Всеволодовичей, выразилась и на канунѣ самой битвы: Мстиславъ предлагаетъ Юрію и Ярославу миръ съ условіемъ, чтобы были возстановлены права Кон-

¹⁾ Троицк. лѣт. (стр. 212): «Мы пришли есмь, брате князь Юрьи и Ярославе, не на кровопролитіе, крови не дай Богъ створити, да до того управимся; мы есмь племеници себѣ»; въ Воскр.: «едино бо есмь племя» (стр. 121).

стантина; но тѣ никакихъ правъ знать не хотѣтъ и основываются лишь на силѣ: „Одолѣй насъ, — и тебѣ вся Суздальская земля“, поручаютъ они передать Константину.

Липецкая побѣда возвела Мстислава на вершину славы. Никто еще не наносилъ такого удара и пораженія сѣверо-восточнымъ князьямъ, не проникалъ въ самую глубь Суздальской области, не распоряжался такъ безпрекословно ея участью. То была лучшая пора во всей дѣятельности Удалаго; никогда уже не пользовался онъ такимъ вліяніемъ и уваженіемъ, какъ въ то время. Въ этой борьбѣ съ младшими сыновьями Всеволода Мстиславъ является во всемъ своемъ блескѣ и проявляетъ свои блестящія качества въ самомъ яркомъ свѣтѣ.

Мы сказали уже, что Мстиславъ, окончивъ дѣла въ Суздальской области, возвратился въ Новгородъ. Тотчасъ же произошла смѣна посадника. Мы видѣли, что въ послѣднее время посадникомъ былъ Юрій Иванковичъ, въ которомъ, не безъ основанія, видѣтъ сторонника Суздальскихъ князей; теперь у него было отнято посадничество и передано Твердиславу Михалковичу, доказавшему уже свое расположеніе къ Мстиславу во время похода Новгородцевъ противъ Всеволода Чермнаго.

Удалой не долго оставался на сѣверѣ. Въ 1217 г., оставивъ въ Новгородѣ свою жену и сына, онъ ушелъ въ Кіевъ, вѣроятно, по поводу галицкихъ дѣлъ; можно думать, что уже тогда онъ готовился къ походу на Галичъ, которымъ владѣли въ то время Угры ¹⁾. Уходя изъ Новгорода, Мстиславъ взялъ съ собою бывшаго посадника Юрія Иванковича и двухъ бояръ: Сбыслава Степановича и Олексу Путиловича. Поэтому, есть основаніе предполагать, что въ Новгородѣ еще не окончательно пала суздальская партія; вѣроятно,

¹⁾ См. *Куника* замѣчанія въ *Зап. Ак. Н. по I и III отд.*, II, стр. 750. Въ этому-то времени, несомнѣнно, нужно отнести извѣстіе *Татищева* подъ 1216 г. По словамъ *Татищева*, Мстиславъ отправился въ Кіевъ для совѣщаній съ Мстиславомъ Романовичемъ. Князья отправили пословъ къ Угорскому королю Коломану съ требованіемъ не притѣснять православныхъ. Коломанъ отвѣтилъ послу, что слухъ о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ православными, — клевета, и требовалъ, чтобы ему указали жаловавшихся. Посолъ этого «учинить не смѣлъ, но уличалъ Венгровъ изгнаніемъ русскаго епископа и отнятіемъ церкви, обаче ничего не учиня возвратился, а Мстиславъ Мстиславичъ возвратился къ Новгороду», причемъ не засталъ дома новгородскаго войска: оно ходило въ Ливонію (*Ист. Росс.*, III, 401—402).

Удалой, не полагаясь на непостоянныхъ Новгородцевъ, взялъ указанныхъ лицъ въ качествѣ заложниковъ за безопасность своей жены и сына ¹⁾). Лѣтопись, умалчивая объ обстоятельствахъ, призывавшихъ Мстислава въ Кіевъ, ни слова не говоритъ и о дѣятельности его въ Приднѣпровьѣ. Удалой въ томъ же году возвратился въ Новгородъ ²⁾). Здѣсь въ источникахъ мы находимъ новое указаніе на то, что у Мстислава были враги въ Новгородѣ ³⁾), которые, вѣроятно, не преминули воспользоваться его отсутствіемъ. Только сдѣлавъ такое предположеніе, мы можемъ объяснить себѣ извѣстіе Новгородской лѣтописи, по словамъ которой Мстиславъ, тотчасъ по своемъ возвращеніи, схватилъ Станислава Дерновича съ сыномъ его, Нѣздилю, заключилъ ихъ въ оковы и взялъ ихъ имѣніе, а потомъ отпустилъ этихъ лицъ на волю; въ слѣдующемъ же (1218) году Новгородскій князь, придя въ Торжокъ, схватилъ Борнслава Некурушинича и, также отнявъ у него богатое имѣніе, освободилъ. Въ Торжкѣ Мстислава постигло семейное горе: заболѣлъ сынъ его, Василій, и уже мертвымъ былъ привезенъ въ Новгородъ, гдѣ его похоронили въ церкви св. Софіи, въ головахъ славнаго дѣда его, Мстислава Храбраго.

Но и на этотъ разъ не долго оставался Мстиславъ въ Новгородѣ: въ томъ же 1218 г. онъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и обратился къ Новгородцамъ съ прощальными словами: „Кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего и вамъ! Хочу поискать Галича, а васъ не забуду. Дай Богъ лечь подлѣ отца моего, въ св. Софіи“. Но не суждено было исполниться этому желанію Удалаго: онъ не видѣлъ болѣе Новгорода. Тщетно умоляли его Новгородцы: „не ходи, князь!“— Мстиславъ ушелъ въ южную Русь, чтобы идти затѣмъ освобождать Галичъ, находившійся въ рукахъ Угровъ. Живой, дѣятельный характеръ, стремившійся постоянно къ новымъ подвигамъ, желаніе

¹⁾ *Соловьева* Ист. Росс., II, 361; *Костомарова* Русск. ист. въ жизнеоп., 113.

²⁾ Во время отсутствія Мстислава Новгородцы съ Владиміромъ Псковскимъ ходили на Литву и на Чудь, подъ Медвѣжью Голову. Новгородцы стали подъ городомъ, а Чудь прислала къ нимъ съ поклономъ, пославъ въ то же время къ Нѣмцамъ за помощью. Когда Новгородцы на вѣчѣ обсуждали предложеніе Чуди, Нѣмцы напали на нихъ обозъ; тогда Новгородцы, прибѣжавъ съ вѣча, схватили оружіе и выбили непріятеля изъ обоза, причѣмъ ими убиты были 2 воюды, а третій взятъ въ плѣнъ, и, кромѣ того, захвачено 700 коней. См. Новг. лѣт., стр. 35.

³⁾ *Соловьева* Ист. Росс., II, 362.

освободить русскую область отъ господства иноплеменниковъ, — все побуждало Удалаго къ этому предпріятію.

Таковы были отношенія Мстислава къ Новгороду. По вѣрному замѣчанію г. Костомарова ¹⁾, „ни одинъ князь не сдѣлалъ того для Новгородцевъ, что сдѣлалъ для нихъ Мстиславъ Удалой“. Въ годину бѣдствій онъ былъ ихъ защитникомъ, охранителемъ ихъ правъ, и, благодаря ему, эти права получили новое освященіе — побѣду оружіемъ; сознаніе своей вольности окрѣпло въ средѣ Новгородцевъ. Словомъ, что только принесла имъ Липоцкая битва, всѣмъ этимъ они обязаны Мстиславу. Кляженіе Мстислава въ Новгородѣ было, по истинѣ, блестящей и лучшей порой во всей исторіи этого города. Въ это время Новгородъ дѣлается, такъ-сказать, центромъ исторической жизни тогдашней Руси; отъ его князя зависитъ рѣшеніе участи другихъ областей. Съ Мстиславомъ во главѣ, Новгородцы восстанавливаютъ гонимыхъ Ростиславичей на югѣ, а одержавъ побѣду при Липицѣ, нарушаютъ завѣщаніе Всеволода III и распоряжаются судьбой самой Суздальской области, князья которой такъ освятельно давали имъ чувствовать свою силу. Словомъ, никогда, ни прежде, ни послѣ Мстислава, Новгородъ не стоялъ на такой высотѣ. Даже внутренняя жизнь его при Удаломъ текла болѣе спокойно. Правда, у Мстислава были недоброжелатели и противная партія, но при немъ мы не видимъ того бурнаго вѣча, тѣхъ смуть и раздоровъ, доходящихъ до вооруженнаго столкновенія, которые были такъ часты при другихъ Новгородскихъ князьяхъ. Можно сказать, что въ общемъ народъ является довольно единодушнымъ, и уже одно это обстоятельство достаточно говорить въ пользу Мстислава. Но новаго начала Удалой не внесъ въ новгородскую жизнь, не измѣнилъ ея строя и не устранилъ ея недуговъ, а потому, лишь только онъ удалился изъ Новгорода, какъ тамъ снова начались безпрестанныя смуты, изгнанія и смѣны князей.

В. Вузесмуль.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

---

¹⁾ Русск. ист. въ живоп., 113.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХХVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.

1883.

СОДЕРЖАНІЕ

С О Д Е Р Ж А Н І Е

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Франція и Россія при Петрѣ Великомъ. . . . . А. Бужинскаго.
Князь Горонецкій Мстиславъ Мстиславичъ. . . . . Вл. Бузескула.
Вопросъ о Кельтахъ. . . . . В. Васильевского.

Критика и библиографія:

- Коллегія въ древнемъ Римѣ. Ю. Кулаковскаго. Кіевъ. 1882. . . . . И. Помыковскаго.
Исслѣдованіе ряда вопросов по государственнымъ древностямъ Аенн. Р. Стемпловскаго. Варшава. 1882. . . . . В. Латышева.
Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Д. Кобеко. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1883. . . . . Д. Корсакова
Specimina linguae paleoslavonicae. Edidit V. Jagić. С.-Пб. 1882.—Сборникъ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи. А. Смирнова. Варшава. 1882. . . . . А. Соболевскаго.
Сборникъ статей по славяновѣдѣнію къ юбилею В. И. Ламанскаго. С.-Пб. 1883. . . . . А. Павловскаго.
Еще о туранизмѣ въ славянской исторіи. . . . . Д. Иловайскаго.
Очерки западно-европейской историографіи . . . . . П. Виноградова.

Чествованіе памяти митрополита Московскаго Макарія въ Самарѣ.

Императорское Русское Географическое Общество въ 1882 году.

Нынешнее состояніе народнаго образованія у Волгарь. . . . . П. Сырку.

Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

(См. на 3-й стр. обертки).

КНЯЗЬ ТОРОПЕЦКІЙ МСТИСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЪ ¹⁾.

III.

Отношенія Мстислава Мстиславича къ Галичу важны для характеристики Удааго, съ одной стороны, какъ нравственной личности, а съ другой—какъ историческаго дѣятеля, какъ представителя извѣстныхъ историческихъ началъ. До сихъ поръ Мстиславъ являлся намъ во всемъ блескѣ, и мы видѣли пока только его достоинства и блестящія качества; теперь же предъ нами обнаружатся преимущественно обратная сторона его характера, его слабости и недостатки. Кромѣ того, здѣсь мы можемъ яснѣе видѣть, что Мстиславъ не былъ представителемъ исключительно стараго порядка вещей, восстановителемъ старины: мы увидимъ, что, напротивъ, онъ, поддаваясь вліянію окружающей среды, шелъ иногда совершенно въ разрѣзъ съ старинными понятіями.

Галицкая область во многихъ отношеніяхъ представляетъ оригинальное и любопытное явленіе въ нашей исторіи. Край этотъ, расположенный по Днѣстру и уже самою природою предназначенный къ нѣкоторому обособленію, находясь на рубежѣ Русскаго міра, соприкасаясь съ Венгріей и Польшею, издавна, конечно, долженъ былъ подвергнуться иноземнымъ вліяніямъ, тѣмъ болѣе, что Венгры и Поляки были не только сосѣдями, но и частыми посѣтителями и даже распорядителями ²⁾ этой русской окраины. Это обстоятельство отразилось, между прочимъ, на явленіи, которое составляетъ особенность Галича и не можетъ не броситься въ глаза. Я говорю о раз-

---

¹⁾ *Окончаніе*. См. июньскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Венгерскій король Бела въ своихъ грамотахъ употреблялъ даже титулъ короля Галицкаго (съ 1190 г.). *Карамзинъ*, III, 49.

витіи здѣсь аристократическаго элемента. Правда, боярство здѣсь не составляло отдѣльнаго, вполне замкнутаго сословія; тѣмъ не менѣе мы замѣчаемъ постоянное и могущественное вліяніе его на ходъ дѣлъ, между тѣмъ какъ народная масса ступшевывается, отстываетъ на задній планъ, такъ что въ Галичѣ мы не видимъ того вѣча, на которомъ, наравнѣ съ бояриномъ, играетъ роль всякій свободный человѣкъ, и которое присуще остальной до-Татарской Руси. Если въ Новгородѣ власть князя ограничивалась, главнымъ образомъ, вѣчемъ, какъ выраженіемъ воли всего населенія, то здѣсь, въ Галичѣ, она находитъ себѣ ограниченіе и стѣсненіе въ силѣ бояръ. Вспомнимъ, на примѣръ, какъ распорядилась галицкая аристократія съ любовницею такого могущественнаго князя, какимъ былъ Ярославъ Осмомыслъ. Безъ сомнѣнія, на развитіе аристократическаго элемента въ Галичѣ вліяли со-сѣднія Польша и Венгрія съ своими магнатами. Но, кромѣ того, здѣсь дѣйствовали и чисто-внутреннія причины, въ свою очередь обуславливаемыя другими особенностями Галича. Мы уже замѣчали, что тѣ стремленія къ собственности и къ усиленію своего княжества, которыя Соломонъ приписываетъ сѣвернымъ князьямъ, въ Галичѣ появились еще ранѣе. Галицкій князь можетъ быть вполне типомъ собственника, вотчиннаго владѣльца; большею частью онъ не покидаетъ своего стола ради какого-нибудь другаго, не переходитъ съ мѣста на мѣсто, а держа въ своемъ потомствѣ Галичъ, заботится объ усиленіи своей области. Еще съ конца XI в. послѣдняя обособилась и сдѣлалась вотчиной Ростиславичей (Рюрика, Василька и Володаря). Впослѣдствіи, благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ и своей хитрости, сынъ Володаря, Владимірко, соединилъ подъ своею властью всю Галицкую область и приобрѣлъ большое значеніе между Русскими князьями; сынъ и преемникъ его, Ярославъ Осмомыслъ, продолжалъ политику своего отца. При нихъ Галичъ является могущественнымъ княжествомъ, съ однимъ княземъ во главѣ. Ува-завныя обстоятельства не могли не отразиться на положеніи дружинниковъ, которые, подобно князьямъ, въ свою очередь, стали здѣсь осѣдлыми, начали приобретать земельную собственность, и такимъ образомъ дружина изъ княжеской, переходящей вмѣстѣ съ своимъ княземъ изъ одной области въ другую, какъ это было въ остальной Руси, обратилась въ Галичѣ въ мѣстную и землевладѣльческую ¹⁾.

¹⁾ О галицкихъ боярахъ см. *Соловьева* Ист. отн. и русск. кн. Рюр. дома, 243; Ист. Р., III, 16; *Костомарова* Ист. мон. и вѣсл., I, 242—4; *Гильфердинга* Соч., II, 433; *Бестужева-Рюмина* Р. ист., 184, 212.

Само собой разумѣется, что преобладаніе и могущество болгарскаго сословія въ Галичѣ должно было вредно отзываться на внутреннею спокойствіи страны, тѣмъ болѣе, что сосѣди, Венгры и Поляки, пользовались галицкими смутами для своихъ выгодъ. Такъ было, напримѣръ, при преемникахъ Ярослава Осмомисла, Олегъ „Настасъичъ“ и Владиміръ Ярославичъ. Наконецъ, Галичень овладѣлъ Романъ Волынской. Этотъ мужественный князь, одаренный сильною волей и умомъ, возвелъ Галицкое княжество до высокой степени могущества и безпощадно давилъ боярство. Но въ 1205 г. ¹⁾, вмѣшавшись въ польскія междоусобія, онъ былъ убитъ. Послѣ него осталось два сына—четырехлѣтній Давидъ и двухлѣтній Василько. Не смотря на такое малолѣтство Романовичей, Галичане присягнули имъ: такъ обичень былъ въ Галичѣ переходъ стола отъ отца по прямой линіи къ сыну ²⁾.

Остановимся на общемъ ходѣ галицкихъ событій отъ смерти Романа Мстиславича до прибытія въ Галичъ Удалаго ³⁾. Это уяснить намъ обстоятельства, вызвавшія вмѣшательство Мстислава, и вывѣсть съ тѣмъ, прольетъ нѣкоторый свѣтъ на особенности той среды и тѣхъ условій, которыми окруженъ былъ здѣсь Удалой.

Понятно, что смерть Романа и малолѣтство его дѣтей должны были вызвать съ новою силою замѣшательства въ Галичѣ. Опять поднимаетъ голову боярство, съ своими интригами, взаимною борьбой и соперничествомъ, призывающее къ себѣ въ князья въ своекорыстныхъ видахъ то то, то другое лицо; сосѣди, Венгры и Поляки, вмѣшваются въ галицкія смуты, а Русскіе князья, въ свою очередь, выступаютъ съ своими притязаніями и даже являются первыми искателями Галича. Лишь только умеръ Романъ, какъ Рюрикъ Ростиславичъ въ союзѣ съ Ольговичами и съ Половцами пошелъ на Галичъ; но тамъ уже былъ венгерскій гарнизонъ, такъ какъ Андрей Угорскій ⁴⁾ по смерти Романа видѣлся въ Саноцѣ ⁵⁾ съ его вдовою, „принялъ Давида какъ милого сына“, говоритъ лѣтопись ⁶⁾,—и далъ

¹⁾ Такъ въ Воскр. и Тверск., по Лавр.—въ 1206 г., по Ипатьевск.—въ 1201 г.; хронологія послѣдней совершенно невѣрна.

²⁾ Ср. замѣчанія *Зубрицкаго* въ Ист. древн. Гал.-Русск. кн., ч. 3, стр. 32.

³⁾ Главный источникъ—Ипатьевск. лѣт., а также Воскр. и Лавр.

⁴⁾ Вывшій, по *Архибишоу*, внучатымъ братомъ Романа Мстиславича, такъ какъ его дѣдъ, Гейза III, женатъ былъ на бабу Романовой (См. Пов. о Р., 270, пр. 1679).

⁵⁾ Саноцъ—городъ въ Галиціи, на рѣкѣ Санѣ (см. *Архиб.* 125, пр. 806).

⁶⁾ Лѣт. по Ип. сн., 480.

ему въ помощь отрядъ Венгровъ. Рюрикъ возвратился ни съ чѣмъ. Но въ 1206 г. ¹⁾ онъ вмѣстѣ съ Ольговичами и другими князьями, а также и съ Половцами, пошелъ снова на Галичъ, а Ляхи между тѣмъ, съ своей стороны, двинулись на Владиміръ Волынской. Вмѣшательство Венгерскаго короля остановило движеніе тѣхъ и другихъ. Галицкіе же бояре, можетъ быть, желая имѣть у себя взрослога князя, тайно послали къ одному изъ Ольговичей, Владиміру Игоревичу, приглашая его къ себѣ на столъ. Тайкомъ отъ остальныхъ Русскихъ князей, Владиміръ прибылъ въ Галичъ, а братъ его Романъ сѣлъ въ Звенигородѣ. По какому праву Игоревичи занимаютъ Галичъ? Правда, они были въ родствѣ съ прежнимъ Галицкимъ княземъ Ярославомъ: мать ихъ, извѣстная Ярославна „Слова о полку Игоревѣ“, была дочь Ярослава; но въ данномъ случаѣ играли роль не права, не эта родственная связь ²⁾, а лишь воля бояръ. Затѣмъ Игоревичи, при содѣйствіи „безбожныхъ Галичанъ“ ³⁾, овладѣваютъ даже отчиной Даниилова отца—Владиміромъ Волынскимъ. Несчастливая Романова вдова вмѣстѣ съ дѣтьми принуждена искать пріюта у врага своего мужа, Польскаго князя Лешка. Дары Владиміра Игоревича предупредили вмѣшательство Венгровъ и Ляховъ, и такимъ образомъ Игоревичи на нѣкоторое время утвердились въ Галицкой области. Но вскорѣ въ средѣ ихъ самихъ возникаетъ усобица; Романъ съ помощью Угровъ овладѣваетъ Галичемъ, а Владиміръ бѣжитъ въ Путивль ⁴⁾. Впрочемъ, и Роману не долго пришлось владѣть Галичемъ: въ 1210 г. ⁵⁾ Андрей, узнавъ о „беззаконіи Галицкомъ и мятежѣ“, какъ неопредѣленно выражается Ипатьевская лѣтопись ⁶⁾—послалъ въ Галичъ своего вельможу Бенедикта; послѣдній неожиданно захватилъ Романа въ ту минуту, когда тотъ, ничего не зная объ опасности, мылся въ банѣ, и отправилъ его въ Венгрію. Настаетъ тяжелое для Галича господство Венгровъ ⁷⁾. Глава ихъ, Бенедиктъ „Томитель“, какъ называетъ его лѣтопись ⁸⁾,—производилъ

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 406; Воскр., 112.

²⁾ Которая въ сущности даже и не имѣла значенія: происхожденіе по женской линіи не давало права на столъ въ древней Руси.

³⁾ Лѣт. по Ип. сп., 481.

⁴⁾ Лѣт. по Ип. сп. (482); Воскр. (116).

⁵⁾ Воскр., 117.

⁶⁾ Лѣт. по Ип. сп., 483.

⁷⁾ Лѣт. по Ип. сп., 483.

⁸⁾ Къ этому времени, можетъ быть, относится и княженіе въ Галичъ Ростислава Рюриковича, о которомъ упоминаетъ Воскр. лѣт. (стр. 117).

всевозможныя насилія, такъ что бояре, сами же, безъ сомнѣнія, призвавшіе Угровъ, теперь обращаются сначала къ Мстиславу Пересопницкому ¹⁾, а затѣмъ къ Игоревичамъ, съ раскаяніемъ моля освободить ихъ отъ „Томителя“ Бенедикта. Тогда Игоревичи снова овладѣваютъ Галицкою областью, при чемъ Владиміръ по прежнему занимаетъ Галичъ, а Романъ, успѣвшій между тѣмъ возвратиться изъ Венгріи, получаетъ Звенигородъ; къ Андрею же Угорскому отправлены были дары, чтобы предупредить враждебныя дѣйствія съ его стороны. Но главный источникъ внутреннихъ смуть въ Галичѣ—сила бояръ—существовалъ по прежнему, и Игоревичи не считали себя въ безопасности до тѣхъ поръ, пока не будетъ сломлена эта сила. Задумавъ однимъ ударомъ уничтожить галицкое боярство, Игоревичи избрали самое гнусное и притомъ самое рискованное средство: воспользовавшись удобнымъ случаемъ, они избилъ 500 знатнѣйшихъ Галичанъ ²⁾. Но понятно, что перебить всѣхъ бояръ было не возможно: многіе успѣли спастись бѣгствомъ, въ томъ числѣ Владиславъ, Судиславъ и Филиппъ. Эти бѣглецы прибыли къ королю Андрею и просили у него себѣ въ князья малоолѣтнаго Данила, находившагося въ то время въ Венгріи. Андрей не только отпустилъ въ Галичъ Данила, но и далъ для содѣйствія ему отрядъ Венгровъ, подъ начальствомъ дворскаго Пота. Теперь обпаружились послѣдствія гнуснаго поступка Игоревичей: злодѣйство это, не принеся имъ пользы, во многихъ мѣстахъ только оттолкнуло отъ нихъ населеніе. Упомянутые бѣглецы съ Даниломъ овладѣли Перемишлемъ и Звенигородомъ, взяли въ плѣнъ Романа и заняли самый Галичъ, изъ котораго Владиміръ Игоревичъ успѣшилъ бѣжать. Данилъ былъ посаженъ „на столъ отца своего“, а ожесточенные Галичане убѣдили Венгровъ отдать имъ на повѣшеніе троихъ плѣнныхъ Игоревичей, которыхъ они, дѣйствительно, и повѣсили ³⁾: случай почти небывалый въ нашей древней исторіи; въ удѣльный періодъ мы встрѣчаемъ только одинъ аналогичный примѣръ народной расправы съ княземъ, это—убіеніе Игоря Ольговича Кіевлянами.

¹⁾ Мстиславъ, по прованію Нѣмий, сынъ Ярослава Изяславича Луцкаго.

²⁾ Лѣт. по Ил. сп., стр. 484.

³⁾ Лѣт. по Ил. сп., стр. 486; Воскр. подъ 1211 г., стр. 117. Навон. говоритъ, что Галичане сначала хотѣли отправить Игоревичей, но когда это не удалось, то они принесли Угровъ, схватили князей «и много баша ихъ, по уламъ водили ихъ, и повѣшаша ихъ всѣхъ и з женами и з детьми ихъ» (II, 310).

Заранѣе можно было предвидѣть, что малолѣтній Даниилъ не продержится долго въ Галичѣ среди смуть и интригъ корыстныхъ бояръ. Послѣдніе, съ Владиславомъ во главѣ, прежде всего не допустили, чтобы Даниилова мать пользовалась властью и вліяніемъ, и принудили ее, оставивъ сына въ Галичѣ, уйти въ Бельзъ. Это вызвало вмѣшательство Андрея Венгерскаго, который, прійдя съ Романовою вдовою въ Галичъ, заковалъ въ цѣпи Владислава и отправилъ его въ Венгрію, а другой знатный бояринъ, Судиславъ, лишь золотомъ отвратилъ отъ себя подобную же участь. Но тогда Владиславовы братья призываютъ Мстислава Пересопницкаго, и Даниилъ вмѣстѣ съ своею матерью бѣжитъ въ Венгрію. Король уже готовъ былъ снова идти на Галичъ, когда мятежъ собственныхъ вельможъ заставилъ его возвратиться назадъ ¹⁾). Между тѣмъ шедшій впереди съ Галичанами Владиславъ, уже успѣвшій освободиться изъ заключенія ²⁾), вѣхавъ въ Галичъ, „воняжился и сѣлъ на столъ“ ³⁾): явленіе непримѣрное въ нашей древней Руси, гдѣ всѣ князья происходили изъ особаго рода, гдѣ не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы какой-нибудь бояринъ, хотя бы и знатный, рѣшился занять княжескій столъ. Фактъ этотъ служитъ явнымъ свидѣтельствомъ, какъ вообще оригинальнаго быта Галича, такъ и силы его боярства; онъ лучше всего показываетъ несправедливость мнѣнія, будто бояре галицкіе не имѣли никакого особеннаго значенія и ничѣмъ не отличались отъ бояръ остальной Руси ⁴⁾). Теперь, когда Владиславъ воняжился въ Галичѣ, Даниилъ изъ Венгрии уходитъ въ Польшу къ Лешку, а потомъ въ Каменецъ. Польскій князь помогъ ⁵⁾ ему разбить Влади-

¹⁾ Неудовольствіе Венгровъ было возбуждено королевою Гертрудой и ея братьями, изъ которыхъ одинъ (Эйбертъ) обезчестилъ жену Бенедикта, уже извѣстнаго намъ «Томителя» Галичанъ. Составился заговоръ. Когда Андрей выступилъ противъ Галича, заговорщики ворвались во дворецъ и изрубилъ королеву въ куски. *Соловьева* Ист. Р., II, 321.

²⁾ И впрямую, даже списать довѣріе и расположеніе Андрея. *Карамзинъ*: III, 100. *Зубрицкій* старается опровергнуть это и предполагаетъ, что «Владиславъ, освободившись во время венгерскаго вмѣшательства, или бывъ освобожденъ венгерскими мятежниками (ибо между бунтовщиками всѣхъ народовъ есть своя симпатія) достигъ Галича и завладѣлъ княжествомъ» (Ист. др. Г. Русск. кн., ч. 3, стр. 54).

³⁾ Лѣт. по Ип. сп., стр. 488; замѣчанія *Костомарова* въ Ист. мон. и изсл., I, 246.

⁴⁾ *Кавелина* Соч., II, 565—566.

⁵⁾ Лѣт. по Ип. сп. стр. 488. Не лишены интереса слѣдующія слова лѣтописи: «Лестько же поля Данила же Каменца..., бѣ бо вой Даниловъ болши и часть соххуш, отд. 2.

слава въ открытомъ полѣ, на рѣкѣ Воброкѣ ¹⁾, но Галича взять не могъ. Наконецъ, Лешко обратился къ Андрею съ такимъ предложениемъ: „Неприлично боярину княжить въ Галичѣ; но возьми дочь мою за сына своего, Коломана, и посади его въ Галичѣ“. Король съ радостью согласился на это и заточилъ Владислава, а въ Галичѣ посадилъ своего сына ²⁾, женивъ его на дочери Лешка, которому отданъ былъ Перемишль; воеводѣ же Пакославу, чрезъ посредство котораго велись переговоры, данъ былъ Любачевъ, а Данилъ, благодаря содѣйствію Лешка, получилъ Владиміръ ³⁾.

Такимъ образомъ Галичъ перешелъ въ руки иноплемениковъ. Казалось, край этотъ былъ надолго потерянъ для Русскихъ; но въ дѣйствительности господство Венгровъ и Поляковъ не могло быть продолжительнымъ. Венгры первые успѣли ожесточить и возстановить противъ себя все населеніе Галицкой области, посягнувъ на одно изъ самыхъ дорогихъ для него благъ — религію. Что подобнаго рода посягательство дѣйствительно было, на это ясно указываетъ свидѣтельство Воскресенской и Никоновской лѣтописей, по словамъ которыхъ Венгры изгнали изъ церкви православнаго епископа и священниковъ, замѣнивъ ихъ латинскими ⁴⁾. Возбудивъ населеніе противъ себя, король не ужился въ мирѣ и съ своимъ союзникомъ Лешкомъ и отнялъ у него Перемишль и Любачевъ. Пылая мстью, Лешко рѣшился обратиться къ тому Русскому князю, который былъ въ то время распорядителемъ Руси, всеобщимъ посредникомъ и примирителемъ, и вліяніе котораго простиралось съ дальняго сѣвера до Кіева,—къ Мстиславу Мстиславичу, княжившему тогда въ Новгородѣ. Польскій князь отправилъ посольство въ Нов-

---

рѣшляиши, бяху боаре величини отца его вси у него; *видишь бо Лешко се, и поча имати любовь велику ко князю Данилу и брату его Василку...* (стр. 488).

¹⁾ Рѣка у города Галича, *Зубрицкій*: «Рѣка Вобрка имѣетъ свой родникъ выше города Вобрки и впадаетъ въ Днѣстръ въ окрестности деревни Портники» (Ист. др. Г. Русск. ин., ч. 3, стр. 56, пр. 48).

²⁾ *Зубрицкій* восхваляетъ и здѣсь безкорыстіе Андрея, а присвоеніе Галича объявляетъ «шалюю неизбѣжностью» (Ист. др. Г. Русск. ин., ч. 3, стр. 60—1).

³⁾ Лѣт. по Ип. сп., 489; также Воскр. (стр. 119), по словамъ которой это произошло въ 1214 г., и Никон. (II, 315).

⁴⁾ Воскр. лѣт. (стр. 119); такъ и въ Никон.: «Угорскіи король посади сына своего в Галиче, и церкви претвори в Латинскую службу» (II, 315). Кроме того, на это указываетъ и письмо короля къ папѣ, приводимое *Карамзинимъ*, III, пр. 177.

городъ, приглашая Удалаго занять Галичъ. „Ты мнѣ братъ“, говорилъ онъ Мстиславу,—„пойди и сядь въ Галичѣ“. Мстиславъ принялъ предложеніе Лешка, и оставивъ Повгородъ ¹⁾, отправился на югъ, чтобы приготовить походъ, и можетъ быть, заручиться помощью южно-русскихъ князей.

Судя по извѣстію Ипатьевской лѣтописи, Мстиславъ быстро и неожиданно двинулся на Галичъ, не давъ противнику времени подготовиться къ оборонѣ. Галичане, съ Судиславомъ во главѣ, послали было за Даниломъ, думая посадить его у себя княземъ, но тотъ не успѣлъ пріѣхать. Тогда Судиславъ и венгерскій вельможа, Бенедиктъ Лысый, бѣжали въ Венгрію, а Мстиславъ занялъ Галичъ, вѣроятно, безпренятственно, такъ какъ Ипатьевская лѣтопись ни слова не говоритъ о битвѣ. Точно также мы не находимъ въ ней ровно никакого извѣстія и относительно венгерскаго королевича; еслибъ онъ бѣжалъ или попалъ въ руки Мстислава, то вѣроятно, Ипатьевская лѣтопись упомянула бы объ этомъ. Остается поэтому предположить, что Коломанъ находился въ тотъ моментъ не въ Галичѣ, а дома, въ Венгріи ²⁾.

Но на этотъ разъ недолго пришлось Мстиславу владѣть Галичемъ. Данилъ, за котораго Мстиславъ выдалъ свою дочь Анну, пріѣхавъ въ Галичъ къ тестю, выражая неудовольствіе на Лешка за то, что тотъ владѣетъ его вотчиной. Удалой былъ чуждъ вѣроломства и неблагодарности. „Сынъ мой!“ отвѣтилъ онъ Данилу,—„за первую любовь не могу на него возстать; поищи себѣ другаго союзника“. Возвратившись домой, Данилъ съ братомъ своимъ, Василькомъ, захватилъ Брестъ ³⁾ и „всю Украйну“, какъ говоритъ лѣтопись ⁴⁾. Раздраженный этимъ, Лешко послалъ Ляховъ „воевать“ по Вугу; но между Поляками и Даниловыми воеводами произошла стычка, въ которой первые были разбиты. Во всемъ этомъ Лешко обвинялъ Мстислава: его совѣтамъ и интригамъ приписывалъ онъ захватъ Бреста Даниломъ. Желая отпугнуть за такое вѣроломство (въ дѣйствительности мнимое), Польскій князь послалъ сказать королю Венгерскому:

¹⁾ О томъ, произошло ли это въ 1215 г., когда Мстиславъ въ первый разъ покинулъ Новгородскій столъ, или въ 1218 г., см. *Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1881, № 3-й.

²⁾ *Карамзинъ*, III, пр. 189.

³⁾ Городъ въ Волынскомъ княжествѣ.

⁴⁾ Лѣт. по Ип. сп., 490.

„Не хочу части въ Галичѣ, но дай его зятю моему“. Андрей съ радостью ухватился за это предложеніе и послалъ немедленно же своего сына съ войскомъ на Галичъ, а Лешко, съ своей стороны, отправилъ отрядъ на помощь Венграмъ.

Между тѣмъ самого Мстислава не было въ Галичѣ: по словамъ лѣтописи, онъ находился „вмѣстѣ съ Русскими и Черниговскими князьями“ (по всей вѣроятности, гдѣ-нибудь на съѣздѣ); какъ видно, онъ былъ занятъ не одними галицкими дѣлами: въ его присутствіи и вмѣшательствѣ пуждались и другія русскія области. Поэтому застигнутый въ расплохъ неожиданнымъ нападеніемъ Венгровъ и Поляковъ и не имѣя, быть можетъ, возможности тотчасъ же лично выступить противъ врага ¹⁾, Мстиславъ выслалъ воеводу Дмитрія съ отрядомъ вонновъ и двумя другими воеводами къ Городку ²⁾, который отложился отъ него, такъ какъ тамъ, говоритъ лѣтопись,—были люди Судислава, венгерскаго клеветы. Но подъ Городкомъ на Дмитрія напали Угры и Ляхи, и онъ бѣжалъ ³⁾ обратно къ Мстиславу, въ то время стоявшему на рѣкѣ Зубрѣ ⁴⁾. Тогда Мстиславъ обратился къ Даниилу и Александру Бельскому ⁵⁾ съ просьбой затвориться въ Галичѣ. Тѣ обѣщали, но только Даниилъ исполнилъ обѣщаніе, а Александръ, по словамъ лѣтописи, „не посмѣлъ“ итти въ Галичъ. Коломанъ съ Венграми и Ляхами подступилъ къ Галичу, но потомъ, оставивъ на время осаду этого города, двинулся за село Рогожину на Мстислава и прогналъ его изъ Галицкой земли. Это была первая неудача Мстислава съ тѣхъ поръ, какъ онъ занялъ первенствующее мѣсто среди князей того времени. Види, что дальнѣйшее сопротивленіе бесполезно, онъ послалъ сказать своему зятю: „Выйди изъ города“. Даниилъ исполнилъ это. Ипатьевская лѣтопись

¹⁾ *Зубрицкаю* Ист. др. Г.-Русск. кн., ч. 3-я, стр. 70.

²⁾ По *Зубрицкому*, «Городокъ лежитъ на главной Вѣнской дорогѣ между Львовымъ и Судовою Вышнею, въ отстояніи отъ Львова на 25 или 26 верстѣ (Ист. др. Г.-Русск. кн., 70, пр. 60).

³⁾ При этомъ убитъ былъ нѣкто Михаилъ Скула, съ котораго враги сняли три золотыя цѣпи, а голову его привесли Коломану. Лѣт. по Ип. сп., 490.

⁴⁾ *Дрицкимшецъ* приводитъ слова *Ходаковскаю*: «Р. Зубря течетъ отъ Львова въ Днѣстръ» (Пов. о Росс., 307, пр. 1925). По *Зубрицкому* «рѣчка Зубра истекаетъ на вершинѣ горъ, окружающихъ городъ Львовъ, между границами того жъ города и деревни Козельники, и впадаетъ у села Устья въ рѣку Днѣстръ» (Ист. др. Г.-Русск. кн., 7—12, пр. 62).

⁵⁾ Александръ—сынъ Всеволода Мстиславича, внукъ Мстислава Изяславича, следовательно, двоюродный братъ Даниила Романовича.

чрезвычайно подробно описываетъ отступленіе молодаго Романовича ¹⁾. Не останавливаясь на этихъ подробностяхъ, скажемъ только, что Данилъ послѣ многихъ лишеній и цѣлаго ряда подвиговъ, успѣлъ наконецъ соединиться съ своимъ тестемъ. Восхищенный мужествомъ своего зятя, Мстиславъ осыпалъ его похвалами и дарами, подаривъ ему, между прочимъ, своего борзого сиваго коня, и сказалъ: „Пойди, князь, во Владиміръ, а я пойду къ Половцамъ, чтобы отмстить за свой поворъ“.

Дѣйствительно ли Удалой ушелъ теперь къ Половцамъ, или же онъ отправился на сѣверъ, одержавъ тамъ Липецкую побѣду и только уже послѣ этого задумалъ снова овладѣть Галичемъ, на это, при сбивчивости и противорѣчии лѣтописныхъ свидѣтельствъ, трудно отвѣтить съ полною достовѣрностью ²⁾. Какъ бы то ни было, но чрезъ нѣсколько времени Мстиславъ, въ союзѣ со многими южно-русскими князьями и съ Половцами, двинулся на Галичъ. А между тѣмъ и королевичъ въ Галичѣ не остался безъ поддержки: тамъ находился венгерскій воевода, „Филя Прегордый“, какъ называетъ его лѣтопись ³⁾,—„надѣявшійся объять землю, потребить море“, говорившій въ своей надменной гордости: „Одинъ камень много горшковъ побиваетъ“, а о Русскихъ презрительно отзывавшійся: „острый мечъ, борзый конь—много для Руси“ (то-есть, для покоренія Руси). Кромѣ того, Александръ Бельзскій, въ душѣ никогда не перестававшій питать вражду къ Романовичамъ, открыто перешелъ на сторону Лешка, теперь врага Мстиславова и друга Венгровъ. На встрѣчу двигавшемуся на Галичъ Мстиславу выступилъ Филя со множествомъ Угровъ и Ляховъ, взявъ съ собою и Судислава, и другихъ Галицкихъ бояръ, изъ которыхъ многіе, впрочемъ, разбѣжались, не будучи въ состояніи спосить долѣе гордости высококоумнаго Венгра. Филя, оставивъ въ Галичѣ королевича и устроивъ укрѣпленіе на церкви св. Богородицы, готовился къ брани, по словамъ лѣтописи, воображая, что никто не можетъ противостоять ему въ бою. Рано утромъ, наканунѣ праздника Богородицы, говоритъ Инатьевская лѣтопись,—Мстиславъ встрѣтился съ Уграми и Лягами, предводимыми Филей. Закипѣлъ тяжелый бой. Счастье на этотъ разъ не измѣнило Мстиславу; его мужество и воодушевленіе восторжествовали надъ высоко-

¹⁾ Лѣт. по Ип. сп., 490.

²⁾ Жур. Мин. Нар. Пр., 1881, № 3.

³⁾ Лѣт. по Ип. сп., 492.

быть съ небольшою дружиною и тысяцкимъ Демьяномъ Даниилъ; все время его задерживалъ Лешко, старавшійся не допустить соединенія его съ тестемъ. Даниилу оставалось только радоваться вмѣстѣ съ Мстиславомъ полной побѣдѣ надъ иноплеменниками; королевичъ вмѣстѣ съ женою попалъ въ руки побѣдителей ¹⁾; остальные Угры и Ляхи частью погибли въ бою, частью взяты въ плѣнъ, иные потонули по время бѣгства, а иные избиты смердами, такъ что никто изъ враговъ не успѣлъ спастись. Бояринъ Судиславъ, венгерскій приверженецъ, приведенъ былъ къ Мстиславу; великодушный побѣдитель „не помыслилъ о немъ зла“, говоритъ лѣтопись ²⁾,—но оказалъ ему милость, а Судиславъ, униженно обвиняя ноги Мстислава, обѣщалъ ему быть вѣрнымъ слугою. Вѣря словамъ Судислава, Удалой „почтилъ его честию великою“ и далъ ему въ управленіе Звенигородъ ³⁾.

И такъ, Мстиславъ снова завладѣлъ Галичемъ ⁴⁾ и на этотъ разъ оставался тамъ княземъ до самой своей смерти. Андрею Венгерскому, утомленному неудачнымъ крестовнымъ походомъ (1217 г.), было не до того, чтобы поднимать новую упорную борьбу изъ-за Галицкой области. Оставленіе Удалой Галича за собою ясно показываетъ какъ его непослѣдовательность, такъ и то, что онъ не былъ представителемъ и возстановителемъ исключительно старины, что, напротивъ, онъ шелъ иногда въ разрѣзъ съ старинными понятіями и легко поддавался влиянію новыхъ воззрѣній и условій. Въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ ли Мстиславъ какое-нибудь право на Галичъ по стариннымъ представленіямъ? Нѣтъ, ровно никакого! Онъ завладѣлъ Галичемъ не въ силу своихъ правъ на него, правъ, которыя обу-

---

принялъ его съ честью, отдалъ дочь свою Марію за Бела Венгерскаго, брата Коломанаго, а Галичъ договорился уступить, взявъ за оный серебро... (Ист. Р., III, 428).

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 423; Воскр., стр. 128; Новг., стр. 37. О дальнѣйшей судьбѣ плѣннаго королевича, когда и какимъ образомъ онъ получилъ свободу, Ипат. лѣтопись не говоритъ (впрочемъ, она даже ясно не упоминала, что королевичъ былъ взятъ въ плѣнъ, между тѣмъ какъ изъ всего хода дѣла видно, что это было такъ. По извѣстіямъ Новг. и Воскр. лѣт. Мстиславъ тотчасъ по заключеніи мира отпустилъ королевича. Объ извѣстіи *Татищева* см. предыдущее примѣчаніе.

²⁾ Лѣт. по Ип. сп., 493.

³⁾ Лѣт. по Ип. сп., 493.

⁴⁾ См. нашу хронологическую замѣтку о томъ, когда именно произошло первое и второе занятіе Галича Мстиславомъ въ *Ж. Мин. Нар. Пр.* 1881 г., № 3.

словлялись бы, наиримѣръ, извѣстнымъ старшинствомъ, даже не въ силу народнаго избранія, а лишь по праву завоеванія, какъ побѣдитель. Полевой считаетъ такое присвоеніе Галича нисколько не противорѣчающимъ характеру и стремленіямъ Мстислава; онъ говоритъ, будто Удалой не далъ Галича Данилу потому, что тотъ не имѣлъ на него никакого права, такъ-какъ Романъ (Даниловъ отецъ) хитростию завладѣлъ Галицкимъ княжествомъ. Это мнѣніе опровергается уже тѣмъ, что Данилъ во всякомъ случаѣ имѣлъ болѣе права на Галичъ, чѣмъ самъ Мстиславъ. Единственнымъ оправданіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объясненіемъ поступка Удалаго можетъ служить тогдашнее состояніе Галицкой земли. Положеніе ея князя было въ высшей степени затруднительно; Мстиславъ, вѣроятно, не предполагалъ, чтобы молодой Данилъ могъ долго держаться на Галицкомъ столѣ и съ успѣхомъ бороться съ безчисленными трудностями, съ интригами бояръ и притязаніями иноплеменниковъ, не смотря на то, что тотъ уже успѣлъ высказать свое мужество и свои способности; можетъ быть, Мстиславъ думалъ, что только личное присутствіе его самого можетъ предохранить Галичъ отъ новаго захвата его Венграми. Какъ бы то ни было, но Удалой, защитникъ права и правды, оставивъ за собой Галичъ, сталъ какъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собой, и въ этомъ, между прочимъ, кроется источникъ его ошибокъ, колебаній, которыми такъ богата послѣдняя эпоха его жизни; онъ, видимо, потерялъ почву подъ собой. При томъ Мстиславъ попалъ въ чуждую для него среду коварнаго и своекорыстнаго боярства, интригамъ и кознямъ котораго не въ силахъ былъ противостоять его прямодушный и легковѣрный характеръ.

Занявъ Галичъ, Мстиславъ прежде всего примирилъ Данила съ Александромъ Бельскимъ. Мы видѣли, что послѣдній послѣ того, какъ Венгры изгнали Удалаго и снова заняли Галичъ, посѣшилъ оставить Данила и перейти на сторону Лешка. Но когда Мстиславъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ Уграми, то Польскій князь немедленно же примирился съ Даниломъ и Василькомъ, и Александръ, такимъ образомъ, попалъ въ довольно затруднительное положеніе. Данилъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ началъ опустошать окрестности Вельза и забирать въ плѣнъ людей. По словамъ лѣтописи, „вся земля поллепена бысть; бояринъ боярина плѣнивше, смердъ смерда, градъ града, якоже не остатися ни единой вси (веси) не плененѣ...“¹⁾

¹⁾ Лѣт. по Ип. сп., 494.

Все это случилось въ теченіе одной ночи, и Бельжане назвали эту ночь „злюю“. Только заступничество Мстислава спасло Александрову волость отъ дальнѣйшихъ опустошеній: „Пожалѣй брата своего“, сказалъ онъ Данилу, и тотъ, отоидя отъ Бельва, возвратился во Владимірь.

Немного лѣтъ спустя послѣ того, какъ Удалой утвердился въ Галичѣ, вторично отпавъ его у иноплеменниковъ, вся южная Русь приведена была въ смятеніе полнеліемъ поваго, невѣдомаго до тѣхъ поръ врага—Татаръ. Это внезапное появленіе Монгольской орды вызываетъ Мстислава изъ Галича опять на югъ, въ Кіевъ, а затѣмъ и въ глубь Половецкихъ степей; снова принимаетъ онъ участіе въ обще-русскомъ дѣлѣ, попрежнему являясь его руководителемъ и однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Природныя условія Россіи обрекли ее на постоянныя столкновенія съ кочевыми ордами Азіи. Расположенная на окраинѣ Европы, лишшенная крѣпкихъ природныхъ оградъ съ Востока, Русь должна была припимать на себя первые удары кочевниковъ, стремившихся на западъ, и служить какъ бы оплотомъ для остальной Европы. Приполярныя степи ея юга составляли излюбленное мѣсто кочевыхъ дикихъ ордъ. Последнимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ страшнымъ и важнымъ для Россіи по своимъ послѣдствіямъ, наплывомъ азіатскихъ кочевниковъ было нашествіе Монголовъ. Въ началѣ XIII в. среди послѣднихъ вдругъ исчезаетъ прежняя разрозненность и дробленіе на мелкія племена, ихъ силачиваетъ въ одну громадную орду Темучинъ, или Чингисъ-Ханъ, и они неудержимымъ потокомъ распространяются во всѣ стороны отъ своихъ прежнихъ кочевьевъ. Наступаетъ, такимъ образомъ, періодъ завоевательной дѣятельности для Монголовъ. Между тѣмъ какъ самъ Чингисъ-Ханъ, опустошивъ Тангутское царство (въ южной Монголіи), велъ борьбу съ сѣвернымъ Китаемъ, монгольскіе отряды успѣли проникнуть и на далекой западъ. Убіиство Чингисъ-Хановыхъ пословъ владѣтелемъ Бухары повлекло за собой завоеваніе послѣдней. Преслѣдуя врага своего, Ховарезмъ-шаха (то-есть, владѣтеля Бухары), Монголы явились у береговъ Каспійскаго моря, а затѣмъ проникли и на Кавказъ. Покоривъ обитавшіе тамъ народы, хитростью расторгнувъ союзъ Половцевъ съ Аланами и побѣдивъ послѣднихъ, они внезапно появляются въ Половецкихъ стенахъ. Опасность грозила, слѣдовательно, и самой Руси. Половцы съ вождемъ своимъ Юріемъ Кончаковичемъ, не будучи въ состояніи противиться Монголамъ, обратились

въ бѣгство ¹⁾, при чемъ часть ихъ погибла на берегахъ Чернаго моря, гонимая, по словамъ лѣтописи, гнѣвомъ Вожиимъ за тѣ бѣдствія, которыя причиняли Русь эти поганце, часть же бѣжала въ землю Русскую. Между послѣдними, въ числѣ другихъ Половецкихъ князей, находился и тесть Мстислава Мстиславича ²⁾, Котичъ ³⁾. Онъ пришелъ съ поклономъ къ своему зятю въ Галичъ и ко всѣмъ русскимъ князьямъ, поднесъ имъ множество даровъ: коней, верблюдовъ, буйволовъ и „дѣвокъ“, то-есть, невольницъ, и умолялъ о заступничествѣ. „Нашу землю отняли сегодня“, говорилъ онъ, — „а вашу завтра возьмутъ; защитите насъ! Если же не поможете намъ, то мы нынѣ усѣчены будемъ, а вы завтра“ ⁴⁾. Склоненный мольбою Половецкаго князя, Мстиславъ Мстиславичъ совѣтовалъ князьямъ идти противъ Татаръ, говоря: „Если мы, братья, не поможемъ этимъ, то они предадутся Татарамъ, и будетъ сила тѣхъ еще больше“.

Князья собрались въ Кіевъ для обсужденія предпріятія. Такимъ образомъ, казалось, возвратилось время Мономаха, время княжескихъ сѣздовъ ⁵⁾, когда русскіе князья совѣщались между собой и дѣйствовали сообща въ дѣлахъ, касавшихся всей Руси. Кіевъ, мать русскихъ городовъ, въ разсматриваемую нами эпоху утратилъ уже свое значеніе; если же теперь онъ былъ избранъ мѣстомъ сѣзда, то это, вѣроятно, произошло не только вслѣдствіе прежняго его величія, но и въ виду удобнаго положенія его: Кіевъ занималъ срединное мѣсто въ южной Руси, князья которой сѣхались на совѣщаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ удаленъ отъ цѣли предпріятія, еслибы оно состоялось. На совѣтѣ рѣшено было идти на встрѣчу Татарамъ: „Лучше намъ принять враговъ на чужой землѣ, нежели на своей“, порѣшили

¹⁾ Луничъ относитъ это къ 1222 г. (*Уч. Зап. Ак. Н. по I и III отд.*, II, 778—9).

²⁾ Намъ не должно удивлять, что Удалой находился въ родствѣ съ Половецкѣ; даже благочестивый Владиміръ Мономахъ, идеаль русскаго князя, заклятый врагъ поганыхъ, «добрый страдалецъ за Русскую землю», не гнушался вступать въ родственныя связи съ Половцами. Такъ, подъ 1107 г. Лавр. лѣт. сообщаетъ: «иде Володимерь (Мономахъ), «Давыдъ и Олегъ къ Аепъ и къ другому Аепъ, и створиша миръ, поля Володимерь за Юріа Аепину дщерь, Осемеву внуку...» Лѣт. по Лавр. сп.; 272).

³⁾ Троицк. (стр. 216); Новг. (стр. 39); Воскр. и Ник. называютъ его *Котикомъ*:

⁴⁾ Троицк. лѣт. (стр. 217).

⁵⁾ Собственно гозоря, сѣзды происходили въ княженіе Святополка; виномъ же и душою ихъ былъ Владиміръ Мономахъ.

князя, и каждый изъ нихъ сталъ готовиться къ походу, въ которомъ приняли участіе всѣ южно-русскіе князья, какъ старшіе, три Мстислава (Галицкій, Кіевскій и Черниговскій), такъ и младшіе; среди послѣднихъ особенно выдавался Даниилъ Романовичъ.

Весною, въ апрѣлѣ 1223 г. ¹⁾, Русскіе князья достигли Варяжскаго острова на Днѣпрѣ. Здѣсь явились къ нимъ татарскіе послы ²⁾. „Се слышимъ“, говорили Татары,—„оже противу намъ идете, послупавше Половецъ, а мы вашей земли не захомъ, ни городовъ вашихъ, ни сель, ни на васъ придохомъ; но придохомъ, Богомъ поупущени, на холопи наши и конюси свои, на поганья Половци, а возмите съ нами миръ, а намъ съ вами рати нѣту; оже бѣжать къ вамъ Половци, и вы бейте отголѣ, а товаръ емлите себѣ, занеже слынахомъ, яко и вамъ много зла творять, того же ради мы ихъ отсель бьемъ“ ³⁾. Со стороны Татаръ это было не что иное, какъ хитрость: они хотѣли разъединить союзниковъ, прибѣгнувъ къ тому обману, который такъ удался имъ относительно Аланъ и Половцевъ. Но Русскіе князья убили пословъ ⁴⁾, и продолжая свой путь ⁵⁾, стали на Днѣпрѣ, не доходя до Олешья. Здѣсь встрѣтили ихъ новыя татарскіе послы со словами: „Аще есте послушали Половецъ, а послы

¹⁾ Въ Троицк., Лавр. и Воскр. стоитъ 1223 г., а въ Новг. и Ип.—1224. О томъ, что слѣдуетъ принять 1223 г., см. статью *Куника* въ *Зап. Ак. Н. по I и III отд.*, II, стр. 765—87.

²⁾ По Новг. 4-й лѣт., «10 мужъ съ половомъ» (Поли. Собр. Русск. Лѣт., IV, 28).

³⁾ Троицк. лѣт., стр. 217.

⁴⁾ *Зубрицкій*, считая этотъ поступокъ несвойственнымъ благородному характеру Мстислава Удалаго и основываясь на отсутствіи извѣстія о немъ въ Ипатьевск. лѣт., вопреки свидѣтельству многихъ источниковъ, отрицаетъ фактъ избіенія пословъ, равно какъ не признаетъ и другихъ подробностей, не находимыхъ въ Ипатьевск. лѣт. (Ист. др. Г.-Русск. ян., ч. 3-я, 95—96). Можетъ быть, упомянутый поступокъ объясняется тѣмъ, что Русскіе князья не считали себя обязанными щадить пословъ такихъ дикихъ варваровъ и язычниковъ, какъ Татары. Извѣстенъ, наприѣръ, вѣроломный поступокъ Владимира Мономаха съ Половецкими ханами Итларемъ и Битаномъ. Къ тому же, въ данномъ случаѣ Мстиславъ съ своими товарищами могъ быть особенно возстановленъ противъ Татаръ, такъ коварно поступившихъ съ Половцами и Аланами (см. *Костомарова* Русск. ист. въ жизнеоп. ея главн. дѣят., 107). *Татищевъ* передаетъ, что русскіе князья губили пословъ, «разсуждая, еслии оныхъ отпустить, то оныи хану спосму о имоществѣ войскъ Русскихъ скажутъ, и оныи убоятся уйдуть» («И. Р., III, 436).

⁵⁾ По Новг. 4-й лѣт.: «идоша Русь противу 17 днѣй» (стр. 28).

наши еще избыли, а идете противу намъ, то вы пойдѣте; а мы васъ не замаемъ ничимъ, то всѣмъ намъ Богъ!" ¹⁾ На этотъ разъ князья отпустили пословъ. Здѣсь же произошло соединеніе всѣхъ русскихъ силъ. Пришла сюда, говоритъ лѣтопись,—вся Половецкая земля съ своими князьями; были тутъ и Русскіе князья: Мстиславъ Галицкій, Мстиславъ Кіевскій и др., каждый съ своею силою; прибыли также и выгонцы ²⁾ Галицкіе съ воеводою Юріемъ Домамеричемъ и Держи-краемъ Владиславичемъ. Выгонцы эти на 1000 ладьяхъ вошли Днѣ-стромъ въ море, а оттуда въ Днѣпръ и стали у рѣки Хортицы ³⁾.

Въ нашихъ станахъ пронеслась вѣсть, что пришли Татары по-смотрѣть на русскія ладьи. Тотчасъ же молодой Данилъ и другіе князья сѣли на коней, желая поскорѣе испытать въ бою невиданнаго до тѣхъ поръ врага. Но Татары поспѣшили уйдти, и среди Русскихъ мнѣнія о нихъ раздѣлились: въ то время, какъ Юрій Домамеричъ утверждалъ, что Татары—,хорошіе ратники и добрые воины"⁴⁾,—дру-гіе говорили, что это „люди простые“, хуже даже Половцевъ. Эти противорѣчивые отзывы были переданы и Мстиславу Мстиславичу. Молодые князья горѣли нетерпѣніемъ идти далѣе, на встрѣчу врагамъ. „Мстиславъ и другой Мстиславъ!“ говорили они,—,не стойте, пойдѣте противъ нихъ“. Русскіе перешли Днѣпръ ⁵⁾ и на коняхъ устреми-лись въ глубь Половецкихъ степей. Мстиславъ Удалой, переправив-шійся прежде всѣхъ съ 1000 воиновъ ⁶⁾ и шедшій впереди, встрѣ-тился съ татарскими сторожами ⁶⁾, ударилъ на нихъ и обратилъ въ

¹⁾ Троицк. лѣт., стр. 217.

²⁾ *Арцибышевъ* спрашиваетъ не были ли эти выгонцы нагнанники? (Пов. о Р., 317, пр. 1992). *Зубрицкій*, справедливо отвергая это, предполагаетъ, что «выгонцы, если слово это не описка, были пѣшее войско, которое водою скорѣе могло прибыть къ назначенному мѣсту, какъ сухимъ путемъ. Конница же Галицкая приспѣла уже тамо прежде съ своимъ княземъ, какъ выше сказано» (стр. 92, пр. 75).

³⁾ Въ лѣтописяхъ сказано: «на броду у Протолчи» (*Ип.*, 496; *Троицк.*, 217). Подъ послѣднимъ словомъ *Арцибышевъ* понимаетъ проливъ; Протолчи находи-лись, по его словамъ, около острова Хортицы, ниже пороговъ (II. о Р., 347), *Карамзинъ* считаетъ протолчійми протоки или рукава Днѣпра, обтекающіе Хор-тицкій островъ (*Ист. Г. Р.*, II, пр. 200).

⁴⁾ Въ *Ипат.* прибавлено: «во вторникъ» (*Лѣт. по Ип. сп.*, 496).

⁵⁾ По *Никон.* съ 20000 (I).

⁶⁾ Нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (*Троицк.*, *Воскрес.*) пе-реходъ Русскихъ чрезъ Днѣпръ представляется не совсемъ ясно. Именно, ска-завъ о соединеніи у Олешия Половцевъ и всѣхъ Русскихъ князей, эти лѣтописи передаютъ вслѣдъ за тѣмъ о побѣдѣ Мстислава надъ татарскими сторожами, а

бѣгство. Съ трудомъ уходя отъ преслѣдованія и желая спасти своего „воеводу“, то-есть, предводителя, Гемабега, Татары спрятали его живаго въ яму; но онъ былъ найденъ побѣдителями и умерщвленъ Половцами, которые выпросили его себѣ у Мстислава Мстиславича ¹⁾. Оттуда ²⁾, говорить лѣтопись, — Русскіе князья шли 8 дней ³⁾ до рѣки Калки; здѣсь ими были встрѣчены татарскіе сторожа, которые послѣ непродолжительной стычки отошли назадъ.

На берегахъ Калки сошлись, наконецъ, русскіе полки съ татарскими. Мстиславъ Мстиславичъ повелѣлъ перейти рѣку, а вслѣдъ за нимъ перешелъ и самъ, пославъ впередъ „въ сторожу“ Яруна съ Половцами. Завидѣвъ татарскія полчища, Мстиславъ подѣбхалъ къ

потомъ о переходѣ русскихъ князей чрезъ Днѣпръ. Непосредственно за этимъ находится извѣстіе о прибытіи Галицкихъ выгонцевъ и о томъ впечатлѣніи, которое произвели Татары на Русскихъ: Далѣ снова повторяется, что русскіе воины и всѣ князья перешли Днѣпръ и встрѣтили Татаръ; русскіе стрѣлки побѣдили ихъ и, взявъ много скота, гнались за ними далеко въ поле. По поводу всего этого Карамзинъ замѣчаетъ, что здѣсь объ одномъ и томъ же дѣлѣ говорится дважды: «еслибы Мстиславъ разбилъ татарскій передовой отрядъ до прибытія галицкаго флота, то Даниилъ и товарищи его не могли сказывать сему князю за новость, что Татары хорошо или худо стрѣляютъ». Далѣ Карамзинъ говоритъ, что если принять за достовѣрное, будто Русскіе дважды переходили чрезъ Днѣпръ, «то зачѣмъ же войско наше, побѣдивъ Татаръ, возвращалось на правую сторону Днѣпра?» (Ист. Г. Р., III, пр. 299). Эти замѣчанія Карамзина подтверждаются и дальнѣйшимъ разборомъ этого мѣста въ указанныхъ лѣтописяхъ. О галицкихъ выгонцахъ естественнѣе всего было бы сказать непосредственно за разказомъ о приходѣ и соединеніи всѣхъ русскихъ князей, каждаго съ своею силою, а между тѣмъ эти два извѣстія, связанныя между собою логически, въ лѣтописи разведены вставкой о побѣдѣ Мстислава надъ сторожами татарскими, предводимыми Гемабегомъ, вслѣдствіе чего и разказъ, какъ о галицкомъ флотѣ, такъ и о впечатлѣніи, произведенномъ Татарами на Русскихъ, является кажимъ-то вводнымъ выводомъ, стоящимъ вовсе не на своемъ мѣстѣ, такъ что лѣтопись, сказавъ уже разъ о переходѣ Русскихъ чрезъ Днѣпръ, теперь снова должна была повторить это: «предоша же вси люди и князи вси... рѣку Днѣпръ»... (См. Троицк. лѣт., 218). Остается еще не вполне яснымъ: извѣстіе о побѣдѣ Мстислава надъ сторожами татарскими нужно ли отождествлять съ находящимися въ тѣхъ же лѣтописяхъ извѣстіемъ о побѣдѣ русскихъ стрѣлковъ, или это два различныя событія?

¹⁾ Новг. лѣт., стр. 40.

²⁾ Это «оттуда» по смыслу, кажется, можно отнести скорѣе къ самому мѣсту стычки, чѣмъ къ Днѣпру. Кумикъ считаетъ то и другое одинаково вѣроятнымъ (Уч. Зап. Ак. Н. по I и III отд., II, 781).

³⁾ Такъ въ Троицк. и Ипатьевск., а въ Новг.—9 дней. Последнее Кумикъ считаетъ опиской (См. Уч. Зап. Ак. Н. по I и II отд., II).

своему войску и Даниилу и сказавъ: „вооружитесь!“ вмѣстѣ съ юнымъ Романовичемъ устремился на врага, не предупредивъ остальныхъ князей, Мстислава Кіевскаго и Мстислава Черниговскаго, ничего не знавшихъ о происшедшемъ и спокойно продолжавшихъ стоять по сию сторону Калки. Мстиславъ Удалой „не повѣдалъ имъ“—говорить лѣтописи,—„изъ зависти, такъ какъ между ними произошла большая котора“, распря ¹⁾. Но не отвергая вполнѣ этого свидѣтельства такихъ лѣтописей, какъ Троицкая и Ипатьевская, поступокъ Мстислава, какъ замѣчаетъ и Костомаровъ ²⁾, можно объяснить и другими побужденіями: здѣсь выразились, можетъ быть не столько, низкая зависть въ тѣсномъ смыслѣ слова и враждебность Удалаго къ Кіевскому и Черниговскому князьямъ, столь мало свойственная его благородному характеру, сколько славолубіе, желаніе, чтобы единственно ему Русскіе обязаны были побѣдой, самопадѣянность и непростительная неосторожность. Избалованный столь долгимъ счастьемъ, почти непрерывнымъ рядомъ удачъ и побѣдъ, полный вѣры въ себя, славолубивый Мстиславъ, подобно пылкому и неопытному юношѣ, съ горстью воиновъ бросился на несмѣтныхъ полчища враговъ, быть можетъ, не имѣя теперь уже и времени увѣдомить объ опасности другихъ князей ³⁾, и эта излишняя удача его погубила Русскихъ. Не будемъ входить въ подробности битвы на рѣкѣ Калкѣ и останавливаться на подвигахъ молодаго Даниила ⁴⁾, котораго всѣ лѣтописи выставляютъ главнымъ героемъ дня, упомянемъ лишь о печальномъ для Русскихъ исходѣ этого перваго столкновенія ихъ съ Татарами. Половцы первые не устояли; не выдержавъ натиска врага, они безпорядочнымъ бѣгствомъ привели въ смятеніе и полки самихъ Русскихъ. Бѣгство сдѣлалось общимъ. Русскіе князья потерпѣли полное пораженіе, такое, какого, по выраженію лѣтописи ⁵⁾, никогда еще не

¹⁾ Троицк. лѣт., 218; Лѣт. по Ип. сп., 496.

²⁾ Русск. ист. въ жизнеоп. ея гл. дѣят. 119.

³⁾ *Татищевъ* передаетъ, будто Мстиславъ Мстиславичъ, увидѣвъ силу татарскую, повѣлъ свою ошибку, что не дальъ знать великому князю, и отправилъ къ нему съ вѣстью, прося его послѣдить со всѣмъ войскомъ на помощь.

⁴⁾ Укажемъ только на явную ошибку всѣхъ лѣтописей, не исключая и Ипатьевской: всѣ онѣ говорятъ, будто Даниилу было тогда 18 лѣтъ, между тѣмъ извѣстно (изъ Ипатьевской лѣт.), что онъ остался четырехлѣтнимъ ребенкомъ по смерти отца своего, Романа, умершаго въ 1205 г.; слѣдовательно, въ годъ Калкской битвы (1223) Даниилу было не менѣе 22 лѣтъ.

⁵⁾ Троицк. лѣт., стр. 218.

бывало отъ начала Русской земли. Не только молодые князья, но и самъ герой эпохи, удалой витязь Мстиславъ, обратился въ бѣгство, прежде всѣхъ достигъ Днѣпра и, страшась погони, приказалъ бывшія тамъ ладьи частью сжечь, частью порубить и оттолкнуть отъ берега, а самъ едва успѣлъ убѣжать въ Галичъ.

Такая катастрофа постигла Русскихъ по ту сторону Калки. Между тѣмъ Мстиславъ Кіевскій, видя пораженіе своихъ товарищей, укрѣпился ¹⁾ на каменистой горѣ надъ рѣкою. Въ то время, какъ бѣдшая часть Татаръ бросилась въ погоню за обратившимися въ бѣгство Русскими, два воеводы, Чегирканъ и Тешуканъ, осадили Мстислава Кіевского и двухъ другихъ князей въ ихъ укрѣпленіи. Три дня успѣшно отбивались осажденные. Наконецъ, положившись на клятву воеводы Бродниковъ, Плоскыни, обѣщавшаго отпустить ихъ, если они дадутъ выкупъ, князья сдались, но были связаны и преданы Татарамъ; весь отрядъ ихъ былъ перебитъ, а сами они положены на доски; на этихъ доскахъ варвары усѣлись обѣдать и такимъ образомъ задушили несчастныхъ князей.

Какъ велики были потери Русскихъ въ битвѣ на Калкѣ, видно изъ того, что, кромѣ Мстислава Кіевского и находившихся съ нимъ двухъ князей погибло еще 6, а изъ простыхъ ратниковъ едва-ли и десятій возвратился домой ²⁾; убитъ былъ здѣсь, по словамъ лѣтописи, и Александръ Поповичъ, съ 70 другими храбрецами.

Такъ печально окончилась 31-го мая 1223 г. ³⁾ битва южно-рус-

¹⁾ Въ Новг. «И ту угоши (створи) городъ около себе въ кольяхъ» (стр. 40), то-есть, по объясненію *Карамзина* (III, пр. 303), не въ кольяхъ, а въ *обозъ*, среди телѣгъ; въ Троицк. (стр. 218): «учиниша городъ съ кольемъ», что можетъ предполагать и «колья».

²⁾ По Новг. 4-й лѣт., князей убито 10 (стр. 28); по Воскр., число однихъ убитыхъ Кіевлянъ доходило до 10000 (стр. 132); Никоновск. вѣдето этого по-казываетъ 60000 (!) (II, 354), а Тверск.—30000 (стр. 343).

³⁾ 1223 г. показанъ въ большей части лѣтописей (Троицк., Лавр., гдѣ вм. 31-го мая сказано по ошибкѣ: «30-го мая», а въ Новг. и Ипатьевск. стоитъ 1224 г. По поводу этого см. статью *Куника*: «О признаніи 1223 г. временемъ битвы при Калкѣ» во 2-мъ т. *Уч. Зап. Ак. Н. по I и III отд.*, стр. 765—787. Относительно числа и мѣсяца въ нашихъ источникахъ также существуетъ разногласіе: въ Троицк. напримѣръ, стоитъ 16-е іюня, а въ *Новг.*—31-е мая. Последнее число принимается и Куникъ, а къ 16-му іюня онъ относитъ не самую битву, а вошествіе на Кіевскій столъ Владимира Рюриковича. Въ этомъ его убѣждаетъ то, что 16-е іюня стоитъ въ тѣхъ именно лѣтописяхъ, которыя упоминаютъ о вступленіи въ Кіевъ Владимира Рюриковича, и притомъ непосредственно за

скихъ князей съ невѣдомымъ и страшнымъ врагомъ. Сопровождал свой путь убійствами, Татары дошли до Новгорода-Святополкова ¹⁾, а затѣмъ обратились назадъ такъ же неожиданно, какъ и явились. Подобно вихрю пронеслись они по нашей южной окраинѣ, своимъ появленіемъ поставивъ въ совершенное недоумѣніе современниковъ. „Это произошло“, говоритъ лѣтописецъ по поводу Калкской катастрофы, — „за грѣхи наши; Богъ вложилъ недоумѣнье въ насъ, погубило безчисленное множество людей, и были воли, воздыханіе и печаль по всѣмъ городамъ и волостямъ. Объ этихъ же злыхъ Татарахъ-Таурменахъ“, заключаетъ лѣтописецъ, „не вѣдаемъ, откуда пришли они на насъ и куда дѣлись опять; одинъ Богъ знаетъ это“. Главный недугъ древней Руси—ровнь, княжескіе раздоры и которы, словомъ недостатокъ единодушія—погубилъ ее въ столкновеніи съ Татарами. Калкская битва показала несостоятельность даже лучшихъ дѣятелей тогдашней Руси, подобныхъ Мстиславу Мстиславичу. Отвага этого представителя нашей древней эпохи была бессильна въ борьбѣ съ такимъ врагомъ, какъ Татары, и только способствовала скорѣйшему пораженію Русскихъ.

Переходимъ къ послѣднимъ годамъ жизни Удалаго Мстислава и вмѣстѣ съ тѣмъ къ дальнѣйшимъ отношеніямъ его къ Галичу. Здѣсь предъ нами является какъ будто уже не тотъ Мстиславъ, который былъ въ Новгородѣ, не герой Липицы. Не подвигами и проявленіемъ блестящихъ качествъ, а напротивъ, колебаніями, ошибками и признаками какой-то слабости богата эта эпоха жизни славнаго князя. Мы видимъ здѣсь преимущественно темныя стороны того дѣятеля, который прежде являлся намъ въ такомъ блескѣ. Но даже и сквозь эти слабости проглядываютъ симпатичныя черты Мстиславовой личности.

Мы видѣли, въ какомъ фальшивомъ положеніи долженъ былъ находиться въ Галичѣ Удалой, ставъ въ противорѣчіе съ самимъ со-

---

этимъ послѣднимъ извѣстіемъ, да кромѣ того въ «Русск. Временникѣ» прямо сказано: «... А князь Володимѣръ Рюриковичъ прибѣжа въ Кіевъ затворися, и сѣде на столѣ, мѣсяца іунія въ 16».

¹⁾ Котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Новгородомъ-Сверскимъ (*Карамзинъ*, III, пр. 505). Въ 1095 г. Половцы сожгли г. Юрьевъ, на рѣкѣ Роси; тогда Святополкъ Изяславичъ поселилъ выходцевъ изъ этого города на мѣстѣ древняго Витичева и вновь основанный здѣсь городъ назвалъ «Святополковымъ». *Карамзинъ* II, 106; *Илювайская Ист. Р.*, I, 136).

²⁾ См. Троица, лѣт. 219.

бою и понакъ въ новую для него среду своекорыстнаго и коварнаго вельможества. Послѣ несчастной битвы съ Татарами, это затруднительное положеніе Галицкаго князя должно было измѣниться не къ лучшему, а къ худшему: на берегахъ Калки Мстиславъ потерялъ не только свою дружину, но и славу непобѣдимости, вѣру въ себя и въ свое счастье.

Завладѣвъ Галичемъ, который Данилъ считалъ своимъ законнымъ наслѣдіемъ, Мстиславъ уже тѣмъ самымъ становился въ натянутыя отношенія къ своему зятю, тѣмъ болѣе, что въ клеветникахъ и подстрекателяхъ къ открытой враждѣ недостатка не было. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ особенно Александръ Бельскій ¹⁾, заклятый врагъ Романовичей. Узнавъ, говоритъ лѣтопись ²⁾, — что Мстиславъ не имѣетъ любви къ своему зятю, Александръ исполнился радости и началъ подстрекать Галицкаго князя къ рати, къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Данила. Послѣдній, узнавъ о выстуленіи въ походъ своего тестя, который былъ настолько слабъ, что поддакъ внушеніямъ Бельскаго князя, ушелъ къ Ляхамъ за помощью и привелъ съ собою Лешка. Отрадь, посланный Мстиславомъ для поддержки Александра, былъ разбитъ Даниломъ, едва не взявшимъ при этомъ Бельза, и наконецъ самъ удалой Мстиславъ, „не стерпѣвъ“, то-есть, не будучи въ состояніи сопротивляться, долженъ былъ возвратиться въ Галичъ. Этимъ распри окончилась: Данилъ вмѣстѣ съ Лягами опустошилъ Галицкую область, а Александръ не переставалъ внушать Удалому: „зять твой хочетъ убить тебя“, и Мстиславъ не погнушался привести къ себѣ на помощь своего тестя, Котана, со множествомъ Половцевъ. Впрочемъ, на этотъ разъ дѣло не дошло до кровопролитія: коварство клеветника обнаружилось на совѣщаніи князей, происходившемъ около Мстиславовой вѣжи. Самъ Александръ „не посмѣлъ“, говоритъ лѣтопись ³⁾, — прійхать сюда, а прислалъ отъ себя мужа своего, Яна. „Твоя рѣчь была, Янъ“, сказалъ Удалой Александрову послу, — „будто Данилъ вторично ведетъ на меня Ляховъ“. Тогда князя, продолжаетъ лѣтописецъ, позвали Александрову клевету, а Янову ложь, и совѣтовали наказать виновника распри. „Приними всю власть его за

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Р., II, 371.

²⁾ Надо замѣтить, что разказъ источниковъ (Ипатьевск. лѣт.) объ этомъ событіи не отличается ясностью.

³⁾ Лѣт. по Ип. сп., 498.

соромъ свой¹⁾, говорили они Мстиславу²⁾; но тотъ отказался „изъ братолюбія“ и этимъ списалъ себѣ общую похвалу. Такъ среди самыхъ ошибокъ проявляются свѣтлыя черты Мстиславова характера! Удалой послѣ этого примирился съ своимъ зятемъ, „прия его любовью“, какъ говоритъ лѣтопись³⁾,—и почтилъ его великими дарами, въ томъ числѣ борзыми конемъ, которому подобнаго, по выраженію лѣтописца, въ тѣ времена и не было⁴⁾.

Едва уладилось дѣло съ Даниломъ, какъ Галицкій князь поставленъ былъ въ затруднительное положеніе боярами, которыхъ „лестивый“ Жирославъ успѣлъ увѣрить, будто Мстиславъ идетъ въ степь и хочетъ предать ихъ на избиеніе своему тестю, Котаяну. Повѣривъ этому вымыслу, испуганные бояре бѣжали въ Перемышльскую землю и Карпатскія горы⁵⁾, на рѣку Днѣпръ. „Мстиславу же“, говоритъ лѣтопись⁶⁾, „праву сущю о семъ и не свѣдущю ничтоже о нихъ“. Лишь только узналъ онъ о бѣгствѣ и опасеніи бояръ, какъ тотчасъ же послалъ къ нимъ своего духовника, Тимофея, который едва могъ клятвой убѣдить бѣглецовъ въ клеветѣ Жирослава и въ невинности князя и, такимъ образомъ, привелъ ихъ обратно въ Галичъ. Жирославъ, изобличенный въ козняхъ, былъ изгнанъ Мстиславомъ⁷⁾.

¹⁾ Лѣт. по Ип. сп., 498.

²⁾ Въ лѣтописи не совсѣмъ ясно, къ кому обращены эти слова князей, къ Мстиславу или къ Данилу? Судя по ходу разказа, скорее къ первому, такъ какъ непосредственно предъ этимъ говорится лишь объ Удаломъ, а не о Данилѣ; *Зубрицкій* считаетъ это обращеніемъ къ послѣднему (Ист. Г. Р. ки., ч. 3-я, 97—98). Въ первомъ случаѣ подъ «соромомъ» нужно подразумѣвать то, что Галицкій князь былъ такъ грубо обманутъ и потерпѣлъ пораженіе отъ Данила, во второмъ—клевету, жертвой которой былъ Романовичъ.

³⁾ Лѣт. по Ип. сп., 498.

⁴⁾ Лѣт. по Ип. сп., 498.

⁵⁾ Въ Ипатьевск. лѣт. сказано: «горы Кавокасыскыя, рекше во Угорьскыя» (стр. 499). *Зубрицкій* замѣчаетъ: «Не назывался ли великій краѣ всякихъ большихъ горъ Кавказомъ, Кавказскими горами, которое названіе темерь осталось только цѣли горъ между Каспійскими и Черными моремъ» (стр. 98, пр. 77). У *Аммиана Марцеллина* (XXVI, 4) встрѣчается: «ad Caucasandensem locum, altitudine silvatum inaccessum et montium». Говорится это о мѣстности, соответствующей Карпатамъ.

⁶⁾ См. Лѣт. по Ип. сп., стр. 498—9.

⁷⁾ Интересно негодованіе лѣтописца на Жирослава, котораго онъ сравниваетъ съ Каиномъ: «Якоже изгна Богъ Каина отъ лица своего, реки: проклѣтъ ты буди, стони и трясся на земли, якоже раздвигне земля уста своя пріяти

Но не суждено было Удалому наслаждаться спокойствіемъ въ послѣдніе годы своей жизни; уже въ томъ же (1226) году у него произошло столкновение и съ Венграми. По совѣту „лѣстивыхъ“ бояръ галицкихъ, Мстиславъ обручилъ ¹⁾ свою младшую дочь съ Венгерскимъ королевичемъ Андреемъ ²⁾ и отдалъ (послѣ ему) Перемышль. Но вскорѣ Андрей, по какимъ-то наущеніямъ ³⁾ „лѣстиваго“ Семьюка Чернаго, бѣжалъ въ Венгрію и началъ готовиться къ войнѣ съ Мстиславомъ. Зимой открылись враждебныя дѣйствія. Венгры подступили къ Перемышлю, который былъ данъ имъ тысяцкимъ Юріемъ, бѣжавшимъ къ Мстиславу. Самъ король Венгерскій вмѣстѣ съ Накославомъ, прибывшимъ къ нему на помощь во главѣ Ляховъ, сталъ у Звенигорода, а въ Галичъ отправилъ отрядъ, не смѣя лично идти туда, такъ-какъ, говоритъ лѣтопись, ему было предсказано волхвами, что если только онъ увидитъ Галичъ, то не останется въ живыхъ. Мстиславъ выступилъ на встрѣчу врагамъ; но сперва дѣло не дошло до битвы: по случаю наводненія Венгерскій отрядъ не могъ перейти черезъ Днѣстръ и подступить къ Галичу и возвратился обратно въ королевскій станъ. Между тѣмъ Удалой, пославъ сказать Даниилу: „не отступай отъ меня!“ и получивъ благопріятный отвѣтъ ⁴⁾, рѣшился вступить въ бой съ Уграми. Венгры вышли изъ

кровь брата твоего; также и Ярославъ раздвиге уста своя на господина своего; да не будетъ ему пристанька во всѣхъ земляхъ, в Русскихъ и во Угорскихъ, и ни в кихъ же странахъ, да ходитъ шатаеся во странахъ, желаніе брашна да будетъ ему, вина же и олу посуу да будетъ му, и да будетъ дворе его пустъ, и в селѣ его не будетъ живущаго. Оттуда выгнанъ иде ко Изяславу, (сыну Владиміра Игоревича): «бѣ бо лукавый лѣстѣць нареченъ, и воихъ строптивее и ложь пламянъ, всеименитый отцемъ добрымъ, убожество возбранявшо злобу его, лъжю питаносе азыкъ его, но мудростию возлажаше вѣру на длю, красящесе лестью паче вѣнца, лжеименѣць; зане прелщаше нетокмо чюжихъ но и своихъ возлюбленныхъ нивня ради ложь; того бо дѣла жадаше быти у Изяслава» (Лѣтоп. по Ип. сп., 499).

¹⁾ Въ Ипатьевск. лѣт. сказано: «вда дщерь», но изъ послѣдующаго видно, что эта дочь была еще не выдана замужъ, а только обручена.

²⁾ *Бестужевъ-Рюминъ* говоритъ, что Мстиславъ выдалъ свою дочь за Коломана (Р. И., 185). Если только это не опечатка, то явная ошибка: во 1-хъ, за Коломаномъ, какъ извѣстно, была уже дочь Дениса, а во 2-хъ, въ лѣтописи зять Мстислава прямо названъ Андреемъ.

³⁾ Вѣроятно, этотъ бояринъ увѣрилъ Андрея въ коварныхъ замыслахъ Удалого; лѣтопись не указываетъ, что именно говорилъ Семьюкъ Венгерскому королевичу.

⁴⁾ «Имамъ правду во сердци своемъ», отвѣчалъ Даниилъ всему тастю.

королевскаго стана, но были разбиты; побѣдители преслѣдовали ихъ вплоть до лагеря. Самъ король, по выраженію лѣтописи ¹⁾, „смятеса умомъ“ и поспѣшилъ выйти изъ предѣловъ Галицкой области. Здѣсь въ источникахъ мы находимъ извѣстіе, которое какъ пелья болѣе характеризуетъ всю продажность, весь низкій эгоизмъ и вѣроломство галицкихъ бояръ, вовсе не думавшихъ о пользѣ своей земли, и вмѣстѣ съ тѣмъ податливость Мстислава, его безхарактерность; при этомъ обнаруживается и трудность положенія Галицкаго князя, окруженнаго могущественнымъ, своекорыстнымъ и коварнымъ вельможествомъ. Когда Даніилъ, не смотря на бывшія недоразумѣнія, вѣрный союзникъ Мстислава, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Василькомъ прибылъ къ тестю и совѣтовалъ ему: „пойди, князь, на короля: онъ по Лохтѣ ²⁾ ходить“,—то Судиславъ, говоритъ лѣтописецъ, „браняшеть ему, бѣ бо имѣяшеть лесть во сердци своемъ, не хотяше бо пагубы королеви, имѣяше бо в немъ надежу велику ³⁾“. Очевидно, боярамъ были на-руку междоусобія, они сами желали ихъ, избѣгая при этомъ, чтобы какая-нибудь сторона взяла окончательный перевѣсъ: такое положеніе дѣлъ давало имъ возможность безпрестанно переходить изъ одного лагеря въ другой и пріобрѣтать большое значеніе. Пользоваться смутами для своихъ видовъ, поддерживать постоянную вражду между противниками и этимъ ослаблять ихъ силы—вотъ политика Галицкаго боярства.

Эта распря Мстислава съ Венгерскимъ королемъ окончилась самымъ страннымъ и неожиданнымъ образомъ. Какъ видно, положеніе Удалаго въ Галичѣ было непрочно, и вотъ хитрый Судиславъ, „льстя подъ Мстиславомъ“, по выраженію лѣтописи ⁴⁾, началъ совѣтовать ему: „Князь, выдай свою обрученную дочь за королевича и отдай ему Галичъ; ибо самъ ты не можешь держать его, и бояре не хотятъ тебя“. Мстиславъ же, говоритъ лѣтописецъ,—желалъ отдать Галичъ не королевичу, а скорѣе Даніилу, но коварный Глѣбъ Зерембевичъ и Судиславъ успѣли отклонить его отъ этого. „Если дать королевичу“, говорили они, то, когда захочешь, можешь взять у него обратно Галичъ; а дашь Даніилу,—на вѣки не твой ужъ будетъ Галичъ“. „Галичаномъ бо“, замѣчаетъ при этомъ лѣтописецъ,—„хотящимъ Даніила“ ⁵⁾;

¹⁾ Лѣтоп. по Ив. сп., 500.

²⁾ Лохтя—рѣка въ Галиціи княжествѣ.

³⁾ Лѣт. по Ив. сп., 500.

⁴⁾ Лѣт. по Ив. сп., 500.

⁵⁾ Лѣт. по Ив. сп., 501.

по Мстиславъ, не обращая вниманія на отвращеніе пародной массы къ иноплеменнику, поддался внушеніямъ бояръ и отдалъ Галичъ королевичу Андрею, а собѣ взялъ Понызь, то-есть, лишь юго-восточную часть Галицкой области.

И такъ, всѣ многолѣтніе труды и усилія Мстислава потрачены были даромъ: столько побѣдъ одержано было имъ, столько пролито крови, лишь для того, чтобы, побѣдивъ Венгровъ, добровольно снова отдать въ ихъ руки Галичъ ¹⁾. Не рѣдкое безкорыстіе ²⁾, не уваженіе къ волѣ земли и бояръ, какъ ея представителей ³⁾, а непостоятельную слабость и безхарактерность должны мы видѣть въ этомъ поступкѣ Мстислава. Удалой является до того опутаннымъ интригами и вліяніемъ бояръ, что, вопреки чувству правды, здравому смыслу и своему благородному, великодушному характеру, поддается низкимъ побужденіямъ мелочнаго эгоизма и, не будучи въ силахъ владѣть самъ Галичемъ, готовъ скорѣе отдать его иноплеменнику, въ надеждѣ когда-нибудь снова приобрѣсти утраченное, чѣмъ лишиться его навсегда, уступивъ пользовавшемуся расположеніемъ населенія Данилу, который, безъ сомнѣнія, смотрѣлъ бы на Галичъ, какъ на свое законное достояніе. Впрочемъ, эти низкія побужденія кажутся столь чуждыми характеру Мстислава, на сколько мы знаемъ его изъ прежнихъ дѣйствій, что мы почти готовы усумниться въ ихъ существованіи и указать на иные мотивы, которые въ данномъ случаѣ могли руководить Удалымъ: можетъ быть, въ своей близорукости, онъ не замѣчалъ, что симпатіи массы склоняются на сторону Данила, и считалъ невозможнымъ для послѣдняго удержаться въ Галичѣ при противодѣйствіи бояръ, составлявшихъ Венгерскую партію. Но разсматриваемый нами фактъ характеристиченъ и въ другомъ отношеніи, болѣе важномъ для насъ: здѣсь ясно обнаруживается, въ какой мѣрѣ вліяли на Мстислава новыя идеи, для Галича, впрочемъ, не составлявшія уже новости. По стариннымъ понятіямъ, ревностнымъ защитникомъ которыхъ многіе считаютъ и Мстислава, князь не былъ собственникомъ-владѣльцемъ своей области и не могъ распоряжаться ею по своему произволу; между тѣмъ мы видимъ, что Удалой, не будучи въ состояніи удерживать за собой Галичъ, произвольно отдаетъ его даже не русскому князю, не Рюриковичу, а иноплеменнику, распоря-

¹⁾ *Крамзичъ*, III.

²⁾ *Полевой*, *Ист. русск. нар.*, Т. 332.

³⁾ *Костомаровъ*, *Русск. ист. въ жизнеоп.* ея гл. дѣят., 120—121.

жается, слѣдовательно, Галицкою областью на правахъ собственника, смотритъ на нее какъ на свою полную собственность.

Вскорѣ Мстиславъ Мстиславичъ раскаялся въ своемъ поступкѣ. Когда Данилъ, повидимому, по прежнему уважавшій своего тестя и обо всемъ совѣтовавшійся съ нимъ, прислалъ къ нему мужа своего, Демьяна, говоря, что „не подобаетъ Пинянамъ владѣть Черторыйскомъ“¹⁾, то Мстиславъ, тронутый такимъ знакомъ уваженія со стороны своего зятя, отвѣтилъ: „сыну! сирѣшнихъ не давь тебѣ Галича, но давь иноплеменнику, Судислава льстеца съвѣтомъ, оболести бо ма; аусь Богъ выхочеть, пойдивъ на на, азъ всажу (сважю) Половци, а ты свои, аще Богъ дастъ его пама, ты возьми Галичъ, а язъ Понизь, а Богъ ти поможетъ; а про Черторыескъ правъ еси“²⁾. Это предсмертное раскаяніе, это чистосердечное сознание своей ошибки и желаніе исправить ее неволью примиряетъ насъ съ Мстиславомъ.

Но не пришлось Удалому видѣть исполненіе своего желанія: въ 1228 г.³⁾ этотъ князь, котораго лѣтопись называетъ Великимъ и Удатнымъ⁴⁾, заболѣлъ на пути въ Кіевъ и умеръ, принявъ передъ смертью, по тогдашнему обыкновенію, схику⁵⁾. Даже въ предсмертныя минуты Мстиславъ не могъ освободиться отъ давившаго его роковаго вліянія бояръ и вслѣдствіе ихъ интригъ лишень былъ послѣднaго утѣшенія: умирающій жаждалъ видѣть зятя своего, Данила, къ которому въ послѣднее время питалъ оупъ сильную любовь, желалъ поручить ему домъ свой и дѣтей, но Глѣбъ Зремѣвичъ, побуждаемый, по словамъ лѣтописи⁶⁾, завистью, успѣлъ воспрепятствовать и этому.

Смерть Мстислава не могла оказать особеннаго вліянія на судьбу Галича. Даровитый, мужественный Данилъ Романовичъ былъ уже въ такихъ лѣтахъ, что могъ смѣло выступить съ своими притязаніями на отцовскую власть; смерть Мстислава только развязала ему руки.

¹⁾ Черторыескъ или Черторыйскъ, городъ Волынской губ., на рѣкѣ Стирѣ, отъ Луцка 11 миль къ сѣверу. См. *Зубрицкаю* Ист. др. Г.-Р. кн., 4. 3-я, 103, пр. 85; см. также *Соловья*. Ист. Р. II, пр. 133, стр. XVI.

²⁾ Лѣт. по Ип. сп., 502.

³⁾ Лѣт. по Ип. сп., 520.

⁴⁾ Такъ въ Лавр. (Лѣт. по Лавр. сп., 428) и Воскр. (стр. 134), а по Шатьевск.—въ 1227 г. (Лѣт. по Ипат. сп., 502).

⁵⁾ См. Воскр. лѣт. (стр. 134); Лавр. (Лѣт. по Лавр. сп., 428); Никон. (II, 358).

⁶⁾ Лѣт. по Ип. сп., 502.

Теперь онъ нѣмъ не стѣсняемый, послѣ нѣкоторой борьбы, достигаетъ цѣли—овладѣваетъ Галичемъ.

Мы обобрѣли дѣятельность Мстислава шагъ за шагомъ, на сколько это позволялъ намъ лѣтописный матеріалъ. Остается теперь резюмировать все сказанное, собрать въ одно цѣлое разсѣянные черты для характеристики Мстислава и для опредѣленія его значенія, какъ историческаго дѣятеля.

Существуетъ неразрывная связь между задачами, которыя преслѣдовалъ въ своей дѣятельности Удалой, и личными его качествами: непосредственно изъ послѣднихъ вытекали его стремленія, обусловливаясь, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и потребностями времени. Поэтому, для опредѣленія значенія Мстислава, какъ историческаго дѣятеля, намъ необходимо прежде представить его характеристику, какъ нравственной личности, какъ человѣка вообще. При этомъ намъ нѣтъ нужды вдаваться въ подробности, приводить доказательства и примѣры: это бы значило повторять все сказанное. Въ предыдущемъ изложеніи личность Мстислава, кажется, достаточно уже выяснилась, такъ что намъ остается лишь напомнить нѣкоторыя выдающіяся черты его характера.

Основною чертою этой личности является качество, упрочившее за Мстиславомъ прованіе въ исторіи; это—удальство, та молодецкая удаль, которая характеризуетъ многихъ героевъ нашихъ былинъ. Непосѣдливость и стремленіе все къ новымъ и новымъ подвигамъ составляютъ не менѣе выдающіяся стороны живаго и отважнаго характера Мстислава. Въ періодъ молодости народа, въ его геройскую эпоху, такіе характеры составляютъ далеко не единичное явленіе, а, напротивъ, господствующее, и въ этомъ отношеніи Удалой только наиболѣе блестящій представитель цѣлаго ряда подобныхъ личностей. Но у Мстислава на всемъ этомъ мужествѣ лежитъ печать великодушія и любви къ правдѣ, чуднымъ образомъ соединяются въ немъ съ этими чертами миролюбіе и добродушіе. Такимъ образомъ, Удалой является витяземъ, рыцаремъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Ратное поле—вотъ поприще дѣятельности Мстислава, и тамъ, среди опасностей битвы, онъ является во всемъ своемъ блескѣ. Сила Мстислава кроется въ его воодушевленіи, и это воодушевленіе беретъ у него верхъ надъ разсудкомъ и холоднымъ расчетомъ. Поэтому, въ дальновидности и неуклонномъ стремленіи къ одной цѣли онъ далеко уступаетъ, напримѣръ, князьямъ сѣвернымъ и даже составляетъ имъ прямую противоположность. Въ этомъ же преобладаніи

увлеченія и воодушевленія нужно видѣть, между прочимъ, причину колебаній, какой-то слабости Мстислава въ дѣлахъ, гдѣ требуется проникательный умъ и твердая воля, а такіе рыцари, какъ Удалой, обыкновенно плохіе политики: они хорошо владѣютъ мечемъ, но совершенно теряютъ почву подъ собой въ средѣ коварныхъ и ловкихъ интригановъ. Такъ и Мстиславъ, человекъ добродушный, но въ то же время легковѣрный, дѣлается игролищемъ въ рукахъ Галицкихъ бояръ, легко поддается ихъ внушеніямъ и, разъ подпавъ ихъ вліянію, уже не въ силахъ освободиться отъ него, такъ что, самъ будучи поборникомъ правды, доходитъ до того, что совершаетъ величайшія несправедливости. Но и здѣсь готовность Мстислава сознать, что онъ поступилъ несправедливо, и раскаяться,—смягчаетъ эти недостатки.

Уже изъ этой общей характеристики Удалого мы можемъ заранѣе вывести заключеніе, что намъ нечего ждать отъ него послѣдовательности въ дѣйствіяхъ и опредѣленности стремленій, тѣмъ болѣе, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда старинныя представленія начали терять свою силу, а новыя еще не выработались вполне, при путаницѣ и неопредѣленности отношеній, даже самый послѣдовательный умъ и характеръ едва-ли бы могъ остаться вѣрнымъ самому себѣ. По своимъ личнымъ качествамъ и симпатіямъ Мстиславъ, безспорно, принадлежитъ къ типу прежнихъ князей. Какъ мы уже видѣли, со второй половины XII в. у насъ началъ выработаться новый типъ князей. Представители этого типа, вмѣсто того, чтобы переходить съ одного стола на другой, осѣдуются въ своихъ волостяхъ, и сообразно съ этимъ, предметомъ ихъ заботъ и особеннаго вниманія становится исключительно собственное ихъ княжество, между тѣмъ какъ обще-русскіе интересы и сознаніе единства всей Руси отступаютъ далеко на задній планъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ такіе князья не столь воинственны, какъ представители прежняго типа; напротивъ, они осторожны, избѣгаютъ битвъ и предпочитаютъ достигать своихъ цѣлей мирнымъ путемъ, большею частью хитростью и ловкою политикою. Словомъ, это уже князья-правители, для которыхъ и самое чувство родства, и связи, основанныя на немъ, не имѣютъ равно никакого значенія. Не таковъ Мстиславъ: это—предводитель дружины, витязь и воинъ, а не правитель той области, въ которой онъ княжитъ. Подобно прежнимъ князьямъ, переходить онъ съ одного стола на другой; всѣ русскія области имѣютъ для него равную цѣну, и ни одной изъ нихъ не отдастъ онъ особеннаго пред-

почтенія. Это объясняется не только непосѣдливимъ характеромъ Мстислава, но и сознаниемъ единства Руси. И дѣйствительно, Удалой своею дѣятельностью связывалъ самыя отдаленныя области между собою, сѣверъ и югъ Россіи ¹⁾. Вместе съ этимъ Мстиславъ уважалъ родственныя связи, придавалъ имъ прежнее значеніе и готовъ былъ поддерживать патріархальныя отношенія между князьями. Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе и его личныхъ качествъ, симпатіи Удалаго, безъ сомнѣнія, склонялись на сторону старой Руси; его идеаломъ была, вѣроятно, Русь временъ Мономаха, братолюбца и добраго страдальца за Русскую землю, когда князья сознавали, что они братья, когда дѣла рѣшались сообща на съѣздахъ, которые, замѣтимъ мы, снова появляются на сцену именно при Мстиславѣ Мстиславичѣ.

Вотъ всѣми этими-то чертами Удалой и примыкаетъ къ представителямъ Старой Руси. Но напрямѣръ, Соловьевъ на этомъ не останавливается: по его мнѣнію, Мстиславъ своею дѣятельностью хотѣлъ восстановить всецѣло старый порядокъ вещей, явившись борцемъ за старину противъ новизны, развивавшейся на сѣверѣ. Въ дѣйствительности факты не подтверждаютъ такого взгляда. Такъ, выступая на помощь Новгороду, Мстиславъ является не болѣе, какъ защитникомъ слабыхъ, поборникомъ новгородской вольности и самостоятельности, а въ ту эпоху областная обособленность составляла явленіе вполне современное. Далѣе, поддержавъ господство Мономаховичей въ Киевской области, Удалой выказалъ себя до известной степени восстановителемъ старины, но при этомъ обнаружилъ полное невниманіе и равнодушіе къ Киеву, завитной цѣли прежнихъ князей. За тѣмъ въ борьбѣ, закончившейся Липецкою битвой, онъ является союзникомъ старшаго изъ Всеволодовичей; но союзъ этотъ вызванъ общою враждою ихъ къ младшимъ Всеволодовичамъ и вытекавшей отсюда общностью интересовъ; при томъ же Мстиславу Константинъ обязанъ такимъ усиленіемъ сравнительно съ младшимъ братомъ, какое совершенно противорѣчитъ стариннымъ понятіямъ. Наконецъ, Удалой распоряжается Галичемъ, какъ полный собственникъ, и этимъ ясно показалъ, въ какой мѣрѣ подчиняется онъ современнымъ ему (и даже новымъ) понятіямъ. Вообще мы можемъ сказать, что главная цѣль Мстислава не восстановленіе старины, а, точнѣе говоря, — защита правды, оказаніе помощи слабымъ, посредничество и примиреніе враждующихъ сторонъ.

¹⁾ Ср. Соловьева И. Р., IV, 138.

Такимъ образомъ, изъ всего предыдущаго мы выводимъ то заключеніе, что Мстиславъ въ своей дѣятельности не является представителемъ и исключительно старой Руси; понятія, господствовавшія въ его время, вліяютъ на него, часто независимо отъ того, стары они или новы; на его дѣятельности отразились какъ тѣ, такъ и другія.

Какъ же исполнилъ свои задачи Мстиславъ? Какіе слѣды оставила въ нашей исторіи его дѣятельность? — Есть историческіе дѣятели, которые, понявъ неудовлетворительность современнаго имъ порядка вещей, стремятся внести въ жизнь новыя начала и измѣнить ея строй. Нерѣдко такихъ людей ожидаетъ полный неуспѣхъ, при жизни ихъ удѣломъ становится часто безславіе, и лишь потомство (да и то не всегда) оцѣниваетъ ихъ заслуги; тогда съ ихъ именемъ связывается у насъ представленіе о зарѣ новой жизни. Не къ этимъ дѣятелямъ, какъ мы видѣли, принадлежитъ Мстиславъ: его мѣсто среди тѣхъ, вся сила которыхъ заключается не въ проведеніи новыхъ началъ, а въ личномъ обаяніи. Такіе дѣятели, пока живы, пользуются славой и громаднымъ значеніемъ, послѣ же себя они оставляютъ не прочныя результаты, а лишь память о своихъ блестящихъ подвигахъ. Мы говорили уже, въ какомъ положеніи находилась Русь въ моментъ выступленія Мстислава на историческое поприще: въ тогдашнихъ отношеніяхъ господствовали произволъ и путаница, послѣдствіемъ чего было затруднительное положеніе всѣхъ тѣхъ, кто не могъ силой отстоять свои права. Все это вытекало изъ самаго строя и условій тогдашней жизни. Удалой старался помочь такому положенію дѣлъ, внести хотя какой-нибудь порядокъ въ этотъ хаосъ и защитить слабыхъ. Но при этомъ онъ ограничился тѣмъ, что благотворно дѣйствовалъ своимъ личнымъ вмѣшательствомъ, мирилъ враждующихъ и служилъ между ними посредникомъ; всѣ слабые и гонимые находили въ немъ защитника. Самаго же строя, главнаго источника всѣхъ неурядицъ, Мстиславъ не думалъ измѣнять; онъ не указалъ пути для выхода изъ этого неудовлетворительнаго положенія. Хотя Удалой и выставилъ знамя правды, но образъ послѣдней былъ слишкомъ неопредѣленъ для того, чтобы помочь дѣлу: каждый могъ понимать эту правду по-своему; притомъ же, можно было напередъ сказать, что эгоизмъ и страсти возьмутъ верхъ надъ всякимъ чувствомъ правды и заглушатъ его. Вратолюбіе Мстислава, его напоминанія о родствѣ и единствѣ происхожденія всѣхъ русскихъ князей также не могли измѣнить общаго положенія дѣлъ. „Крови не дай Богъ сотво-

рити", говоритъ, напримѣръ, Мстиславъ младшимъ Всеволодовичамъ, — „да до того управимся; мы есмь племенници себѣ"; но отвѣтъ Юрія ясно показалъ, что родственныя связи отжили свой вѣкъ и что теперь большинство князей вовсе не намѣрено руководиться ими въ своихъ отношеніяхъ. Затѣмъ, княжескіе сѣзды, которые возобновились при Мстиславѣ, сами по себѣ также не могли имѣть большаго значенія: на нихъ должна была господствовать та же путаница, та же неопредѣленность и борьба страстей. При томъ, сѣзды эти существовали и имѣли нѣкоторую силу только въ теченіе того времени, пока во главѣ князей стоялъ Удалой. Словомъ, Мстиславъ дѣйствовалъ лишь своею обаятельною личностью, и его вліяніе продолжалось только до тѣхъ поръ, пока онъ былъ живъ; умеръ онъ, — и все пошло по прежнему: положеніе дѣлъ не только не измѣнилось къ лучшему, но еще болѣе ухудшилось, а тутъ нагрянули Татары, и старой жизни насталъ конецъ. Одно только дѣло пережило Мстислава — нѣкоторые результаты Липецкой битвы, но и то на столько, на сколько они касались Новгородца. Произошло это потому, что здѣсь Мстиславъ выступилъ не только борцемъ во имя слинкомъ общей и неопредѣленной идеи правды, защитникомъ слабыхъ отъ произвола сильныхъ, но и охранителемъ Новгородской самостоятельности и вольности, которыя органически связаны были со всѣмъ строемъ жизни Великаго Новгорода и къ которымъ стремился весь предыдущій ходъ его исторіи; къ тому же татарскій погромъ, потрясшій прежнія основы жизни въ остальной Руси, пощадилъ Новгородъ, не коснувшись его такъ осязательно.

Но именно тому Удалой и обязанъ своимъ вліяніемъ на современниковъ, что онъ не былъ нововодителемъ, что своими идеалами и стремленіями онъ не возвышался надъ уровнемъ тогдашняго общества. Явись Мстиславъ борцемъ во имя какихъ-нибудь новыхъ, непонятныхъ для людей XIII в., началъ, и онъ бы никогда не пользовался такимъ вліяніемъ и уваженіемъ; братолюбіе же, правда и областная независимость — все это идеи не только понятныя, но и популярныя среди Мстиславовыхъ современниковъ ¹⁾. Прибавимъ къ этому обаятельную личность Удалаго и его блестящія качества, привлекшія къ нему общую симпатію, и мы поймемъ, почему взоры всѣхъ обращаются къ нему съ мольбой о защитѣ и о посредничествѣ. Современные Мстиславу князья знали, что онъ, можетъ быть,

¹⁾ Хотя въ своихъ отношеніяхъ князья и не думали подражать Мстиславу.

поступить несправедливо, но они также знали, что это будетъ съ его стороны скорѣе ошибкой, чѣмъ преднамѣренной несправедливостью; они видѣли, что по своему благородному характеру Удалой лучше всякаго другаго можетъ служить посредникомъ, что если они не всегда встрѣтять въ немъ непогрѣшимаго судью, то, съ другой стороны, не найдутъ въ немъ и хитраго политика, ищущаго лишь случая усилятся на счетъ другихъ.

Въ заключеніе повторяемъ, что, не смотря на свои слабости, Мстиславъ является все-таки лучшимъ представителемъ южно-рускихъ князей, блестящимъ типомъ ихъ. Онъ ошибался, поступалъ иногда несправедливо, обнаруживалъ безхарактерность; но съ другой стороны это выкупалось многими достоинствами, а чистосердечное раскаяніе примиряетъ насъ съ главнымъ проступкомъ его — отдачей Галича въ руки иноплеменниковъ. Мстиславъ оставилъ по себѣ память, какъ человѣкъ, любившій правду и ратовавшій за нее, умѣвшій уважать права и волю народа такъ, какъ рѣдко кто другой. Казалось, судьба, какъ разъ накалилъ окончательнаго погрома древней Руси Татарами, собралъ всѣ лучшія качества южно-русскихъ князей и надѣлила ими Удалаго, послѣдняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго блестящаго представителя этихъ князей. Не прошло и 10 лѣтъ со времени смерти Мстислава, какъ явились Татары и покорили Русь. Тогда, при новыхъ условіяхъ жизни, не могли уже явиться удалые Мстиславы; да еслибы въ татарскую эпоху какимъ-нибудь образомъ и создались у насъ подобная личность, то она бы принесла съ собой только горе и несчастіе: что могли значить великодушіе, удале и полный воодушевленія героизмъ отдѣльныхъ лицъ въ сравненіи съ несмѣтными полчищами Татаръ? Обстоятельства требовали иныхъ дѣятелей—людей, одаренныхъ хитрымъ и осторожнымъ умомъ, ловкостью, умѣвшихъ подчасъ кривить душой, льстить и унижаться предъ ханомъ, но при этомъ неуклонныхъ въ своей цѣли, идущихъ къ ней медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ, — словомъ, тѣхъ собирателей земли Русской, дѣятельности которыхъ послѣднія такъ много обязана своимъ объединеніемъ.

И такъ, удалой витязь Мстиславъ — представитель безвозвратно и давно миновавшаго прошедшаго, продуктъ прежнихъ условій жизни, типъ, который могъ выработаться только въ нашей древней Руси, и въ этомъ заключается главнѣйшій интересъ его изученія.

Вл. Бузесмулъ.